



# СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

S O C I O L O G I C H E S K A J A   N A U K A  
I   S O C I A L ' N A J A   П Р А К Т И К А

Рецензируемый научный журнал

Основан в 2013 г.  
Выходит 4 раза в год

**2023. Т. 11, № 1(41)**

DOI: 10.19181/snsp.2023.11.1

Учредители:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки  
Федеральный научно-исследовательский социологический  
центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Федеральное государственное автономное образовательное  
учреждение высшего профессионального образования  
«Национальный исследовательский ядерный университет  
«МИФИ»

## Редакционная коллегия

<b>Михаил Константинович ГОРШКОВ</b>	главный редактор, академик РАН, доктор философских наук, директор, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
<b>Иннокентий Галималаевич АКТАМОВ</b>	кандидат педагогических наук, доцент, директор Восточного института Бурятского государственного университета (Россия)
<b>Раиса Эдуардовна БАРАШ</b>	кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
<b>Ксения Сергеевна ГРИГОРЬЕВА</b>	кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
<b>Александр Бенционович ГОФМАН</b>	доктор социологических наук, профессор, НИУ ВШЭ (Россия)
<b>Руслан Семёнович ГРИНБЕРГ</b>	член-корреспондент РАН, научный руководитель, Институт экономики РАН (Россия)
<b>Том ДУАЙЕР</b>	профессор, университет Кампинаса, член Исполкома Международной социологической ассоциации (Бразилия)
<b>Юлия Альбертовна ЗУБОК</b>	доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
<b>Давид Львович КОНСТАНТИНОВСКИЙ</b>	доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
<b>Сергей Александрович КРАВЧЕНКО</b>	зам. главного редактора, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО-Университет МИД РФ (Россия)
<b>Алла Викторовна МОЗГОВАЯ</b>	зам. главного редактора, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
<b>Джон МОРГАН</b>	доктор философии, профессор, Председатель национальной комиссии ЮНЕСКО Соединенного Королевства, заведующий кафедрой политической экономики образования Ноттингемского университета (Великобритания)
<b>Владимир Изявич МУКОМЕЛЬ</b>	доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
<b>Пейлин ЛИ</b>	академик, Китайская академия общественных наук (Китай)
<b>Александр Ильич СМИРНОВ</b>	доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
<b>Наталья Евгеньевна ТИХОНОВА</b>	доктор социологических наук, профессор-исследователь НИУ ВШЭ (Россия)

## Editorial Board

<b>Mikhail GORSHKOV</b>	(Editor in Chief), Academician, Director, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
<b>Innocentiy AKTAMOV</b>	Sci. (Ped.), Associate Professor, Director of the Oriental Institute of the Buryat State University (Russia)
<b>Raisa BARASH</b>	Cand. Sci. (Pol.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
<b>Ksenija GRIGOR'EVA</b>	Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
<b>Tom DWYER</b>	Professor, University of Campinas, a Board member of the International Association of a sociological (Brazil)
<b>Julia ZUBOK</b>	Dr. Sci. (Sociol.), Deputy Director for Research, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
<b>Alexander GOFMAN</b>	Dr. Sci., (Sociol.), Professor of Department of General Sociology of the HSE University (Russia)
<b>Ruslan GRINBERG</b>	Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia)
<b>David KONSTANTINOVSKY</b>	Dr. Sci., (Sociol.), Professor, Main Researcher, Head of the Department of Sociology of Education, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)
<b>Sergey KRAVCHENKO</b>	(Deputy Editor), Dr. Sci., (Philos.), Professor, Head of the Chair of Sociology MGIMO-University of the Russian Foreign Ministry (Russia)
<b>Alla MOZGOVAYA</b>	(Deputy Editor), Dr. Sci., (Sociol.), Main Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
<b>John MORGAN</b>	Ph.D., Professor, Chairman of the National Commission for UNESCO, the United Kingdom, Head of the Political Economy of Education University of Nottingham (UK)
<b>Vladimir MUKOMEL</b>	Dr. Sci., (Sociol.), Professor, Main Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)
<b>Peilin LI</b>	Academician, Chinese Academy of Social Sciences, (China)
<b>Alexander SMIRNOV</b>	Dr. Sci., (Sociol.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
<b>Natalia TIKHONOVA</b>	Dr. Sci. (Sociol.), Professor, HSE University (Russia)

# СОДЕРЖАНИЕ

---

## СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

- Зборовский Г. Е., Амбарова П. А.*  
Противоречия развития научно-педагогического сообщества как проблема зарубежных и отечественных исследований . . . . . 8
- Бабинцев В. П., Серкина Я. И.*  
Институционализация социальных рисков дигитализации образовательного пространства вузов в провинциальных городах России . . . . . 26
- Селиверстова Н. А., Зубок Ю. А.*  
Представления студенческой молодёжи о смыслах образования: социокультурные особенности саморегуляции . . . 44

## СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. СОЦИАЛЬНОЕ УЧАСТИЕ

- Воробьева И. Н.*  
Территориальная идентичность населения как фактор и следствие социального участия . . . . . 70
- Хамидуллин Н. Р.*  
О мерах социальной поддержки многодетных семей (на примере Оренбургской области) . . . . . 86

## СОЦИОЛОГИЯ МИГРАЦИИ

- Воронина Н. С.*  
Отношение россиян к иммигрантам в период пандемии COVID-19 (2020–2021 гг.). . . . . 104

## СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИИ

- Литвинцев Д. Б.*  
Роль «третьего места» в практиках молодежного досуга: домашняя вечеринка (хоум-пати) как социальное мероприятие . . . . . 124

## ИННОВАЦИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

- Атласкиров А. Р.*  
Цифровая трансформация в традиционном обществе (на примере Кабардино-Балкарской Республики) . . . . . 138

## СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

*Галкин К. А.*

Стратегии сохранения индивидуального здоровья  
пожилых людей: городской и сельский контексты. . . . . 157

## СОЦИОЛОГИЯ ПРОФЕССИЙ

*Ростовская Т. К., Рычихина Н. С., Золотарева О. А*

Некоторые аспекты управления карьерой специалиста  
в парадигме профессионального стандарта «Демограф». . . . . 173

# CONTENT

---

## SOCIOLOGY OF EDUCATION

- Zborovsky G. E., Ambarova P. A.*  
Contradictions in the development of the scientific  
and pedagogical community as a problem of foreign  
and domestic research . . . . . 8
- Babintsev V. P., Serkina Ya. I.*  
Institutionalisation of social risks of digitalisation of the  
educational space of universities in the provincial cities  
of Russia . . . . . 26
- Seliverstova N. A., Zubok Yu. A.*  
Ideas about the meanings of education among students:  
socio-cultural peculiarities of self-regulation . . . . . 44

## SOCIAL POLICY. SOCIAL PARTICIPATION

- Vorobeva I. N.*  
Territorial identity of the population as a factor  
and consequence of social participation . . . . . 70
- Khamidullin N. R.*  
On measures of social support for large families  
(on the example of Orenburg region) . . . . . 86

## SOCIOLOGY OF MIGRATION

- Voronina N. S.*  
Attitude of Russians towards immigrants during  
the COVID-19 pandemic (2020–2021) . . . . . 104

## SOCIAL COMMUNICATION

- Litvintsev D. B.*  
The role of the “third place” in the practices of youth  
leisure: house party (home party) as a social event . . . . . 124

## INNOVATIONS IN RUSSIAN SOCIETY

- Atlaskirov A. R.*  
Digital transformation in traditional society  
(on the example of the Kabardino-Balkarian Republic). . . . . 138

**SOCIOLOGY OF HEALTH**

*Galkin K. A.*

Strategies for maintaining the individual health  
of the elderly: urban and rural contexts . . . . . 157

**SOCIOLOGY OF PROFESSIONS**

*Rostovskaya T. K., Rychikhina N. S., Zolotareva O. A.*

Some aspects of managing the career of a specialist  
in the paradigm of the professional standard “Demographer” . . . 173



## ПРОТИВОРЕЧИЯ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА КАК ПРОБЛЕМА ЗАРУБЕЖНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Гарольд Ефимович Зборовский<sup>1</sup>

Полина Анатольевна Амбарова<sup>2</sup>

<sup>1, 2</sup> Уральский федеральный университет имени  
первого Президента России Б. Н. Ельцина,  
Екатеринбург, Россия,

<sup>1</sup> [garoldzborovsky@gmail.com](mailto:garoldzborovsky@gmail.com),

ORCID 0000-0001-8153-0561

<sup>2</sup> [borges75@mail.ru](mailto:borges75@mail.ru),

ORCID 0000-0003-3613-4003

**Для цитирования:** Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Противоречия развития научно-педагогического сообщества как проблема зарубежных и отечественных исследований // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 1. С. 8–25. DOI 10.19181/snsp.2023.11.1.1. EDN BBPWCF.

**Аннотация.** Предметом социологического анализа в статье является один из важных ресурсов современного высшего образования – научно-педагогическое сообщество (НПС), рассматриваемое авторами в качестве ключевой социальной общности университетов (наряду со студентами и управленческими работниками). В фокусе внимания – две основные ипостаси НПС, от качества которых зависит место вуза в отечественных и международных рейтингах высшей школы. Это профессионально-педагогическая и научно-образовательная деятельность представителей сообщества. Подчёркивается, что именно НПС составляет сегодня «ядро» интеллектуального актива университета. Следствием этого является растущее внимание к НПС как объекту теоретического и эмпирического изучения в зарубежной и отечественной науке. Отсюда цель статьи была определена как выявление трендов исследований НПС, показанных сквозь призму его противоречий и проблем, общих для российских и зарубежных вузов. Особое внимание обращается на две парадоксальные ситуации, характерные для отечественного НПС. Во-первых, по мере того, как сокращается его численность, усложняется структура профессиональной деятельности, увеличивается количество задач и степень ответственности, систематически растёт объём академической нагрузки и ненужного бюрократического бремени. Во-вторых, противоречивым образом сочетается возрастающая зависимость стратегии развития университета от



научно-педагогических работников со снижением реального управленческого внимания к ним. Общей теоретической рамкой для авторов послужили две теории – социальной общности и ресурсной зависимости. В статье представлены результаты систематического анализа литературы, позволившие раскрыть противоречия воспроизводства научно-педагогических кадров университетов, влияние стратегий развития высшего образования и университетов на функционирование и развитие НПС, а также противоречия развития ресурсности НПС.

**Ключевые слова:** научно-педагогическое сообщество (НПС), академическое развитие, противоречия развития НПС, университетское управление

**Благодарности:** исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00028, <https://rscf.ru/project/23-28-00028/>.

## Введение

Одним из важных ресурсов отечественной высшей школы выступает научно-педагогическое сообщество (НПС). Являясь их ключевой социальной общностью (наряду с двумя другими – студенчеством и управленческими работниками), НПС участвует в реализации основных миссий и главных целей университетов. Качество и эффективность профессионально-педагогической и научно-образовательной деятельности представителей сообщества в большей мере определяют возможности конкретных вузов попасть в различные национальные и международные «табели о рангах». Поэтому не случайно НПС рассматривают в качестве основного интеллектуального актива университетов, «сердцевины» их человеческого, научного и культурного капитала. В этом следует видеть причины растущего внимания зарубежных и отечественных исследователей к НПС как объекту теоретического и эмпирического изучения.

В представленной статье внимание уделяется рассмотрению отечественных и зарубежных исследований, посвящённых НПС и его роли в развитии высшей школы. Цель статьи состоит в выявлении трендов исследований НПС, общих для российских и зарубежных университетов проблем и противоречий сообщества.

Противоречивость присуща самой природе НПС и специфике его функционирования в университете. С одной стороны, данное сообщество выступает как профессионально-педагогическая, с другой – как научно-образовательная общность. При этом одними и теми же людьми реализуются связанные, но не тождественные функции – учебно-воспитательная, научно-исследовательская, проектная, инновационная, предпринимательская, общественная. Традиционно первая считалась приоритетной с учётом того, что вуз решал прежде всего образовательные задачи, связанные с подготовкой высококвалифицированных специа-

листов. Однако трансформация высшего образования, происходящая в стране с конца XX в. (ещё раньше в глобальном мире высшего образования), привела к глубоким изменениям академической профессии и создала предпосылки мобилизации ресурсности НПС.

Нельзя не отметить по меньшей мере две парадоксальные ситуации в положении НПС в нашей стране. Во-первых, по мере того, как сокращается его численность (с 464,3 тыс. в 2010–2011 гг. до 283,1 тыс. чел. в 2020–2021 гг. [1, с. 375]), усложняется структура его профессиональной деятельности, увеличивается количество задач и степень ответственности, систематически растёт объём академической нагрузки и бюрократического бремени. Во-вторых, противоречивым образом сочетается возрастающая зависимость стратегии развития университета от научно-педагогических работников со снижением реального управленческого внимания к ним. О необходимости сохранения последнего говорит принятая в 2021 г. Программа стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», которая заставила ведущие университеты страны формировать основы новой кадровой политики, обеспечивающей человеческим ресурсом программы своего развития. Однако процесс реализации такой кадровой политики – дело не одного дня и не одного года.

В связи с тем, что развитие российских вузов происходит в целом в том же русле, что и в других странах, мы обратили внимание как на отечественные, так и на зарубежные исследования с целью выявить общие направления и противоречия трансформации НПС в современных условиях. Общей теоретической рамкой для нас послужили теории социальной общности и ресурсной зависимости. Систематический анализ литературы, осуществлённый на такой теоретической основе, позволил показать в качестве основных результатов: 1) противоречия воспроизводства научно-педагогических кадров университетов; 2) влияние стратегий развития высшего образования и университетов на функционирование и развитие НПС; 3) противоречия развития ресурсности НПС.

Названные аспекты не отражают всего многообразия проблем НПС (как российских, так и зарубежных вузов), поскольку предметом эмпирического исследования стали только те противоречия, которые оказались наиболее часто обсуждаемыми в научной литературе. Такое ограничение исследования в перспективе может быть преодолено за счёт обращения к реальным университетским практикам, а также к материалам таких публичных площадок, как телеграм-каналы профессионального сообщества, диспуты на научных конференциях, темы которых не находят полного отражения в публикациях.

## Результаты исследования

*1. Противоречия воспроизводства научно-педагогических кадров университетов.* Общей для зарубежной и отечественной науки является проблема подготовки научно-педагогических работников университетов. Систему воспроизводства академических кадров необходимо рассматривать как важный контекстный фактор сохранения и развития ресурсности НПС. Зарубежные исследователи изучают эту систему в контексте качества производства научно-педагогических кадров, в то время как российские учёные формулируют её в терминах кризиса.

Одним из масштабных европейских исследований в этом плане можно назвать мониторинг системы докторантской подготовки, осуществляемый более 10 лет Европейской ассоциацией университетов (EUA). Предметом мониторинга являются ключевые результаты более чем десятилетних реформ аспирантуры в странах Европы, подписавших Болонскую декларацию<sup>1</sup>. В исследовании 2021 г. ключевыми были обозначены такие проблемы, как обучение академической этике и цифровым навыкам, которые различаются у аспирантов в зависимости от дисциплинарного, институционального и национального контекстов их диссертационных проектов.

К этой же проблематике примыкают работы Я. Бао, Б. Кехм, Я. Ма [2], М. Робертсон [3], а также результаты исследований, проведённых международным коллективом в составе Б. Кехм, М. Квека, Р. Дим, С. Доула, С. Чен и др. [4]. В книге «Структурные и институциональные преобразования в аспирантуре. Социальные, политические и студенческие ожидания» Р. Дим, А. Амарал, Т. Карвальо, Р. Нойман обобщены результаты анализа структурных и институциональных преобразований аспирантуры и той степени, в которой эти изменения соответствуют социальным, политическим ожиданиям и ожиданиям кандидатов в докторантуру. Зарубежные исследователи полагают, что высшее образование претерпело глубокие изменения, вызванные массовостью и диверсификацией студенческого контингента, усилением неолиберальной политики в сочетании с сокращением государственного финансирования и возникновением общества знаний и экономики [5].

Отечественные исследователи концентрируются на противоречиях российской системы воспроизводства научно-педагогических кадров и истощении кадрового потенциала, обращая внимание на типичность этой проблемы как для ведущих, так и рядовых, в том числе региональ-

<sup>1</sup> Doctoral education in Europe: current developments and trends. Based on the results of the 2021 EUA-CDE survey // EUA: [сайт]. 05.04.2022. URL: <https://eua.eu/resources/publications/1017:doctoral-education-in-europe-current-developments-and-trends.html> (дата обращения: 10.01.2023).

ных, университетов страны. Исследования в рамках этого направления посвящены целому ряду проблем, среди которых выделим наиболее важные, по нашему мнению.

Во-первых, это трансформация и резкое снижение эффективности институтов аспирантуры и докторантуры, которую отмечают С. К. Бекова, З. И. Джафарова [6], Б. И. Бедный, Е. В. Чупрунов, М. Б. Сапунов [7; 8]; Н. Г. Малашонок, Е. В. Терентьев [9], Е. Р. Мкртчян [10]. Во-вторых, это проблема академического инбридинга, низкая академическая мобильность и кадровый «застой», дискриминация «чужих» научно-педагогических работников, характерные для российской высшей школы. Такой вывод следует из исследований Г. Л. Волковой [11], М. М. Юдкевич и О. Ю. Гореловой [12], А. В. Ловакова [13], Е. В. Воеводиной [14].

В целом очевидным становится влияние на эффективность аспирантуры и докторантуры уменьшения привлекательности академической профессии для всех групп НПС. Ключевыми факторами здесь становятся снижение численности НПС на фоне усиления эксплуатации (некомпенсируемая академическая сверхнагрузка), отмечаемой в исследованиях Е. В. Балацкого [15], М. В. Курбатовой [16], Р. Н. Абрамова [17], Ю. В. Филоненко [18], а также недостаточная эффективность программ государственной поддержки молодых НПС [19; 20].

Анализ научной литературы показывает, что сложившаяся в российских вузах ситуация с подготовкой научно-педагогических кадров входит в противоречие со стратегическими целями развития отечественной высшей школы, которые обеспечиваются качеством человеческого капитала НПС. Понимание причин возникновения этой проблемы и способов её решения требуют рассмотрения социального контекста складывающегося тренда. Прежде всего, нужно говорить о снижении статуса и престижа академической профессии в российском обществе, разрушении ценностно-смыслового пространства в российском обществе, в котором высшее образование и наука занимали бы ключевые позиции, сохранялся бы этос академической профессии. Данная проблема обсуждается как в научных публикациях [21], так и в рамках научных мероприятий<sup>1</sup>. Меры государственной политики, направленные в том числе на реформирование института аспирантуры и докторантуры, грантовую поддержку молодых учёных, декларативны и плохо обеспечены ресурсами и организационными возможностями самих университетов. Базовое обстоятельство – привлекательность академической профессии – не изменяется, поскольку предпринимаемые меры остаются фрагментарными и неэф-

---

<sup>1</sup> X Грушинская социологическая конференция: «Жить в России. Жить в мире. Социология повседневности». Секция «Человек и наука. Наука в разреженной среде». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7ALtdk0Ga1M> (дата обращения: 21.01.2023).



фективными. Соответственно, решение проблемы вовлечения и удержания способной и талантливой молодёжи в российском университетском образовании и вузовской науке требует системного подхода.

2. *Влияние стратегий развития высшего образования и университетов на функционирование и развитие НПС.* Конец XX – начало XXI вв. для университетского сектора ознаменовались трансформацией моделей университетского управления и управления высшей школой в целом. Ведущим контекстным фактором стало внедрение концепции «нового государственного менеджмента», которая потребовала жёсткой привязки стратегий развития вузов к общенациональным проектам и программам и формализованной оценки и «калькуляции» потенциала НПС. Такой тренд сформировался в высшей школе как за рубежом, так и в России. Его социальные эффекты вызвали определённую научную рефлексию, отражённую в литературе.

Зарубежные авторы раньше отечественных стали фиксировать тесную и противоречивую связь между состоянием НПС и стратегическим контуром функционирования университетов, задающим целевые рамки, институциональные нормы и организационные условия накопления, развития и использования ресурсов НПС. Они обратили внимание на необходимость создания «кадрового ядра перемен», образуемого не только университетским менеджментом, но и НПС. Это означает внимательное отношение – в исследованиях и практике – к академическому развитию НПС как стратегически важному управленческому подходу к накоплению ресурсности вуза. Исследование управления кадровыми (человеческими) ресурсами в зависимости от типа и стратегии развития университета стало за рубежом определённой исследовательской традицией, поддержанной работами И. Ляйфнер [22], Р. Линч, П. Байнес [23], Т. Агасисти [24]. В большей мере зарубежные исследователи НПС, в меньшей – отечественные авторы изучают механизмы развития кадровых ресурсов в контексте глобального пространства высшего образования, в котором возможна академическая мобильность, свободная конкуренция за лучшие кадры и таланты. На негативных сторонах академического инбридинга и возможностях его преодоления акцентирует внимание исследование Х. Хорты [25] и М. Юдкевич [12], на инбридинг как одну из «нормальных» стратегий отечественных НПС указывает Г. З. Ефимова [26]. В фокусе внимания ряда исследователей оказалась стратегия перфекционизма, которая доминирует в управлении человеческим капиталом зарубежных университетов [27; 28].

Мониторинг эффективности и результативности университетских стратегий рассматривается как предпосылка создания сложных и постоянно совершенствующихся систем оценки качества и эффективности

НПС, включая его ресурсы и продуктивность их использования. Исследования данного вопроса масштабируются в диапазоне от конкретного университета, как, например, в работах Т. Рутман с соавторами [29], до национального и кросс-культурного измерения в исследованиях М. Девлин, Г. Самаравикрема [30] или М. Квека [31].

Если зарубежные учёные сосредоточивают своё внимание на технологических аспектах измерения педагогической и научной продуктивности академического персонала, то отечественные исследователи делают акцент на качестве стратегий университетов, которые определяют саму продуктивность НПС и влияют на разработку систем её оценивания. В российском исследовательском поле проблематизируются следующие аспекты:

- несистемные новации, отсутствие чётких стратегических задач, которые выступают барьерами на пути формирования продуктивной модели профессиональной деятельности НПС [32];
- неадекватная система оценивания эффективности труда НПС и эффективности вузов [33; 34];
- неразвитость подходов к формированию кадрового резерва вузов, включая поиск внешних кандидатов [35];
- зависимость конкурентоспособности университетов от их ресурсной обеспеченности, ресурсная стратификация вузов [36; 37];
- отсутствие реального выбора стратегии развития у российских университетов, детерминация стратегии развития такими «человеческими» факторами, как лояльность и инициатива НПС [38].

Если рассмотреть выделенные проблемы российской высшей школы в институциональном контексте её развития, то чётко прослеживается ориентация на модели функционирования НПС в ведущих зарубежных университетах. Однако возможности их реализации в российских условиях ограничены квазирыночной ситуацией в университетском секторе, ресурсной необеспеченностью новой кадровой политики и в определённой мере непониманием и сопротивлением НПС кадровым инновациям. Утверждение новых моделей университета в российском высшем образовании, которым соответствуют новые модели кадровой политики, в глазах академического сообщества не приобрели полной легитимности хотя бы потому, что «цена» человеческого капитала НПС в новых условиях формируется неадекватно, а его мобильность и конкурентоспособность на академическом рынке практически не проявляются.

*3. Противоречия ресурсности НПС.* Обозначенные направления исследований формируют контекстное понимание классификации и оценки ресурсов НПС – проблемы, которая, несмотря на фрагментарность её анализа, начинает формировать новое направление изучения научно-пе-

дагогических работников как в зарубежной, так и отечественной науке. Ранние работы Дж. Кершоу, А. Муд, выполненные позднее – В. Эбботом и Г. Барлоу были посвящены финансированию и рабочей силе [39], информационной и материальной инфраструктуре управления человеческими ресурсами университетов [40]. На современном этапе исследований университетских ресурсов зарубежные авторы не обращают внимания на концептуализацию проблемы ресурсности НПС как целостного феномена. Они углубляются в эмпирический анализ отдельных персональных ресурсов научно-педагогического работника или предпринимают обзоры подобных исследований, как, например, М. Найдю-Четти [41].

Что касается современной отечественной науки, то самостоятельные концепции ресурсности НПС в ней также отсутствуют. Однако у отдельных исследователей интерес к ресурсному подходу в анализе конкурентоспособности и стратегий развития университетов существует. Так, М. А. Лисюткин обратил внимание на уровень профессиональной квалификации НПС и управленческих работников, их возрастную структуру, отметив при этом отсутствие эмпирической, в том числе статистической, информации по валидным объективным показателям многих важных ресурсов сообщества и университетских менеджеров [42].

Наиболее полные на сегодняшний день данные по некоторым ресурсам научно-педагогических работников российских вузов содержит Мониторинг рынка труда научных кадров высшей квалификации, который реализует НИУ ВШЭ с 2010 г. Цель мониторинга заключается в выявлении закономерностей формирования и тенденций развития человеческих ресурсов сферы науки и технологий. Полученные результаты дают возможность установить связь индикаторов, отражающих как объективные, так и субъективные характеристики кадров высшей квалификации. Мониторинг ведётся по таким показателям, как: занятость (статус, тип контракта, сфера занятости, трудовая мобильность, заработная плата и др.); образование (учёная степень, длительность подготовки диссертационного исследования, область науки и пр.); международная мобильность (направления мобильности, периоды пребывания вне своей основной страны проживания, частота переездов, мотивы и причины мобильности); компетенции (общие профессиональные, специальные профессиональные, цифровые, организационные, социальные, личностные).

Между тем, в исследованиях академического персонала российские учёные отмечают ряд проблем, актуализирующих расширенное и одновременно более глубокое изучение ресурсности НПС:

- ограниченность кадровых ресурсов университетов [43];
- отсутствие менеджмента академических талантов, включающего системы оценивания и рекрутирования способных ППС [44];

- акцентирование, сверхэксплуатация публикационного ресурса НПС, манипулирование им [45];
- игнорирование ресурсов НПС, не имеющих явных квалиметрических параметров, в том числе: «неявного» знания, которое неотъемлемо от его носителей и не может быть формализовано [46], неформальных коммуникаций, академического авторитета и честности [47], лояльности и приверженности НПС университетам [48; 49].

Фрагментарность исследований ресурсности академического сообщества и отсутствие её теоретической концептуализации свидетельствуют о существовании как в исследовательском поле, так и в практиках университетского управления партикулярного подхода к пониманию НПС. Согласно ему, представитель данного сообщества рассматривается как «частичный человек», носитель отдельных качеств или набора компетенций, востребуемых в соответствии с актуальными запросами университетской стратегии, государственной научной и образовательной политики. В то же время исследовательский опыт ресурсности НПС служит основанием для разработки её целостной модели и использования в мобилизационном управлении университетами в современных сложных условиях.

## Заключение

Таким образом, систематический обзор исследований по проблемам развития НПС показывает наличие в мировой и отечественной науке серьёзного теоретического, методологического и эмпирического опыта исследования профессионального развития академического персонала университетов, различных подходов к оцениванию его эффективности и продуктивности. Вместе с тем в процессе анализа был выявлен ряд противоречий, представляющих особую значимость для отечественного высшего образования. На два из них мы обращаем отдельное внимание в выводах по статье.

Первое состоит в том, что, с одной стороны, сокращается численность НПС, усложняется структура его профессиональной деятельности, усиливается ответственность, с другой стороны – происходит систематический рост объёма академической нагрузки и давления бюрократического бремени. Не нужно специально доказывать, что охарактеризованное противоречие выступает тормозящим развитие НПС фактором.

Второе противоречие также раскрывает типичную управленческую ситуацию, в рамках которой выявляется растущая зависимость развития университетов от эффективности и качества деятельности НПС и одновременно происходит заметное снижение реального управленческого внимания, помощи и поддержки сообщества. Разрешение обоих противоречий требует изменения стратегии управления развитием НПС в вузе,



замены доминирующего администрирования на гибкое и мобилизующее выявление возможностей оптимального использования традиционных и новых ресурсов.

Акцентируя внимание на противоречиях развития НПС, обозначенных в статье, тем не менее мы признаем реальную многослойность изучаемого проблемного поля и необходимость его расширения в научном дискурсе. Если в данной публикации мы практически всё внимание сосредоточили на «внутренних» аспектах функционирования НПС, то в перспективе считаем не менее важным рассмотрение судьбы НПС в условиях его фрагментации и бюрократизации высшей школы, усиления имитационности «заботы» об академии, трансформации этического пространства университетов. Среди иных контекстов, в которых высвечиваются новые противоречия отечественного НПС, особое значение имеет кросскультурный, поскольку он задаёт внешние координаты для научной саморефлексии академического сообщества.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Индикаторы образования: 2022 : статистический сборник / Н. В. Бондаренко, Л. М. Гохберг, О. А. Зорина [и др.] ; НИУ ВШЭ. М. : НИУ ВШЭ, 2022. 532 с. ISBN 978-5-7598-2598-2. DOI 10.17323/978-5-7598-2598-2. EDN **BFVQPA**.
2. Bao Y., Kehm B. M. From product to process. The reform of doctoral education in Europe and China / Y. Bao, B. M. Kehm, Y. Ma // *Studies in Higher Education*. 2018. Vol. 43, № 3. P. 524–541. DOI 10.1080/03075079.2016.1182481.
3. Robertson M. J. Team modes and power: Supervision of doctoral students // *Higher Education Research & Development*. 2017. Vol. 36, № 2. P. 358–371. DOI 10.1080/07294360.2016.1208157.
4. Trends and Issues in Doctoral Education: A Global Perspective / Eds. M. M. Yudkevich, P. G. Altbach, De Wit H. London : Sage, 2020. 528 p. ISBN 9789353882549. DOI 10.4135/9789353885991.
5. Structural and Institutional Transformations in Doctoral Education. Social, Political and Student Expectations. London : Palgrave Macmillan Cham, 2020. 397 p. ISBN 978-3-030-38046-5. DOI 10.1007/978-3-030-38046-5.
6. Бекова С. К., Джафарова З. И. Кому в аспирантуре жить хорошо: связь трудовой занятости аспирантов с процессом обучения // *Вопросы образования*. 2019. № 1. С. 87–108. DOI 10.17323/1814-9545-2019-1-87-108. EDN **ZAVVZZ**.
7. Бедный Б. И., Рыбаков Н. В. Российская аспирантура в образовательном поле: междисциплинарный дискурс / Б. И. Бедный, Н. В. Рыбаков, М. Б. Сапунов // *Социологические исследования*. 2017. № 9 (400). С. 125–134. DOI 10.7868/S0132162517090148. EDN **ZFTRPN**.
8. Бедный Б. И., Чупрунов Е. В. Современная российская аспирантура: актуальные направления развития // *Высшее образование в России*. 2019. Т. 28, № 3. С. 9–20. DOI 10.31992/0869-3617-2019-28-3-9-20. EDN **IQOEYY**.
9. Maloshonok N., Terentev E. National barriers to the completion of doctoral programs at Russian universities // *Higher Education*. 2019. Vol. 77, № 2. P. 195–211. DOI 10.1007/s10734-018-0267-9.

10. *Мкртчян Е. Р.* Воспроизводство научно-педагогических кадров в вузах России как система: состояние, проблемы и перспективы функционирования. Волгоград : Изд-во Волгоградского института управления РАНХиГС, 2018. 304 с. ISBN 978-5-7786-0710-1. EDN **OQIXFM**.
11. *Волкова Г. Л.* Является ли опыт международной мобильности карьерным преимуществом? Пример российских учёных // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 2. С. 71–82. DOI 10.31992/0869-3617-2021-30-20-71-82. EDN **KTDAZX**.
12. *Юдкевич М. М., Горелова О. Ю.* Академический инбридинг: причины и последствия // Университетское управление: практика и анализ. 2015. № 1 (95). С. 73–83. EDN **TOFAOR**.
13. *Ловаков А. В.* Приверженность вузу и приверженность профессии у преподавателей российских вузов // Вопросы образования. 2015. № 2. С. 109–128. DOI 10.17323/1814-9545-2015-2-109-128. EDN **TYIKET**.
14. *Воеводина Е. В.* Роль академического инбридинга в реализации научно-исследовательского потенциала студентов из социально уязвимых слоев населения // Власть. 2021. Т. 29, № 2. С. 205–211. DOI 10.31171/vlast.v29i2.8047. EDN **SIQRHH**.
15. *Балацкий Е. В.* «Ловушка аудиторных часов» и новая модель образования // Высшее образование в России. 2017. № 2. С. 63–69. EDN **XWWKWF**.
16. *Курбатова М. В., Донова И. В.* Оценка изменений положения преподавателей российских вузов / М. В. Курбатова, И. В. Донова, Е. С. Каган // Мир России. Социология. Этнология. 2017. Т. 26, № 3. С. 90–116. DOI 10.17323/1811-038X-2017-26-3-90-116. EDN **YZIDEP**.
17. *Абрамов Р. Н., Груздев И. А.* Рабочее время и ролевые напряжения сотрудников современного российского университета / Р. Н. Абрамов, И. А. Груздев, Е. А. Терентьев // Вопросы образования. 2017. № 1. С. 88–111. DOI 10.17323/1814-9545-2017-1-88-111. EDN **YHZCSN**.
18. *Филоненко Ю. В., Яковлева Е. А.* Субъективное благополучие научно-педагогических работников современных университетов в рамках концепции баланса жизни и труда // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3 (151). С. 68–85. DOI 10.14515/monitoring.2019.3.05. EDN **PTXNVY**.
19. *Балезина Е. А.* Положение молодого преподавателя вуза в условиях модернизации высшего образования: риски и их восприятие // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 4 (52). С. 99–108. EDN **YWGMWL**.
20. *Эзрох Ю. С.* Кадровые перспективы российских университетов: кто будет преподавать в недалеком будущем? // Образование и наука. 2019. Т. 21, № 7. С. 9–40. DOI 10.17853/1994-5639-2019-7-9-40. EDN **MPZTNM**.
21. *Ефимова Г. З., Грибовский М. В.* Социальный престиж научно-педагогического работника в России и Европе: специфика субъективного восприятия профессии / Г. З. Ефимова, М. В. Грибовский, А. Н. Сорокин // Вопросы образования. 2022. № 2. С. 117–139. DOI 10.17323/1814-9545-2022-2-117-139. EDN **DRAJBY**.
22. *Liefner I.* Funding, resource allocation, and performance in Higher Education systems // Higher Education. 2003. № 46. P. 469–489. DOI 10.1023/A:1027381906977.
23. *Lynch R., Baines P.* Strategy development in UK higher education: towards resource-based competitive advantages // Journal of Higher Education Policy & Management. 2004. Vol. 26, № 2. P. 171–187. DOI 10.1080/1360080042000218249.

24. *Agasisti T., Johnes G.* Heterogeneity and the evaluation of efficiency: the case of Italian universities // *Applied Economics*. 2010. Vol. 42, № 11. P. 1365–1375. DOI 10.1080/00036840701721463.
25. *Horta H., Yudkevich M.* The role of academic inbreeding in developing higher education systems: challenges and possible solutions // *Technological Forecasting and Social Change*. 2016. № 113. P. 363–372. DOI 10.1016/j.techfore.2015.06.039.
26. *Ефимова Г. З.* Карьерный путь преподавателей высшей школы // *Социологическая наука и социальная практика*. 2022. Т. 10, № 1 (37). С. 24–40. DOI 10.19181/snsp.2022.10.1.8859. EDN **OQLCHD**.
27. *Kallio K. M., Kallio T. J.* Ethos at stake: Performance management and academic work in universities / K. M. Kallio, T. J. Kallio, J. Tienari, T. Hyvönen // *Human Relations*. 2016. Vol. 69, № 3. P. 685–709. DOI 10.1177/0018726715596802.
28. Data regarding talent management practices and innovation performance of academic staff in a technology-driven private university / O. Salau, A. Osibanjo [et. al.] // *Data in Brief*. 2018. № 19. P. 1040–1045. DOI 10.1016/j.dib.2018.05.081.
29. *Ruutmann T., Lohmus M.* Self-evaluation of Pedagogical Competencies of Academic Staff in the Context of Career Management / T. Ruutmann, M. Lohmus, R. Sell, M. Pihel // *Teaching and Learning in a Digital World*. Budapest, 2018. P. 436–446. DOI 10.1007/978-3-319-73204-6\_48.
30. *Devlin M., Samarawickrema G.* Criteria of effective teaching in a changing higher education context // *Higher Education Research and Development*. 2010. Vol. 29, № 2. P. 111–124. DOI 10.1080/07294360903244398.
31. *Kwiek M.* The European Research Elite: a Cross National Study of Highly Productive Academics in 11 Countries // *Higher Education*. 2016. Vol. 71, № 3. P. 379–397. DOI 10.1007/s10734-015-9910-x.
32. *Трубникова Е. И.* «Красные ленты» в сфере науки и образования // *Высшее образование в России*. 2018. Т. 27, № 1. С. 108–121. EDN **YMVETU**.
33. *Вольчик В. В., Маслюкова Е. В.* Ловушка метрик или почему недооценивается неявное знание в процессе регулирования сферы образования и науки // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*. 2018. Т. 10, № 3. С. 158–179. DOI 10.17835/2076-6297.2018.10.3.158-179. EDN **YAWSEP**.
34. *Ниязова М. В.* Индивидуальная научная продуктивность vs новый менеджериализм в академических исследованиях // *Университетское управление: практика и анализ*. 2021. Т. 25, № 2. С. 114–122. DOI 10.15826/упра.2021.02.018. EDN **SDJJSX**.
35. *Дьяченко Е. Л., Нефедова А. И.* Наём иностранных ученых в российские научные организации и вузы: возможности и барьеры / Е. Л. Дьяченко, А. И. Нефедова, Е. А. Стрельцова // *Университетское управление: практика и анализ*. 2017. Т. 21, № 5 (111). С. 132–143. DOI 10.15826/упра.2017.05.069. EDN **ZXYKOD**.
36. *Таловская Б. М., Лисюткин М. А.* О ресурсной стратификации российских университетов // *Университетское управление: практика и анализ*. 2018. Т. 22, № 6. С. 24–35. DOI 10.15826/упра.2018.06.055. EDN **ZCEIXJ**.
37. *Университеты на перепутье: Высшее образование в России* / Д. П. Платонова, Е. С. Абалмасова, С. К. Бекова [и др.] ; под ред. Д. П. Платоновой, Я. И. Кузьминова, И. Д. Фрумина. М. : Изд. дом ВШЭ, 2019. 319 с. ISBN 978-5-7598-2139-7. DOI 10.17323/978-5-7598-2139-7.
38. *Соколов М. М.* Миф об университетской стратегии // *Вопросы образования*. 2017. № 2. С. 36–73. DOI 10.17323/1814-9545-2017-2-36-73. EDN **YUPYHT**.
39. *Kershaw J. A., Mood A. M.* Resource Allocation in Higher Education // *The American Economic Review*. 1970. Vol. 60, № 2. P. 341–346.

40. *Abbott W. F., Barlow H. M.* Stratification Theory and Organizational Rank: Resources, Functions, and Organizational Prestige in American Universities // *The Pacific Sociological Review*. 1972. Vol. 15, № 4. P. 401–424. DOI 10.2307/1388261.
41. *Naidoo-Chetty M., du Plessis M.* Systematic Review of the Job Demands and Resources of Academic Staff within Higher Education Institutions // *International Journal of Higher Education*. 2021. Vol. 10, № 3. P. 268. DOI 10.5430/ijhe.v10n3p268.
42. *Лисюткин М. А.* О возможных причинах ухудшения ресурсной базы вузов // *Вопросы образования*. 2017. № 2. С. 74–94. DOI 10.17323/1814-9545-2017-2-74-94. EDN YUPYID.
43. *Кузьминов Я. И., Юдкевич М. М.* Университеты в России: как это работает. М. : Изд. дом ВШЭ, 2021. 616 с. ISBN 978-5-7598-2373-5. DOI 10.17323/978-5-7598-2373-5.
44. *Капустин А. А.* Кадры российских университетов: стратегии подготовки молодых исследователей и преподавателей // *Совет ректоров*. 2015. № 5. С. 63–68. EDN WIDCNL.
45. *Кулешова А. В., Подвойский Д. Г.* Парадоксы публикационной активности в поле современной российской науки: генезис, диагноз, тренды // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2018. № 4 (146). С. 169–210. DOI 10.14515/monitoring.2018.4.10. EDN XZPHOH.
46. *Романов Е. В.* Феномен утраты неявного знания высшей школой: причины и последствия. Ч. I // *Образование и наука*. 2019. Т. 21, № 4. С. 61–92. DOI 10.17853/1994-5639-2019-4-60-91. EDN BSVPLA.
47. *Соколов М. М.* Академические репутации в российской социологии. СПб. : ЦИАНО ЕУСПб, 2020. 46 с. URL: [https://www.rsuh.ru/upload/main/sf/survey\\_sociology.pdf](https://www.rsuh.ru/upload/main/sf/survey_sociology.pdf) (дата обращения: 20.11.2022).
48. *Алавердов А. Р., Громова Н. В.* Лояльность преподавателей в системе конкурентных преимуществ и недостатков современного университета // *Современная конкуренция*. 2016. Т. 10, № 6 (60). С. 77–88. EDN YIZUDJ.
49. *Курбатова М. В., Каган Е. С., Апарина Н. Ф.* Поведение работников вузов в условиях реформирования высшего профессионального образования: проблема выбора // *Социологические исследования*. 2015. № 2 (370). С. 123–133. EDN TNETCR.

## Сведения об авторах

### Г. Е. Зборовский

доктор философских наук, профессор

AuthorID РИНЦ: 137655

### П. А. Амбарова

доктор социологических наук, доцент

AuthorID РИНЦ: 259120

Авторы внесли равный вклад в подготовку статьи.  
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 27.12.2022; одобрена после рецензирования 31.01.2023; принята к публикации 20.02.2023.



Original article

DOI: 10.19181/snsp.2023.11.1.1

## CONTRADICTIONS IN THE DEVELOPMENT OF THE SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL COMMUNITY AS A PROBLEM OF FOREIGN AND DOMESTIC RESEARCH

**Garold Efimovich Zborovsky**<sup>1</sup>

**Polina Anatolievna Ambarova**<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> Ural Federal University named after the first President  
of Russia B. N. Yeltsin,  
Ekaterinburg, Russia,

<sup>1</sup> [garoldzborovsky@gmail.com](mailto:garoldzborovsky@gmail.com)

ORCID 0000-0001-8153-0561

<sup>2</sup> [borges75@mail.ru](mailto:borges75@mail.ru)

ORCID 0000-0003-3613-4003

**For citation:** Zborovsky G. E., Ambarova P. A. Contradictions in the development of the scientific and pedagogical community as a problem of foreign and domestic research. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023; 11(1): 8–25. (in Russ). DOI 10.19181/snsp.2023.11.1.1.

**Abstract.** The subject of sociological analysis in the article is one of the important resources of modern higher education – the scientific and pedagogical community (SPS), considered by the authors as a key social community of universities (along with students and managers). The focus of attention is on two main incarnations of the SPS, that determine the place of the university in domestic and international rankings of higher education institutions. This is a professional-pedagogical and scientific-educational activity of the members of the community. It is emphasised that it is the SPS that today constitutes the “core” of the university’s intellectual asset. That leads to the growing attention to the SPS as an object of theoretical and empirical study in foreign and domestic science. Hence, the purpose of the article was defined as the identification of trends in the SPS research, shown through the prism of its contradictions and problems common to Russian and foreign universities. Special attention is drawn to two paradoxical situations typical of the domestic SPS. Firstly, as its number decreases, the structure of professional activity becomes more complicated, the number of tasks and the degree of responsibility increase, the amount of academic workload and unnecessary bureaucratic burden systematically increase. Secondly, the growing dependence of the university development strategy on scientific and pedagogical staff is combined in a contradictory way with a decrease in real managerial attention to them. Two theories served as a general theoretical framework for the authors – theory of social community and theory of resource dependence. The article presents the results of a systematic analysis of the literature, that allowed to reveal the contradictions in the reproduction of the scientific and pedagogical staff of universities, the impact of the development strategies of higher education and universities on the functioning and development of the SPS, as well as the contradictions in the development of the resource capacity of the SPS.

**Keywords:** scientific and pedagogical community (SPS), academic development, contradictions in the development of SPS, university management

**Acknowledgment:** the study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00028, <https://rscf.ru/project/23-28-00028/>.

## REFERENCES

1. Bondarenko N. V., Gokhberg L. M., Zorina O. A. [et al.]. Indicators of education: 2022: statistical collection. Moscow: HSE; 2022. 532 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-2598-2.
2. Bao Y., Kehm B. M., Ma Y. From product to process. The reform of doctoral education in Europe and China. *Studies in higher education* 2018; 43(3): 524–541. DOI 10.1080/03075079.2016.1182481.
3. Robertson M. J. Team modes and power: Supervision of doctoral students. *Higher education research & development*. 2017; 36(2): 358–371. DOI 10.1080/07294360.2016.1208157.
4. Yudkevich M. M., Altbach P. G., De Wit. H. Eds. Trends and issues in doctoral education: A global perspective. London: Sage; 2020. 528 p. ISBN 978-9-3538-8254-9. DOI 10.4135/9789353885991.
5. Structural and institutional transformations in doctoral education. Social, political and student expectations. London: Palgrave Macmillan Cham; 2020. 397 p. ISBN 978-3-030-38046-5. DOI 10.1007/978-3-030-38046-5.
6. Bekova S., Dzhafarova Z. Who is happy at doctoral programs: The connection between employment and learning outcomes of PhD students. *Educational studies Moscow*. 2019; 1: 87–108. (In Russ.). DOI 10.17323/1814-9545-2019-1-87-108.
7. Bednyi B. I., Rybakov N. V., Sapunov M. B. Doctoral education in Russia in the educational field: an interdisciplinary discourse. *Sociological studies*. 2017; 9: 125–134. (In Russ.). DOI 10.7868/S0132162517090148.
8. Bednyi B. I., Chuprunov E. V. Modern doctoral education in Russia: Current directions of development. *Higher education in Russia=Vy'sshee obrazovanie v Rossii*. 2019 ;3: 9–20. (In Russ.). DOI 10.31992/0869-3617-2019-28-3-9-20.
9. Maloshonok N., Terentev E. National barriers to the completion of doctoral programs at Russian universities. *Higher education*. 2019; 77(2): 195–211. DOI 10.1007/s10734-018-0267-9.
10. Mkrtchyan E. R. Reproduction of scientific and pedagogical personnel in Russian universities as a system: state, problems, and prospects of functioning. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo instituta upravleniya RANXiGS; 2018. 304 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7786-0710-1.
11. Volkova G. L. Does the experience of international mobility lead to career advantages? Study of Russian researchers. *Higher education in Russia=Vy'sshee obrazovanie v Rossii*. 2021; 30(2): 71–82. (In Russ.). DOI 10.31992/0869-3617-2021-30-2-71-82.
12. Yudkevich M. M., Gorelova O. Yu. Academic inbreeding: coauses and consequences. *University management: practice and analysis=Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 2015; 1: 73–83. (In Russ.).
13. Lovakov A. Commitment of Russian university teachers to university and profession. *Educational studies Moscow*. 2015; 2: 109–28. (In Russ.). DOI 10.17323/1814-9545-2015-2-109-128.
14. Voevodina E. V. The role of academic inbreeding in realizing the research potential of students from socially vulnerable groups. *The authority=Vlast*. 2021; 29(2): 205–211. (In Russ.). DOI 10.31171/vlast.v29i2.8047.

15. Balatsky E. V. «Trap of classroom hours» and a new model of education. *Higher education in Russia=Vy`sshee obrazovanie v Rossii*. 2017; 2: 63–69. (In Russ.).
16. Kurbatova M. V., Donova I. V., Kagan E. S. Changes in the standing of lecturers at Russian higher education institutions. *Universe of Russia=Mir Rossii. Sociologiya. E`tnologiya*. 2017; 26(3): 90–116. (In Russ.). DOI 10.17323/10.17323/1811-038X-2017-26-3-90-116.
17. Abramov R., Gruzdev I., Terentev E. Working time and role strains of research and teaching staff in a modern Russian university. *Educational studies Moscow*. 2017; 1: 88–111. (In Russ.). DOI 10.17323/1814-9545-2017-1-88-111.
18. Filonenko J. V., Yakovleva E. A. Subjective well-being of academic staff in modern universities in the context of work-life balance. *Monitoring of public opinion: economic and social change=Monitoring obshhestvennogo mneniya: E`konomicheskie i social`ny`e peremeny`*. 2019; 3: 68–85. (In Russ.). DOI 10.14515/monitoring.2019.3.05.
19. Balezina E. A. The status of a young university teacher in the conditions of modernization of higher education: risks and their perception. *Vestnik of Lobachevsky state university of Nizhni Novgorod. Social sciences=Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social`ny`e nauki*. 2018; 4: 99–108. (In Russ.).
20. Ezrokh Yu. S. HR Perspectives of Russian universities: who will teach in the near future? *The Education and science=Obrazovanie i nauka*. 2019; 21(7): 9–40. (In Russ.). DOI 10.17853/1994-5639-2019-7-9-40.
21. Efimova G. Z., Gribovskiy M. V., Sorokin A. N. Social prestige of a scientific and pedagogical specialists in Russia and Europe: paradoxes of subjective perception of the profession. *Educational studies Moscow*. 2022; 2: 117–139. (In Russ.). DOI 10.17323/1814-9545-2022-2-117-139.
22. Liefner I. Funding, resource allocation, and performance in higher education systems. *Higher education*. 2003; 46: 469–489. DOI 10.1023/A:1027381906977.
23. Lynch R., Baines P. Strategy development in UK higher education: towards resource-based competitive advantages. *Journal of higher education policy & management*. 2004; 26(2): 171–187. DOI 10.1080/1360080042000218249.
24. Agasisti T., Johnes G. Heterogeneity and the evaluation of efficiency: the case of Italian universities. *Applied economics*. 2010; 42(11): 1365–1375. DOI 10.1080/00036840701721463.
25. Horta H., Yudkevich M. The role of academic inbreeding in developing higher education systems: challenges and possible solutions. *Technological forecasting and social change*. 2016; 113: 363–372. DOI 10.1016/j.techfore.2015.06.039.
26. Efimova G. Z. Career strategies for higher education teachers. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaja nauka I social`naja praktika*. 2022; 10(1): 24–40. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2022.10.1.8859.
27. Kallio K. M., Kallio T. J., Tienari J., Hyvönen T. Ethos at stake: performance management and academic work in universities. *Human relations*. 2016; 69(3): 685–709. DOI 10.1177/0018726715596802.
28. Salau O., Osibanjo A. [et. al.]. Data regarding talent management practices and innovation performance of academic staff in a technology-driven private university. *Data in Brief*. 2018; 19: 1040–1045. DOI 10.1016/j.dib.2018.05.081.
29. Ruutmann T., Lõhmus M., Sell R., Pihel M. Self-evaluation of pedagogical competencies of academic staff in the context of career management. In: *Teaching and learning in a digital world*. Budapest; 2018. P. 436–446. DOI 10.1007/978-3-319-73204-6\_48.

30. Devlin M., Samarawickrema G. Criteria of effective teaching in a changing higher education context. *Higher education research and development*. 2010; 29(2): 111–124. DOI 10.1080/07294360903244398.
31. Kwiek M. The European research elite: a cross national study of highly productive academics in 11 countries. *Higher education*. 2016; 71(3): 379–397. DOI 10.1007/s10734-015-9910-x.
32. Trubnikova E. I. «Red tape» in the sphere of science and education. *Higher education in Russia=Vy`sshee obrazovanie v Rossii*. 2018; (27)1: 108–121. (In Russ.).
33. Volchik V., Maslyukova E. The metrics trap, or why is implicit knowledge underestimated when regulation of science and education is handled. *Journal of institutional studies=Zhurnal institucional`ny`x issledovani*. 2018; 10(3): 158–179. (In Russ.). DOI 10.17835/2076-6297.2018.10.3.158-179.
34. Niyazova M. V. Individual academic productivity vs new managerialism in academic research. *University management: practice and analysis=Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 2021; 25(2): 114–122. (In Russ.). DOI 10.15826/umpa.2021.02.018.
35. Dyachenko E. L., Nefedova A. I., Streltsova E. A. Recruitment of foreign scientists in Russian research organizations and universities: opportunities and barriers. *University management: practice and analysis=Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 2017; 21(5): 132–143. (In Russ.). DOI 10.15826/umpa.2017.05.069.
36. Talovskaya B. M., Lisyutkin M. A. On the resource stratification of Russian universities. *University management: practice and analysis=Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 2018; 22(6): 24–35. (In Russ.). DOI 10.15826/umpa.2018.06.055.
37. Platonova D. P., Abalmasova E. S., Bykova S. K. [et al.]. Universities at a crossroads: higher education in Russia. Moscow: Izd. dom VShE`; 2019. 319 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-2139-7. DOI 10.17323/978-5-7598-2139-7.
38. Sokolov M. M. The myth of university strategy. market niches and organizational careers of Russian universities. *Educational studies Moscow*. 2017; 2: 36–73. (In Russ.). DOI 10.17323/1814-9545-2017-2-36-73.
39. Kershaw J. A., Mood A. M. Resource allocation in higher education. *The American economic review*. 1970; 60(2): 341–346.
40. Abbott W. F., Barlow H. M. Stratification theory and organizational rank: resources, functions, and organizational prestige in American universities. *The pacific sociological review*. 1972; 15(4): 401–424. DOI 10.2307/1388261.
41. Naidoo-Chetty M., du Plessis M. Systematic review of the job demands and resources of academic staff within higher education institutions. *International journal of higher education*. 2021; 10(3): 268. DOI 10.5430/ijhe.v10n3p268.
42. Lisyutkin M. On possible reasons for university resource base decline. *Educational studies Moscow*. 2017; 2: 74–94. (In Russ.). DOI 10.17323/1814-9545-2017-2-74-94.
43. Kuzminov Ya. I., Yudkevich M. M. Universities in Russia: how it works. Moscow: HSE; 2021. 616 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-2373-5. DOI 10.17323/978-5-7598-2373-5.
44. Kapustin A. A. Personnel of Russian universities: strategies for training young researchers and teachers. *Council of rectors=Sovet rektorov*. 2015; 5: 63–68. (In Russ.).
45. Kuleshova A. V., Podvoyskiy D. G. Paradoxes of publication activity in the field of contemporary russian science: genesis, diagnosis, trends. *Monitoring of public opinion: economic and social changes=Monitoring obshhestvennogo mneniya: E`konomicheskie i social`ny`e peremeny`*. 2018; 4: 169–210. (In Russ.). DOI 10.14515/monitoring.2018.4.10.



46. Romanov E. V. The phenomenon of tacit knowledge loss in high school: causes and consequences. Part I. *The education and science journal=Obrazovanie i nauka*. 2019; 21(4): 60–91. (In Russ.). DOI 10.17853/1994-5639-2019-4-60-91.
47. Sokolov M. M. Academic reputations in Russian sociology. St. Petersburg : CIANO EUSPb; 2020. 46 p. (In Russ.). Available at: [https://www.rsuh.ru/upload/main/sf/survey\\_sociology.pdf](https://www.rsuh.ru/upload/main/sf/survey_sociology.pdf) (accessed: 20.11.2022).
48. Alaverdov A. R., Gromova N. V. The loyalty of the teachers in the system of competitive advantages and disadvantages of the modern university. *Modern competition=Sovremennaya konkurenciya*. 2016; 10(6): 77–88. (In Russ.).
49. Kurbatova M. V., Kagan E. S., Aparina N. F. Behavior of university employees during higher education reformations: an issue of choice. *Sociological Studies*. 2015; 2: 123–133. (In Russ.).

## Information about the Authors

### G. E. Zborovsky

Doctor of Philosophy, Professor

ResearcherID: [E-6142-2014](#)

### P. A. Ambarova

Doctor of Sociology, Professor

ResearcherID: [R-6839-2016](#)

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 27.11.2022; approved after reviewing 31.01.2023; accepted for publication 20.02.2023.



## ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ ДИГИТАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ВУЗОВ В ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ГОРОДАХ РОССИИ

Валентин Павлович Бабинцев<sup>1</sup>  
Яна Игоревна Серкина<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> Белгородский государственный национальный исследовательский университет,  
Белгород, Россия,

<sup>1</sup> [babintsev@bsu.edu.ru](mailto:babintsev@bsu.edu.ru),  
ORCID 0000-0002-0112-6145

<sup>2</sup> [serkina\\_ya@bsu.edu.ru](mailto:serkina_ya@bsu.edu.ru),  
ORCID 0000-0002-5106-7104

**Для цитирования:** Бабинцев В. П., Серкина Я. И. Институционализация социальных рисков дигитализации образовательного пространства вузов в провинциальных городах России // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 1. С. 26–43. DOI 10.19181/snsp.2023.11.1.2. EDN RBEEAH.

**Аннотация.** В статье анализируется проблема институционализации социальных рисков дигитализации образовательного пространства вузов в российской провинции. Подчёркивается рискогенный характер дигитализации, обосновывается вывод о риске как о её системном элементе, заключающем в себе не только угрозы, но и значительные возможности для развития. Формулируется задача управления рискогенезом, необходимым условием которого является институционализация рисков. Институционализация социальных рисков дигитализации образовательного пространства вузов в провинциальных городах России интерпретируется как система действий акторов образовательного пространства, предпринимаемых с целью предотвращения нежелательных следствий рисков цифровизации и дигитализации и использования их созидательного потенциала, включающих в себя установление корпоративных норм и стандартов поведения, определения структур, обеспечивающих их реализацию в ситуациях риска. Рассматриваются три основные задачи институционализации: определение норм и правил управления рисками; формирование осуществляющих его институций; разработка и внедрение корпоративных стандартов поведения в ситуациях рисков.

**Ключевые слова:** провинциальный вуз, образовательное пространство вуза, цифровизация, цифровая трансформация, дигитализация (диджитализация), гибридизация, социальные риски

**Благодарность:** Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 21-18-00150 «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды» (<https://rscf.ru/project/21-18-00150/>).

## Введение

Цифровизация и органически связанная с нею дигитализация<sup>1</sup> общественной жизни являются, по точному определению О. Н. Яницкого, вызовом «самой сущности социального». При этом дигитализация, «возникнув как инструмент, облегчающий социальные процессы, ... постепенно превратилась в способ их существования» [1, с. 8]. Под влиянием этих процессов модификации подвергаются практически все рационально организованные сферы социума, в том числе и система высшего образования, в которой, по заключению исследователей, цифровизация перестаёт быть всего лишь инструментом, используемым субъектами образовательного пространства, но приобретает сущностные характеристики образовательной среды [2, с. 10].

И вполне закономерно, что различные аспекты цифровизации и дигитализации пространства высшего образования становятся объектом внимания представителей социально-гуманитарного знания [3; 4; 5]. Одним из таких аспектов является проблема социальных рисков дигитализации образовательного пространства высшей школы<sup>2</sup>, значение которой, несмотря на наличие ряда интересных работ [6; 7], явно недооценено отечественными исследователями и руководителями-практиками. В результате, как показывает анализ программных документов ряда вузов<sup>3</sup>, в них не только не представлена концептуально обоснованная система воздействий на данный класс рисков, но сама возможность её формирования выглядит проблематичной. В большинстве документов (около 75% от выборки) о рисках развития образования упоминается лишь в общем плане.

И даже если проблема рисков обсуждается, она обычно сводится к предотвращению их нежелательных следствий. Практически неразработанной темой является роль рисков как интегрированных в пространство высшей школы его системных элементов, которые более продуктивно

<sup>1</sup> В данной статье мы разделяем понятия «цифровизация» и «дигитализация». Цифровизация определяется нами как постоянно развивающийся комплекс информационно-коммуникационных технологий, включающих перевод аналоговой информации в цифровую, алгоритмически выстроенную работу с большими массивами данных (big data), формирование архитектуры цифровых сетевых платформ. В свою очередь, дигитализация определяется как явившийся следствием конвергенции практик интернетизации, виртуализации, сетевизации и цифровизации комплекс изменений «физической» и виртуальной реальности, выражающихся в настоящее время в придании ей гибридного (техноантропосферного) характера.

<sup>2</sup> Мы считаем возможным определить социальный риск дигитализации образовательного пространства как объективно детерминированную ситуацией неопределенности, возникающей в процессе цифровой трансформации, рефлексию его субъектами возможности отклонения реальных результатов реализации социальных практик в гибридной среде от прогнозируемых.

<sup>3</sup> В ходе исследования были проанализированы нормативные документы по стратегическому развитию 24 провинциальных вузов (по три вуза из каждого федерального округа Российской Федерации).

рассматривать как постоянный компонент функционирования организационных структур, поведения и мышления работников и обучающихся, формируя у них специфическую «риск-культуру», востребованную в нестабильном социуме. Однако подобное изменение подхода к социальным рискам дигитализации возможно лишь при условии их институционализации, которая в самом общем виде сводится к их нормативному регулированию, что в современных условиях уже не адекватно масштабу и характеру проблемы.

Цель данной статьи – обосновать содержание процесса институционализации социальных рисков дигитализации образовательного пространства вузов, функционирующих в провинциальных городах России, то есть в городах, не относящихся к числу столичных и мегаполисов.

Эти вузы (в том числе и филиалы крупных университетов) имеют отчётливо выраженную специфику, заключающуюся, как правило в дефиците ресурсов; относительно низком качестве кадрового состава и обучающихся; в высокой степени зависимости от региональных и муниципальных властей, ограничивающей автономность; в органической включённости в региональную культурно-образовательную традицию, которая зачастую оппонирует (хотя и неявно) федеральным инновационным проектам и программам. Положение абсолютного большинства этих вузов определяется противоречием между объективно детерминированной и субъективно осознанной необходимостью воспроизводства в условиях дефицита ресурсов и обязанностью соблюдения требований, предъявляемых органами управления высшим образованием.

Акторами образовательного пространства провинциальных вузов риски особенно часто воспринимаются только как несистемные факторы, создающие помехи в воспроизводстве высших учебных заведений. Однако именно здесь потенциал рисков может быть использован для открытия новых возможностей, имплицитно содержащихся в процессах цифровизации и дигитализации. Это своеобразный, пока еще скрытый ресурс вузов в провинциальных городах. Но постановка вопроса в таком ключе требует от вузовских сообществ пересмотра многих устоявшихся стереотипов в отношении рисков, перехода от политики умолчания и предотвращения к политике институционализации.

## Методология и методика исследования

В теоретико-методологическом отношении исследование опирается на выводы, сформулированные в рамках:

- теории систем и синергетики [8; 9], в соответствии с которыми образовательное пространство вуза представляет собой открытую дис-

сипативную систему, развитие которой характеризуется высокой степенью неопределённости и уязвимости;

- интегративных теорий трансформации информационно-коммуникационного пространства современного общества [10; 11; 12], выражающейся в конвергенции процессов компьютеризации, интернетизации, сетевизации, виртуализации и цифровизации, одним из результатов которой и стала дигитализация;
- теории социальных рисков [13; 14; 15; 16], рассматривающей риски как явления, постоянно воспроизводящиеся современным обществом;
- концепции «мира гибридов» Б. Латура [17], в соответствии с которой образовательное пространство вуза в провинциальном городе можно рассматривать как органическую связь вещей, людей и сетей.

Эмпирическую базу работы составляют результаты авторских исследований. Исследование «Ограничения и риски внедрения цифровых технологий в провинциальных вузах» проведено в 2021 г. в вузах Белгородской, Курской, Воронежской, Волгоградской областей. Оно включало анкетный опрос административных работников в вузах (n=150), преподавателей и сотрудников вузов (n=300), студентов (n=1000), экспертный опрос (n=50), фокус-групповое интервью представителей этих когорт. Исследование «Дигитализация образовательного пространства вуза: проблемы и перспективы», осуществлено в апреле–мае 2022 г. методом неформализованного интервью 30 экспертов – проректоров провинциальных вузов.

## Обсуждение результатов

Современный вуз, функционирующий в провинциальном российском городе, всегда был своего рода квазикорпорацией, поскольку обладает рядом признаков, характерных для корпораций в классической интерпретации этого явления: значительные масштабы деятельности; самостоятельность (хотя и относительная) в принятии решений; наличие специфических, отличающих его от других, внутриорганизационных правил и корпоративной этики; формулировка собственной миссии; выстраивание внутренней иерархии. При этом в его составе складываются субкорпорации, основными из которых являются администрация, преподаватели и научные работники, обучающиеся (студенты). Корпоративная система провинциального вуза становится всё более открытой для воздействия внешней среды, в результате которого её развитие принимает нелинейный характер. Динамика нестабильной социальной реальности, доходящая, по оценке И. Пригожина и И. Стенгерса, до состояния «неравновесного турбулентного хаоса» [9, с. 225], заставляет отказаться от представления



об университете как о «тихой академической обители», где мудрые учёные решают фундаментальные проблемы и в неспешных дискуссиях передают свои знания и опыт будущим поколениям, содержащегося, в частности, в некоторых произведениях фантаста Клиффорда Саймака.

Цифровизация и дигитализация могут быть отнесены к категории внешних факторов, оказавшихся, как выразился один из проректоров в ходе проведённого нами в 2022 г. исследования *«Дигитализация образовательного пространства вуза: проблемы и перспективы»*, *«мощным катализатором трансформации и ускоренного развития вузов»* (мужчина, проректор вуза, 43 года). И это мнение фактически было поддержано всеми участниками, которые обратили особое внимание на то, что эффект от внешних воздействий многократно усиливается в результате взаимного наложения разноуровневых и часто разнонаправленных факторов. В частности, было отмечено, что цифровизацию существенно стимулировала пандемия. Характерно в данной связи следующее мнение проректора-эксперта: *«Пандемия стала однозначно суперкатализатором внедрения информационных технологий и хорошим фундаментом для цифровой трансформации в дальнейшем. В образовательном процессе информационные технологии теперь уже однозначно навсегда»* (мужчина, проректор вуза, 45 лет).

Повышение уровня открытости вузовских систем имеет весьма неоднозначные следствия. С одной стороны, оно усиливает их интеграцию в региональное социальное пространство, создаёт условия для включения в реализацию разноуровневых проектов и программ, но, с другой стороны, редуцирует и без того ограниченную субъектность учреждений высшей школы в провинции, в том числе и в отношении выстраивания самостоятельных стратегий цифровизации и дигитализации. Провинциальный вуз в данном случае становится своеобразным «заложником» в потоке цифровой трансформации, который носит максимально унифицированный характер, не предполагающий учёта особенностей конкретных учреждений высшего образования и поэтому, вопреки некоторым убеждениям, не снижающий уровень неопределённости, но даже усиливающий его. А это создаёт дополнительные источники рисков.

Рискогенный характер цифровой трансформации усиливается вследствие неоднородности процесса, в котором, согласно сторонникам интегративных теорий, конвертируются близкие по содержанию процессы компьютеризации, интернетизации, сетевизации, виртуализации и собственно цифровизации. По меньшей мере именно в таком ключе он воспринимается экспертами и участниками образовательного процесса. В частности, в ходе экспертного опроса наиболее типичной точкой зрения было утверждение, что *«чёткого и конкретного понимания отличий понятия “цифровизация” от других понятий (информатиза-*

ция, внедрение информационных технологий и др.) нет» (мужчина, эксперт – научный сотрудник, 52 года). Это понятие многие эксперты распространяли на широкий круг явлений, включающих онлайн-общение, развитие информационно-коммуникационных технологий, в частности электронного правительства, перевод части организационных функций «в дистанционный формат» (женщина, эксперт – преподаватель, 46 лет). И эксперты, и представители вузовских корпораций почти единодушно признают, что цифровизация (понятие «дигитализация» ими практически не используется) радикально меняет вузовскую среду.

Тем не менее для основных акторов образовательного пространства провинциальных вузов пока не характерно представление о нём как о «мире гибридов». Оно присуще лишь части экспертов (в ходе экспертного интервью его более или менее отчётливо сформулировали 37,4% респондентов). При этом основной акцент они делали на человеческой составляющей, обращая внимание на то, что цифровизация предполагает новый «уровень управленческой культуры, системного мышления, накопление опыта использования IT-технологий» (женщина, эксперт – научный работник, 49 лет); «освоение цифровых компетенций» (мужчина, эксперт – учёный, 57 лет). Вполне естественно, что многие из экспертов обращали особое внимание на «качество прикладного программного обеспечения», «согласованность автоматизированных систем разных уровней иерархии», «обеспечение актуальности баз данных» (женщина, эксперт – научный работник, 49 лет), на «внедрение программных продуктов, обеспечивающих контроль за систематизацией информации, организацию дистанционных технологий и расширение электронного обучения, возможностей академической мобильности» (мужчина, эксперт – преподаватель, 42 года). В значительно меньшей степени акцентировалось внимание на сетевом компоненте цифровизации. Но часть экспертов подчеркнули, что в ходе её будут формироваться цифровые сетевые платформы, представляющие собой новые формы коммуникаций между акторами: «особенно важным представляется разработка и внедрение цифровых сетевых платформ, позволяющих создать новые технологические возможности для дальнейшего развития системы высшего образования» (мужчина, эксперт – научный сотрудник, 41 год).

Анализ мнений работников и обучающихся, равно как и экспертных оценок, позволяет утверждать, что вывод исследователей о системном воспроизводстве рисков в современном обществе подтверждается суждениями акторов вузовского пространства. Большинство участников анкетного опроса (63,09%), проведённого в рамках исследования 2021 г. «Ограничения и риски внедрения цифровых технологий в региональных вузах», определили риски как вполне нормальные для гибридной социаль-

ной реальности явления. И весьма примечательно, что если о воспроизводстве в процессе цифровой трансформации рисков с преимущественно негативными следствиями заявляли 54,7% вузовских администраторов и 66,7% преподавателей, то о возникновении рисков с преимущественно позитивными следствиями – 68,1% и 61,3% респондентов соответственно. Следовательно, риск, превратившийся в массовый феномен реальности, всё более «опривычивается». Правда, пока менее половины респондентов (42,3% администраторов и 37,1% преподавателей) считают риски, возникающие в ходе цифровизации, нормальным явлением.

Однако, скорее всего, изменение отношения к этому классу рисков является делом времени и связано с более глубоким «погружением» акторов вузовского пространства в проблематику цифровизации и дигитализации, о которой, по их собственному мнению, в настоящее время большинство из них имеют лишь общее представление. В частности, исследование показало: о содержании процесса цифровизации полное представление имеют лишь 18,6% преподавателей, 21,5% администраторов и 22,7% студентов (общее представление – 72,67%, 66,67% и 54,1% респондентов соответственно); о её целях полное представление имеют 22,4% преподавателей, 23,3% администраторов, 21,8% студентов (общее представление – 65%, 67% и 55,9% респондентов соответственно); о причинах перехода к цифровизации полное представление имеют 27,2% преподавателей, 24,6% администраторов и 24,9% студентов (общее представление – 59,67%, 64% и 53,4% респондентов соответственно). Неполнота представлений не способствует выстраиванию конструктивной позиции в отношении рисков.

Между тем проблема превращения социальных рисков в системный элемент функционирования высшей школы предполагает готовность и способность вузовского сообщества «жить, рискуя» (в интерпретации Н. Талеба – «рискуя собственной шкурой» [18]). Но реализация этого принципа применительно к организации (корпорации) возможна лишь при определении норм и правил, опираясь на которые можно более или менее успешно использовать фактор рисков даже в «аномичной» образовательной среде. Следовательно, речь идёт об институционализации социальных рисков. В предельно простом понимании институционализация представляет собой систему решений и действий акторов образовательного пространства, предпринимаемых с целью предотвращения нежелательных следствий рисков и использования их конструктивного потенциала. Эти действия включают в себя установление корпоративных норм и стандартов поведения в ситуациях риска, а также определение структур, обеспечивающих их реализацию. Однако если рассматривать проблему более широко, то следует признать: институционализация социальных рисков предполагает не только дивергентные изменения



нормативного и организационного характера, но формирование новой парадигмы риск-мышления и риск-культуры вуза.

Первым шагом в данном направлении является отказ от «бесцеремонного отношения» к рискам, о недопустимости которого, согласно К. Швабу, предупреждал Н. Стерн [19, с. 130]. Эта «бесцеремонность» проявляется в недостаточной строгости в дефинициях и одномерности анализа.

Одномерность, в частности, заключается в отождествлении рисков только с феноменами, способными нанести ущерб акторам образовательного пространства, как правило, с опасностями и угрозами. Типично следующее определение: «риск – это угрозы безопасности деятельности субъекта, осознанные им как потенциальные ущербы имущественным интересам в результате наступления случайных событий» [20, с. 205].

Одномерный подход игнорирует идею амбивалентности риска, состоящую в том, что, как заключает Клаус Шваб<sup>1</sup>, риски и возможности, которые они несут, полностью взаимосвязаны, и лишь принимая, а не игнорируя риски, «общество достигает прорывов и продолжает процветать. И наоборот, общество, которое отказывается принимать риск, становится хрупким» [20, с. 129]. Он вполне обоснованно пишет, «что время от времени переживать ситуации риска может быть предпочтительнее, чем избегать их любой ценой» [20, с. 130]. Естественным следствием одномерного подхода и является восприятие риска как внесистемного и даже антисистемного феномена.

Одномерность обычно дополняется редуцированием рисков дигитализации образовательного пространства провинциального вуза до уровня технико-технологических проблем и трактовки цифровых трансформаций как перераспределения «роли технологий и процессов в целях совершенствования информационно-образовательной среды» [21, с. 353]. Социальные риски в таком контексте практически не рассматриваются, а «управление рисками»<sup>2</sup>, если оно и осуществляется, сводится к решению технико-технологических вопросов. Так, в ходе проведённого нами интервью проректоров вузов большинство из них сводили риски цифровизации/дигитализации главным образом к проблемам работы с информационными системами. Типичным было следующее разъяснение: *«Сейчас, учитывая то, что третий год мы массово ушли в дистанционные технологии, а преподаватели многими функциями начали пользоваться и для обычных традиционных занятий (в частности – проверка домаш-*

<sup>1</sup> Не разделяя в целом концепцию К. Шваба, мы тем не менее полагаем, что его понимание сущности рисков достаточно адекватно социальной реальности.

<sup>2</sup> Если быть предельно точным в формулировках, то следует признать: управляют не рисками, но процессом их возникновения, проявления и выражения в виде следствий. Однако поскольку словосочетание «управление рисками» – как некая удобная вербальная конструкция – стало общепотребительным, мы используем его, заключая в кавычки.

них занятий), мы столкнулись с проблемой массового увеличения объёма информации и её хранения. Информацию где-то надо хранить, соответственно, возникает необходимость расширения инфраструктуры, ёмкостей для хранения, значительное увеличение интернет-каналов... Возникли риски замены программного обеспечения с точки зрения импортозамещения, когда мы понимаем, что завтра используемое программное обеспечение может перестать работать и мы не сможем двигаться вперед. Информатизация и цифровая трансформация в данном случае, действительно, имеет очень много рисков. Там, где в большом объёме используются информационные системы, это всегда среда, привлекательная для DDoS-атак, вирусных атак. Возник вопрос защиты информации, защиты персональных данных» (мужчина, проректор вуза, 50 лет).

Позиция (во многом обоснованная), согласно которой цифровая трансформация – это «инновационная трансформация системы образования, проводимая средствами информационно-коммуникационных технологий, характеризующих совокупность информационно-компьютерных средств и способов, обеспечивающих достижение планируемых целей обучения и используемых для повышения эффективности обучения и формирования компетентностного подхода к образованию» [22, с. 10], существенно ограничивает перспективы институционализации социальных рисков дигитализации.

Сторонники такого подхода не учитывают, что технико-технологические изменения обуславливают гибридизацию общественной жизни, в том числе и образовательной среды, формирование в её рамках сложно структурированных социобиотехнических систем (СБТ-систем), в которых органически связаны социальные, технико-технологические и биологические компоненты.

Гибридизация сопровождается усилением нестабильности пространства вуза уже потому, что предполагает соединение в единое целое разнородных элементов при отсутствии как опыта реализации данной задачи, так и понимания перспектив. Нестабильность и неопределённость не просто умножают число рисков, но меняют их структуру и превращают в органический компонент функционирования образовательного пространства провинциальных вузов. Это с неизбежностью ведёт к постановке задачи перехода к новой парадигме риск-мышления, контуры которой уже могут быть определены, хотя бы в общем виде.

Во-первых, отказ от одномерного подхода, от осмысления рисков, если использовать формулировку Н. Талеба, в категориях «высокой размерности» [18]. Риск цифровизации/дигитализации образовательного пространства провинциальных вузов не должен восприниматься только как опасность или угроза недостижения целей его субъектами. Он представ-

ляет собой рефлексию ими амбивалентных (проигрыш – выигрыш) возможностей отклонения результатов деятельности от запланированных либо достижения поставленных целей при отсутствии ясного представления о наличии достаточных для этого в рамках сложившейся нормативной системы условий.

Одномерность в подходе к рискам, как было отмечено выше, в настоящее время постепенно преодолевается. Признавая наличие позитивных следствий рисков, администраторы и преподаватели связывают их преимущественно с открытием новых возможностей (40% респондентов – представителей каждой из обеих когорт), стимулированием инноваций (23,3% и 15,3% респондентов соответственно), созданием условий для творческой деятельности (6% и 12,3% соответственно). Однако эти довольно низкие показатели свидетельствуют: пересмотр сложившихся стереотипов идёт весьма непоследовательно.

Во-вторых, отказ от технико-технологического редукционизма в объяснении рисков цифровизации и формирование представления о социальных рисках, наиболее типичных для «дигитального» её этапа. Что вполне логично, поскольку имеет место «глобальный процесс, характеризующийся изменением социальной, экономической, культурной среды, науки и образования» [23, с. 195]. Разумеется, это не означает призыва игнорировать технико-технологические риски. Они весьма значимы и, как заявил в ходе интервью один из проректоров, *«навсегда останутся. ... В принципе, можно сказать, что возникновение новых рисков – это, скорее, возникновение новых задач, которые надо решать с использованием новых подходов»* (женщина, эксперт – ученый, 49 лет).

Социальные риски, являющиеся следствием нестабильности и неопределённости дигитальных изменений, инициированных внедрением в образовательное пространство провинциальных вузов, многообразны по своим источникам. К числу наиболее значимых среди них относятся: цифровое неравенство, изменение статусов субъектов образовательного пространства; преобразование коммуникаций (согласно исследованиям А. Маррея, цифровизация «ведёт к изменению парадигмы общения и взаимодействия людей друг с другом и с социумом» [24, с. 35]); формирование техносоциальной среды с участием техносубъектов; внедрение систем цифрового администрирования, основанного на постоянном контроле; изменение содержания и структуры того, что П. Бурдые называл «культурным капиталом» [25, с. 64].

В-третьих, ориентация на выстраивание *системы* действий, обеспечивающих превращение социальных рисков из маргинального в органический элемент образовательных пространств вузов в провинциальных

городах, что позволит оптимизировать управление процессом их возникновения, проявления и выражения в виде следствий, который можно определить как жизненный цикл или рискогенез. Мы полагаем, что данное понятие, которое в настоящее время применяется в основном в медицине для характеристики патологических процессов, допустимо использовать в социально-гуманитарном знании. Это связано с важностью расширения методологии социальных наук за счёт использования принципов и подходов, разработанных в естественно-научных дисциплинах, в том числе и посредством освоения новой профессиональной лексики, возможность и необходимость которого подчёркивал О. Н. Яницкий.

Идея управления рискогенезом находит понимание у значительного числа акторов вузовского пространства, которые склонны трактовать её как регулирующее воздействие, что является довольно типичным для современных практиков [26, с. 76]. В ходе проведённого нами исследования «Ограничения и риски внедрения цифровых технологий в региональных вузах» (2021 г.) необходимость управления этим процессом безусловно поддержали 42,3% администраторов и 41,4% преподавателей; с некоторыми оговорками сделали это 53,2% и 43,7% респондентов соответственно. Но одновременно только 10% администраторов и 7,3% преподавателей заявили, что они полностью готовы к внедрению системы регулирования социальных рисков в вузе.

Недостаточная готовность акторов вузовского пространства к управлению рискогенезом на современном этапе развития провинциальных вузов является наиболее существенным барьером в ходе использования их возможностей для развития учреждений высшей школы. Первоочередным шагом в его преодолении является институционализация социальных рисков, инициированной цифровизацией и дигитализацией образовательного пространства. Она предполагает решение трёх задач.

1. Определение норм и правил управления рискогенезом, которые должны быть универсальными и распространяться на все виды рисков. Эти нормы и правила во многих случаях очевидны и либо более или менее строго сформулированы в рискологической литературе, либо присутствуют в ней имплицитно. Количество их можно увеличивать едва ли не до бесконечности. Однако принцип разумного ограничения позволяет, наш взгляд, выделить среди них те, соблюдение которых является обязательным. В их числе:

- научная обоснованность, требующая выстраивать управление по модели «исследование – решение», наиболее адекватной современной дигитальной реальности [27, с. 8]; принципиально важной задачей здесь является разработка критериев идентификации рисков и демаркации их от близких по значению феноменов;



- системность, согласно которой социальные риски дигитализации должны рассматриваться в качестве органических элементов образовательного процесса в вузе, взаимосвязанных с другими компонентами и друг с другом, следовательно – «управление» ими может быть лишь одним из «моментов» общей политики управления рисками;
- стратегическая ориентация, предполагающая «управление рисками» с учётом долгосрочных целей, постановка которых осуществляется на основе прогнозных сценариев цифровой трансформации;
- адресность, требующая всегда принимать во внимание специфическую ситуацию, в которой находится субъект риска, и использовать адекватные методы и приёмы воздействия на неё;
- пертинентность, подразумевающая формирование системы критериев результативности управленческого воздействия.

2. Формирование институций, выступающих в качестве регулятивов процесса рискогенеза, инициированного цифровизацией и дигитализацией образовательного пространства вузов. Институции, являясь «артефактами, искусственно создаваемыми конструкциями» [28, с. 167], предназначены для упорядочения социальных процессов в различных сферах. По нашему мнению, такими институциями являются: комплекс нормативных актов; административные структуры (структура); административно-общественные формирования. На наш взгляд, принципиально важно понимать: управлять рискогенезом в ходе дигитализации не могут структуры, выполняющие в вузах функцию организации внедрения цифровых технологий, хотя их не следует исключать из этого процесса. Но ведущая роль в «управлении» социальными рисками дигитализации, как и рисками вообще, объективно принадлежит подразделениям, осуществляющим социально-воспитательную работу, что, разумеется, требует модернизации их функционала и открывает новые перспективы. Более того, эта деятельность не может быть осуществлена лишь силами административных структур. Нельзя не согласиться с позицией А. В. Тихонова и В. С. Богданова, которые связывают переход к «умному управлению» или «умному регулированию» с общественным участием и подчёркивают их социальный характер [26, с. 75]. Именно поэтому целесообразным представляется развитие практик административно-общественного взаимодействия для регулирования процессов цифровой трансформации.

3. Разработка и доведение до всех акторов стандартов поведения в ситуациях рисков, представляющие собой наиболее сложные задачи институционализации. Если подготовка нормативной базы и формирование организационных структур могут быть осуществлены административными методами, в данном случае их решение возможно лишь на основе достижения конвенции о содержании стандартов и формулировке рекомендаций к

их соблюдению. Эти стандарты для вуза пока ещё только предстоит определить. В качестве возможных мы предлагаем отнести к ним следующие:

- **хабитуализация («опривычивание»)**, выражающаяся в понимании того, что для достижения любого значимого успеха в современном обществе необходимо рисковать, а способность успешно действовать в ситуациях риска следует рассматривать как одно из важнейших качеств человека или группы;
- **публичность дискурса**, поскольку установка на кулуарное разрешение ситуаций риска хотя нередко в актуальном плане и приводит к успеху, в перспективе часто ведёт к издержкам;
- **осмысление социальных рисков в категориях высокой размерности**, заключающееся в умении видеть их сложную структуру и многообразие причин их возникновения;
- **несводимость ситуаций рисков к рациональной составляющей и понимание того, что в них играют большую роль нерациональные компоненты (интуиция, эмоции, воля субъекта)**;
- **признание условности любых прогнозов относительно возникновения и развития социальных рисков, являющихся продуктами неопределённости.**

Проблема состоит в том, в какой мере вузовские сообщества способны принять и практически применить эти и иные возможные стандарты.

## **Заключение**

Вузы в провинциальных городах России во многих отношениях различаются между собой. Однако процессы глокализации обуславливают постановку перед ними ряда общих проблем, связанных с поиском ресурсов развития и обеспечения конкурентоспособности в новой, усиленно «гибридируемой» реальности. Риски, в том числе и социальные риски дигитализации, в данном контексте хотя и создают ограничения при решении этих проблем, потенциально выступают в качестве одного из таких ресурсов. Однако использование «созидательного» потенциала рисков требует существенных дивергентных изменений институционального характера в самоорганизации вузовского пространства, перспективы которых зависят от способности руководства и всего коллектива разработать и реализовать стратегию их осуществления, трансформировав при этом традиционную корпоративную культуру образовательного учреждения, ориентированную на стабильность и уникальность традиций, в риск-культуру, в которой нестабильность и неопределённость рассматриваются не как исключение, но как норма, способность рисковать оценивается в качестве важнейшего конкурентного преимущества, а социальный риск становится институциональным регулятивом развития.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Яницкий О. Н. К проблеме модернизации гуманитарного знания // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6, № 1 (21). С. 7–22. DOI 10.19181/snsp.2018.6.1.5734. EDN **YTPTYP**.
2. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю. Цифровая среда ведущих университетов мира и РФ: результаты сравнительного анализа данных сайтов / Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, Т. Э. Петрова [и др.] // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 12. С. 9–22. DOI 10.31992/0869-3617-2019-28-12-9-22. EDN **LXPREV**.
3. Бурганова Л. А., Юрьева О. В. Отношение вузовских преподавателей к использованию цифровых технологий: социологический анализ // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 1. С. 105–108. EDN **HKXGDF**.
4. Кротенко Т. Ю. Возможности и угрозы цифровой трансформации управленческого образования // Цифровая социология. 2022. Т. 5, № 1. С. 98–106. DOI 10.26425/2658-347X-2022-5-1-98-106. EDN **XAINCZ**.
5. Стариченко Б. Е. Цифровизация образования: иллюзии и ожидания // Педагогическое образование в России. 2020. № 3. С. 49–58. DOI 10.26170/ro20-03-05. EDN **KTHSZE**.
6. Козлова Н. Ш., Козлов Р. С. Тенденции цифровой трансформации образования в современных условиях // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2020. № 3 (46). С. 51–59. DOI 10.24411/2078-1024-2020-13005. EDN **OUPCZS**.
7. Синчурина Е. С. Риски цифровизации современного образовательного пространства на примере высшего и среднего образования // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2020. № 3 (28). С. 45–48. EDN **DNLXOL**.
8. Берталланфи Л. Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем. М. : Прогресс, 1969. С. 23–82.
9. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М. : Прогресс, 1986. 432 с.
10. Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века / Пер. с англ. Ю. Гольдберга. М. : Синдбад, 2019. 416 с. ISBN 978-5-00131-102-7.
11. Bell D. The Coming of Post-industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N. Y. : Basic Books, 2001. 616 p.
12. Masuda Y. The Information Society as Postindustrial Society. Washington : World Future Society, 1983. 171 p.
13. Зубков В. И. Риск в структуре экономического поведения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2001. № 2. С. 76–93. EDN **BFESGP**.
14. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Риск в сфере образования молодежи: институциональные и саморегуляционные механизмы управления // Вопросы образования. 2008. № 4. С. 31–56. EDN **JWJFJP**.
15. Мозговая А. В. Риск: социологические исследования и социальная практика // Россия реформирующаяся. 2011. № 10. С. 421–433. EDN **PBIUZP**.
16. World at Risk, edited by Ulrich Beck. English Edition, Translated by Ciaran Cronin. Cambridge. MA : Polity Press, 2009. 269 p.
17. Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями // Логос. 2017. Т. 27, № 1 (116). С. 173–200. EDN **WABGMB**.

18. Талёб Н. Рискуют Собственной Шкурой. Скрытая асимметрия повседневной жизни / Н. Талёб : пер. с англ. Н. Караева. М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. 379 с. ISBN 978-5-389-14168-1.
19. Schwab K., Malleret T. The Great Narrative. Zürich : Schweizer Buchhändler und Verleger Verband SBVV, 2021. 253 p. ISBN 978-2-940631308.
20. Глуховцова А. А. Концепция трактовки понятия «Риск деятельности субъекта» // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2012. № 5. С. 204–208. EDN ROYZIL.
21. Петрова Н. П., Бондарева Г. А. Цифровизация и цифровые технологии в образовании // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 5 (78). С. 353–355. DOI 10.24411/1991-5497-2019-00138. EDN UMLEAB.
22. Вакс В. Б. Исследование отдельных аспектов цифровизации образовательного процесса в вузе // Концепт. 2021. № 2. С. 1–13. DOI 10.24412/2304-120X-2021-11004. EDN NIEEDB.
23. Понизовкина И. Ф. Цифровизация высшего образования: перспективы и риски // Право и практика. 2020. № 1. С. 194–202. EDN ECPECC.
24. Марей А. Цифровизация как изменение парадигмы // BCG : [сайт]. URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/about/bcg-review/digitalization.aspx> (дата обращения: 01.09.2022).
25. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74. EDN OYUVRD.
26. Тихонов А. В., Богданов В. С. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 74–81. DOI 10.31857/S013216250008325-0. EDN VSDAAV.
27. Яницкий О. Н. К проблеме модернизации гуманитарного знания // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6, № 1 (21). С. 7–22. DOI 10.19181/snsp.2018.6.1.5734. EDN YTPTYP.
28. Кирдина С. Г., Малков С. Ю. Моделирование самоорганизации экономики отраслей с повышающимися и понижающимися предельными издержками // Эволюционная теория, теория самовоспроизводства и экономическое развитие : 7 Международный симпозиум по эволюционной экономике (Московская область, Пущино, 14–15 сентября 2007 года) / ИЭ РАН, ЦЭМИ РАН, ЦЭЭ ; науч. ред. : В. И. Маевский, С. Г. Кирдина. М. : Центр эволюционной экономики, 2008. С. 167–168.

## Сведения об авторах

### В. П. Бабинцев

доктор философских наук, профессор

AuthorID РИНЦ: 265785

### Я. И. Серкина

кандидат социологических наук,

доцент

AuthorID РИНЦ: 643045

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Статья поступила в редакцию 18.12.2022; одобрена после рецензирования 12.01.2023; принята к публикации 10.02.2023.



Original article

DOI: 10.19181/snsp.2023.11.1.2

## INSTITUTIONALISATION OF SOCIAL RISKS OF DIGITALISATION OF THE EDUCATIONAL SPACE OF UNIVERSITIES IN THE PROVINCIAL CITIES OF RUSSIA

Valentin Pavlovich Babintsev<sup>1</sup>

Yana Igorevna Serkina<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> Belgorod State National Research University,  
Belgorod, Russia,

<sup>1</sup> [babintsev@bsu.edu.ru](mailto:babintsev@bsu.edu.ru),

ORCID 0000-0002-0112-6145

<sup>2</sup> [serkina\\_ya@bsu.edu.ru](mailto:serkina_ya@bsu.edu.ru),

ORCID 0000-0002-5106-7104

**For citation:** Babintsev V. P., Serkina Ya. I. Institutionalisation of social risks of digitalisation of the educational space of universities in the provincial cities of Russia. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023; 11(1): 26–43. (in Russ.). DOI 10.19181/snsp.2023.11.1.2.

**Abstract.** The article analyses the problem of institutionalisation of social risks of digitalisation of the educational space of universities in the Russian provinces. The risk-generating nature of digitalisation is emphasised, the conclusion about risk as digitalisation systemic element, that includes not only threats, but also significant opportunities for development, is substantiated. The task of managing risk genesis is formulated, the necessary condition of which is the institutionalisation of risks. The institutionalisation of social risks of digitalisation of the educational space of universities in the provincial cities of Russia is interpreted as a system of actions of actors in the educational space taken to prevent undesirable consequences of the risks of digitisation and digitalisation and to use their creative potential, including the establishment of corporate norms and behavioural standards, the definition of structures that ensure their implementation in risk situations. Three main tasks of institutionalisation are considered: definition of norms and rules of risk management; formation of institutions implementing it; development and implementation of corporate standards of behaviour in risk situations.

**Keywords:** provincial university, educational space of the university, digitisation, digital transformation, digitalisation, hybridisation, social risks

**Acknowledgment:** The study was carried out at the expense of the grant of the Russian Scientific Foundation No. 21-18-00150 “Social consolidation of urban communities: opportunities and limitations in the conditions of digitalization of the urbanized environment” (<https://rscf.ru/project/21-18-00150/>).

### REFERENCES

1. Yanickij O. N. On the problem of modernization of humanitarian knowledge. *Sociologicheskaya nauka I social'naya praktika=Sociological science and social practice*. 2018; 6(1): 7–22. (In Russ.). DOI 10.19181/socjour.2017.23.4.5529.

2. Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Y., Petrova T. E. Digital environment of the leading universities of the world and the Russian Federation: results of a comparative analysis of these sites. *Vysshee obrazovanie v Rossii=Higher education in Russia*. 2019; 28(12): 9–22. (In Russ.). DOI 10.31192/0869-3617-2019-28-12-9-22.
3. Burganova L. A., Yur'eva O. V. The attitude of university teachers to the use of digital technologies: a sociological analysis. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii=Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2020; (1): 105–108. (In Russ.).
4. Krotenko T. Y. Opportunities and threats of digital transformation of management education. *Cifrovaya sociologiya=Digital Sociology*. 2022; 5(1): 98–106. (In Russ.). DOI 10.26425/2658-347X-2022-5-1-98-106.
5. Starichenko B. E. Digitalization of education: illusions and expectations. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii=Pedagogical education in Russia*. 2020; 3: 49–58. (In Russ.). DOI 10.26170/po20-03-05.
6. Kozlova N. S., Kozlov R. S. Trends of digital transformation of education in modern conditions. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta=Bulletin of the Maikop State Technological University*. 2020; (3): 51–59. (In Russ.). DOI 10.24411/2078-1024-2020-13005.
7. Sinchurina E. S. Risks of digitalization of the modern educational space on the example of higher and secondary education. *Aktual'nye problemy sovremennosti: nauka i obshchestvo=Current problems of our time: science and society*. 2020; (3): 45–48. (In Russ.).
8. Bertalanfi L. General theory of Systems: a critical review. Moscow: Progress; 1969. 520 p. (In Russ.).
9. Prigozhin I., Stengers I. Order out of chaos. A new dialogue between man and nature. Moscow: Progress; 1986. 432 p. (In Russ.).
10. Harari Y. N. 21 lessons for the XXI century. Transl. Y. Gol'dberga. Moscow: Sindbad; 2019. 416 p. (In Russ.). ISBN 978-5-00131-102-7.
11. Bell D. The Coming of Post-industrial Society. A Venture in Social Forecasting. New York: Basic Books; 2001. 616 p.
12. Masuda Y. The Information Society as Postindustrial Society. Washington: World Future Society; 1983. 171 p.
13. Zubkov V. I. Risk in the structure of economic behavior. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya=Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*. 2001; (2): 76–93. (In Russ.).
14. Zubok Y. A., Chuprov V. I. Risk in the field of youth education: institutional and self-regulatory management mechanisms. *Voprosy obrazovaniya=Education issues*. 2008; (4): 31–56. (In Russ.).
15. Mozgovaya A. V. Risk: sociological research and social practice. *Rossiya reformiruyushchayasya=Russia is reforming*. 2011; 10: 421–432. (In Russ.).
16. Ulrich Beck, ed. World at Risk. English Edition, Translated by Ciaran Cronin. Cambridge: Polity Press; 2009. 269 p.
17. Latur B. About actor-network theory. Some clarifications, supplemented with even greater complications. *Filosofsko-literaturnyj zhurnal «Logos»=Philosophical and literary magazine “Logos”*. 2017; 27(1): 173–200. (In Russ.).
18. Taleb N. Risking His Own Skin. The hidden asymmetry of everyday life. Per. s angl. N. Karaeva. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus; 2018. 379 p. (In Russ.). ISBN 978-5-389-14168-1.

19. Schwab K., Malleret T. The Great Narrative. Schweizer : Buchhändler und Verleger Verband SBVV; 2021. 167 p.
20. Gluhovcova A. A. The concept of interpretation of the concept of “Risk of the subject’s activity”. *Sovremennye tendencii v ekonomike i upravlenii: novyj vzglyad=Modern trends in economics and management: a new look*. 2012; 5: 204–208. (In Russ.).
21. Petrova N. P., Bondareva G. A. Digitalization and digital technologies in education. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya=The world of science, culture, education*. 2019; 5(78): 353–355. (In Russ.). DOI 10.24411/1991-5497-2019-00138.
22. Vaks V. B. Research of certain aspects of digitalization of the educational process at the university. *Koncept=Concept*. 2021; (2): 1–13. (In Russ.). DOI 10.24412/2304-120X-2021-11004.
23. Ponizovkina I. F. Digitalization of higher education: prospects and risks. *Pravo i praktika=Law and practice*. 2020; (1): 194–202. (In Russ.).
24. Marej A. Digitalization as a paradigm shift. Available at: <https://www.bcg.com/ru-ru/about/bcg-review/digitalization.aspx> (accessed: 01.09.2022). (In Russ.).
25. Burd'e P. Forms of capital. *Ekonomicheskaya sociologiya=Economic Sociology*. 2002; 3(5): 60–74. (In Russ.).
26. Tihonov A. V., Bogdanov V. S. From “smart regulation” to “smart management”: the social problem of digitalization of feedbacks. *Sociologicheskie issledovaniya=Sociological research*. 2020; (1): 74–81. (In Russ.). DOI 10.31857/S013216250008325-0.
27. Yanickij O. N. On the problem of modernization of humanitarian knowledge. *Sociologicheskaya nauka I social'naya praktika=Sociological science and social practice*. 2018; 6(1): 7–22. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2018.6.1.5734.
28. Kirdina S. G., Malkov S. Y. Modeling of self-organization of the economy of industries with rising and falling marginal costs. *Evolyucionnaya teoriya, teoriya samovosproizvodstva i ekonomicheskoe razvitie=Evolutionary theory, self-reproduction theory and economic development: Mater. 7-go Mezhdunarodnogo simpoziuma po evolyucionnoj ekonomike / Otv. red. V. I. Maevskij, S. G. Kirdina*. Moscow: Institut ekonomiki RAN; 2008. P. 167–168. (In Russ.).

## Information about the Authors

### V. P. Babintsev

Doctor of Philosophy, Professor

ResearcherID: [ABD-1868-2020](#)

Scopus AuthorID: [3975595200](#)

### Y. I. Serkina

Candidate of Sociology, Associate Professor

ResearcherID: [O-4544-2017](#)

Scopus AuthorID: [57190881205](#)

The authors contributed equally to this article.  
The authors have no conflicts of interest to declare.

The article was submitted 18.12.2022; approved after reviewing 12.01.2023; accepted for publication 10.02.2023.



## ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ О СМЫСЛАХ ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ САМОРЕГУЛЯЦИИ

Нина Анатольевна Селиверстова<sup>1</sup>  
Юлия Альбертовна Зубок<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН,  
Москва, Россия

<sup>1</sup> [nas0311@ya.ru](mailto:nas0311@ya.ru),

ORCID 0000-0001-9691-3020

<sup>2</sup> [uzubok@mail.ru](mailto:uzubok@mail.ru),

ORCID 0000-0002-3108-2614

**Для цитирования:** Селиверстова Н. А., Зубок Ю. А. Представления студенческой молодёжи о смыслах образования: социокультурные особенности саморегуляции // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 1. С. 44–69. DOI 10.19181/snsp.2023.11.1.3. EDN RVEXBB.

**Аннотация.** В статье выявляются особенности соотношения терминальных (развитие способностей, потребность в познании, общая культура) и инструментальных (диплом, возможность сделать карьеру, престиж) смыслов образования на основе сравнительного анализа соответствующих представлений студентов высшей школы и других групп учащейся молодёжи либо учащейся молодёжи в целом. Методологическая база исследования – концепция саморегуляции жизнедеятельности молодёжи. Анализ связей терминальных и инструментальных смыслов образования и других элементов социокультурного механизма саморегуляции жизнедеятельности (архетипов, ментальных черт, ценностных ориентаций на знания, габитуальных установок, субкультурных смыслов), принадлежности к базовым типам культур позволил определить тенденции отношения к образованию студенческой и учащейся молодёжи. Тенденция инструментализации ценностного отношения к образованию студентов вузов и в целом учащейся молодёжи имеет устойчивый характер. Выявлено, что смыслы образования менее значимо коррелируют с архетипами и менталитетом. Субкультурные смыслы как свойства поколения, содержащие в себе различного рода «активности» и элементы демонстративного поведения, имеют значимые связи с инструментальными смыслами образования и, напротив, в некоторых случаях их отрицание – с терминальными. Подобная парадоксальность соотношения терминальных и инструментальных смыслов образования студенческой молодёжи зафиксирована и в корреляциях с отрицанием принадлежности к инновационному и духовному типам базовой культуры, что существенно отличает её от учащейся молодёжи. Как социокультурные факторы формирования представлений о смыслах образования студенческой молодёжи выделены тип поселения, уровень дохода, уровень образования родителей.



Представления о смыслах образования студентов вузов рассмотрены в соотношении с институциональной регуляцией высшей школы. Сделан вывод о том, что устойчивая тенденция инструментализации отношения студенческой молодёжи к образованию согласуется с таким направлением целенаправленной регуляции высшей школы, как практикоориентированность образовательных программ. Образование понимается как средство повышения управляемости своей жизнью, а значит – повышения уровня социальной определённости.

**Ключевые слова:** представления о смыслах образования, студенческая молодёжь, высшая школа, саморегуляция жизнедеятельности, социокультурный механизм саморегуляции жизнедеятельности, учащаяся молодёжь

## Введение

Ценностно-смысловая структура сознания учащихся высшей школы – один из наиболее исследуемых предметов социологии молодёжи. Это объясняется особой ролью студенчества в формировании наиболее образованных и квалифицированных социальных слоёв общества, в воспроизводстве его интеллектуальной и культурной элиты. Следовательно, с отношением к образованию этой группы молодёжи связываются определённые социальные ожидания. Вместе с тем для самих молодых людей высшее образование – значимая часть их собственной жизни, которая встраивается ими в биографический план и наделяется конкретным смыслом. В соответствии с этим смыслом будут выстраиваться стратегии в образовательной сфере.

Исследования фиксируют неоднозначность представлений молодых людей о смыслах образования, в основании данного феномена – диалектика соотношения смыслов образования как цели и как средства. Смыслы образования проявляются в представлениях, которые формируются в повседневных социальных взаимодействиях молодых людей ещё до их прихода в вуз, в социокультурном контексте социализации, отличающем разные группы молодёжи. Непосредственное включение в образовательную среду высших учебных заведений корректирует или закрепляет сложившиеся представления в мотивационном ядре, определяя в целом место образования в стратегиях жизнедеятельности молодёжи и конкретные жизненные выборы молодых людей в сфере образования. Так, представления о смыслах образования обретают сложную функцию в саморегуляции жизнедеятельности студенческой молодёжи: с одной стороны, определяют восприятие сути образования, ценностное отношение к нему и стремление включать в жизненные стратегии; регулируют включённость в учебную, научно-исследовательскую и внеучебную деятельность, успеваемость и удовлетворённость качеством знаний, получаемых в вузе и т. д. С другой стороны, являются проекцией культуры и формируются как под влиянием саморегуляции, т. е. упорядочения



своей жизни усилиями самих молодых людей как относительно самостоятельных, самоорганизующихся акторов, так и под влиянием целенаправленной, институциональной регуляции.

Анализ процессов саморегуляции и механизмов, лежащих в их основе, даёт возможность сфокусироваться как на субъектности конкретной группы, так и на особенностях формирования её смысловых представлений в сфере образования [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8]. В этой статье особенности соотношения терминальных и инструментальных смыслов образования выявляются в процессе сравнительного анализа студентов высшей школы и других групп учащейся молодёжи либо учащейся молодёжи в целом. Однако, кроме методического аспекта, обращение к сравнению групп учащейся молодёжи содержательно связано с идеей наличия у неё общих характерных черт, обусловленных возрастом и пребыванием в образовательном пространстве, а также наследуемых от одного уровня образования к другому. В связи с этим возникают вопросы: что общего и в чём отличия смысловых представлений об образовании у студентов и других категорий учащихся? Какие элементы социокультурного механизма и каким образом связаны с формированием смысловых представлений об образовании в студенческой среде? Из этого вытекают цели исследования, которые заключаются в обосновании специфики социокультурной саморегуляции представлений о смыслах образования студенческой молодёжи в сравнении с учащейся молодёжью в целом, а также в выявлении смысловых составляющих отношения к образованию в среде университетского студенчества, формирующихся в контексте сложившейся институциональной регуляции высшей школы. В основу анализа положены связи смыслов образования с другими элементами социокультурного механизма саморегуляции жизнедеятельности, разрабатываемого в Центре социологии молодёжи ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Эмпирической базой послужили данные всероссийского социологического исследования российской молодёжи, проведённого Центром в октябре 2020 г. методом стандартизированного интервью в формате face-to-face по репрезентативной для населения России выборке в 42 населённых пунктах 10 субъектов Российской Федерации<sup>1</sup>. Время проведения опроса совпало с коротким периодом между выходом из жёсткого локдауна, введённого в связи с распространением новой коронавирусной

---

<sup>1</sup> Тип выборки – квотная, репрезентация обеспечена по полу, возрасту и типу поселения. Регионы исследования: Санкт-Петербург и Ленинградская область, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Красноярский край, Воронежская область, Калининградская область, Саратовская область, Курская область, Вологодская область, Республика Крым. Общий объём выборки – 1155 человек. Ошибка выборки – 4,5%. Исследование проведено под руководством и по методике д-ра социол. наук, проф. Ю. А. Зубок и д-ра социол. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ В. И. Чупрова в сотрудничестве с ИОМ «Квалитас» и его генеральным директором – д-ром социол. наук, проф. Н. А. Романович.

инфекции, и «веерным» уходом в режим ограничения в разных регионах страны, что позволило провести интервьюирование в очном формате.

Исследование стало частью продолжительного фундаментального проекта, направленного на изучение механизмов социальной саморегуляции жизнедеятельности молодёжи [9]. Конкретизация функционирования этих механизмов прежде проводилась преимущественно на примере различных сфер жизнедеятельности, в том числе и сферы образования [3; 4; 10; 8; 11], и лишь частично – на примере конкретных групп молодёжи [12; 13; 9; 14].

Эмпирическим объектом исследований в рамках этого проекта всегда выступала молодёжь в целом как особая социально-демографическая группа. Для отбора респондентов рассчитывались половозрастные квоты, репрезентирующие молодёжь с учётом региональных особенностей и типа занятости (работа, учёба и т. д.). Это означает, что в методику не закладывались такие параметры, как форма собственности учебного заведения, направление подготовки и другие, столь важные для социологов образования. В целях подготовки этой статьи из общего объёма выборки были выделены две категории респондентов – студенты высшей школы как целевая группа и учащаяся молодёжь в целом как контрольная группа. В группу учащейся молодёжи вошли учащиеся школ, студенты колледжей и техникумов, аспиранты, учащиеся курсов. Исходя из эмпирической базы, имеющейся в нашем распоряжении, объём подвыборки студентов вузов составил 189 человек, учащейся молодёжи – 411 человек. Среди опрошенных студентов доля юношей составила 48%, девушек – 52%, среди учащейся молодёжи – 50% юношей и 50% девушек. Все респонденты обучаются на очных отделениях учебных заведений.

Анализ эмпирических данных осуществлён в рамках методологии целостного подхода к исследованию саморегуляции жизнедеятельности молодёжи [9; 11]<sup>1</sup>.

*Методология целостного подхода в исследовании смысловой саморегуляции жизнедеятельности студенческой молодёжи в сфере образования.* Ядро методологии, базирующейся на феноменологической социологии, составляют следующие положения: (1) процессы социальной регуляции в конкретных общественных сферах и саморегуляции жизнедеятельности молодёжи как субъектных выборов жизненных стратегий и способов их реализации взаимообусловлены; (2) социальная неопределённость, проявляющаяся в общественных сферах жизнедеятельности, детерминирует нелинейное развитие социальных институтов, что стимулирует молодёжь к конструированию своей реальности через определение жизненных целей

<sup>1</sup> Статистическая обработка эмпирических результатов проведена в программе SPSS Statistics 21.0 с использованием многомерного анализа (двумерных и трёхмерных распределений данных).

и способов их достижения; (3) социокультурный механизм саморегуляции жизнедеятельности молодёжи представляет сложное по структуре образование, функционирующее как взаимосвязь коллективного и индивидуального бессознательного в форме архетипов, менталитета, габитусов, стереотипов, а также осознаваемых элементов, формирующихся в процессе рефлексии, осознания потребностей, интересов, мотивов, ценностей; (4) смыслы являются центральным элементом социокультурного механизма саморегуляции жизнедеятельности, определяют поведенческие, когнитивные и эмоциональные реакции молодёжи на институциональные условия в выборе целей и способов их достижения. Данное положение смысла как элемента социокультурного механизма саморегуляции жизнедеятельности молодёжи обеспечивается сочетанием диалектических свойств: «первичности» его позиции в системе культуры и «конечности», «неделимости» в теоретическом анализе исследователя. «Смысл и смыслогенез понимаются как самое первичное, основополагающее условие генезиса и существования культуры: ничто в ней не существует вне и прежде смысла. Смысл – квант культурного пространства, клетка организма культуры. Соответственно, способы построения смысловых конструкций, характер смысловых связей и конфигурации смысловых структур – корневая основа культурного многообразия и системных различий. Смысл – последний рубеж анализа, в который “упирается” рефлектирующая мысль, принципиально не желающая идти дальше» [15, с. 69].

Структура смыслообразования включает три необходимых и достаточных элемента: 1) носитель смысла; 2) нечто, что может представить конкретный смысл, как правило, это «отсылка к более широкому контексту», то есть, будучи ёмким, понятие «смысл» не подвергается логической процедуре структурной операционализации, оно переопределяется через другое понятие, а не дробится на комплекс показателей; 3) «качественно определённая связь носителя с контекстом» [16, с. 107], признание влияния «контекста». Смыслы, безусловно, имеют субъективные коннотации, но для того, чтобы исследовать смыслы, а не просто фиксировать вариации подтекста, их необходимо также рассматривать в связи с контекстом. Смысл всегда является частью системы взаимосвязанных смыслов, причём логика данной взаимосвязи определяется социокультурной ситуацией в обществе, а сам смысл получает одобрение конкретной социальной группы [17, с. 260]. А. Шютц вслед за М. Вебером, хотя и критикуя его, подчёркивает «принципиальную амбивалентность смысла всех социальных явлений» [17, с. 261], акцентируя внимание на двойственности толкования смысла в «мы-группах» и «они-группах», относя к последним учёных, наблюдателей. Однако двойственность смыслов социальных явлений, деятельности обнаружи-

вается и внутри «мы-группы», если анализ перевести на уровень субъективных смыслов, имея в виду её отдельных представителей. Применительно к смыслам образования «они-группой» выступают и родители, придание ими смыслов образованию детей-студентов может существенно различаться от тех, которые осознаёт студенческая молодёжь.

Для исследования смыслов образования студенческой молодёжи высшей школы важен и процесс смыслоосознания – или придания объекту нового, иного смысла [9, с. 112], что является одним из характерных феноменов социальной неопределённости и нелинейного развития социальных институтов.

Итак, о контексте. В данном случае речь идёт о социальном и социокультурном контекстах как средовом условии жизнедеятельности, которое играет ключевую роль в смыслообразовании и переосмыслении существующих значений. Студенческая молодёжь как носитель смыслов образования обретает их, опираясь, прежде всего, на семейный контекст, образовательный капитал родителей, свой образовательный опыт, результаты взаимодействия с институтом образования и со сверстниками в образовательной и социокультурной средах вуза. Образовательная среда представляет собой комплекс установок и действий основных участников образовательного процесса, регулируемых институциональными нормами и неформальными правилами. Социокультурная среда университета – результат целенаправленного конструирования учебной и внеучебной деятельности студенческой молодёжи, основными элементами которой выступают, помимо знаний ценности, символы, традиции, инновации и т. д. Но точно так же среда вуза создаётся множеством спонтанных взаимодействий всех участников образовательного процесса, в том числе и самих молодых людей, в сознании которых формируются и передаются ценностно-смысловые представления о сущности образования и его значении. Поэтому студенческая молодёжь выступает не только объектом среды, в процессе взаимодействий проявляется её субъектность в наполнении среды специфичными представлениями о социальной реальности. И наконец, самый широкий контекст в определении смыслового содержания образования – культурное пространство молодёжи, которое представляет собой разнообразные сочетания образцов базовой культуры [10]. Одна их часть отражает характерную для молодёжи принадлежность к субкультуре как выражение её отличительного группового свойства, другая – связь с базовой культурой, типичные проявления которой не имеют явно выраженной поколенческой привязки и являются универсальными для данной культуры. Разумеется, не все из них одинаково разделяются молодёжью и представителями других социально-демографических групп. Во взаимодействии образцов базовой



вой культуры и субкультуры вырабатываются смыслы, определяющие своеобразие конкретного поколения молодёжи. При этом каждый из образцов способен играть самостоятельную роль в проявлениях саморегуляции, определяя её направленность и связь со смыслами образования.

### Смыслы образования и их связи с элементами социокультурного механизма саморегуляции жизнедеятельности студенческой молодёжи

Эмпирическими показателями представлений о смыслах образования послужили ответы на вопрос «В чём для Вас смысл образования?». Развитие способностей, потребность в познании, общая культура интерпретировались как терминальные смыслы, а диплом, престиж и возможность сделать карьеру – как инструментальные.

В иерархической структуре смыслов образования нет различий между студентами вузов и учащейся молодёжью. Среди студентов соотношение терминальных и инструментальных смыслов составило 41 и 59%, а в общем распределении по учащимся – 42 и 58% (табл. 1). Из этого следует, что превышение инструментальных значений над терминальными у всех опрошенных – это общая характеристика отношения к образованию. Однако и терминальные смыслы заявляют о себе вполне уверенно. При этом инструментализация образования – воспроизводящийся тренд, не изменяющийся под влиянием социокультурной среды вуза.

Таблица 1

Смыслы образования по группам учащейся молодёжи, %

Группы учащейся молодёжи	Смыслы образования						Всего
	терминальные			инструментальные			
	Развитие способностей	Общая культура	Потребность в познании	Престиж	Возможность сделать карьеру	Диплом	
Учащиеся школ	38	3	7	0	40	11	100,0
Студенты колледжей, техникумов	27	2	9	2	37	23	100,0
Студенты вузов	24	6	11	2	39	18	100,0
Аспиранты	0	0	25	0	50	25	100,0
Учащиеся курсов	27	0	13	0	33	27	100,0
Распределение в целом по учащейся молодёжи	28	4	10	1	39	18	100,0



Иерархию значений образования среди студентов вузов образуют три наиболее распространённых смысла: возможность сделать карьеру (39%), развитие способностей (24%) и диплом (18%).

Выраженная дифференциация смыслов отмечается в поселенческом отношении. У студентов, чья социализация проходила в контексте сельской местности, значение образования как возможности для карьеры выше на 9%, чем у их сверстников из областных центров, и на 15% – чем у выходцев из малых городов. В то же время к получению диплома смысл образования у студентов из села сводится реже (11%), чем у жителей больших (18,7%) и малых (20,5%) городов. Как видно, при общей тенденции инструментализации внутри неё существуют социокультурно обусловленные различия. Влияние образовательной и социокультурной сред расширяет и уточняет смыслы образования. Они приобретают разное значение в контексте задач, стоящих перед молодым человеком. Так, сельчане могут более обострённо воспринимать и выше оценивать возможности, связанные с сущностными аспектами образования, чем просто получение диплома, рассматривая его как ресурс для закрепления в городе.

Субъективная оценка материального достатка выстраивает в сознании студенчества свою иерархию смысловых представлений об образовании. Пороговым значением, разделяющим респондентов, стала самооценка «мне хватает денег и на хорошую одежду, и на некоторые недорогие вещи длительного пользования». Восприятие образования через карьерные притязания у молодёжи с минимальными доходами несущественны, его актуализация и заметный рост начинаются именно в этой группе (36,5%), поднимаются с ростом доходов, позволяющих приобретать достаточно дорогие вещи (46,2%), и становятся ещё выше в группе наиболее обеспеченных, представителей которой можно было бы отнести к среднему классу (67%).

Если смысл образования как карьеры у студентов с ростом уровня благосостояния изменяется по нарастающей, то такой смысл, как развитие способностей, имеет нелинейную тенденцию роста. С 22% в группе очень бедных, едва обеспечивающих базовые потребности («денег хватает только на то, чтобы прилично питаться и одеваться; дорогие вещи мне не по карману»), значение этого показателя возрастает до 35,1% в группе способных приобретать некоторые вещи длительного пользования («пороговая группа»), далее снижается до 15,4% среди тех, кому доступны некоторые достаточно дорогие вещи для обустройства быта, за исключением автомобиля или зарубежного отдыха, и продолжает падение в самой обеспеченной группе студентов. У обеспеченных слоев молодёжи развитие способностей происходит с помощью целого ряда каналов, включая дополнительное образование и досуг. В низко обеспеченных слоях образо-

вание становится основным, если не единственным доступным ресурсом самореализации.

Гендерные различия внутри студенческой группы зафиксированы лишь в связи со смыслом «развитие способностей», более значимым для юношей (29%), чем для девушек (21%). В группе учащейся молодёжи при сохранении этой тенденции разрыв показателей несколько меньше (30 и 26% соответственно). По остальным смыслам образования гендерные различия незначительны – как внутри группы студентов, так и между сопоставляемыми группами – студентами и учащейся молодёжью.

Дифференциация студенческой молодёжи высшей школы по разным основаниям, а также применение различных методологических и методических приёмов ведут к уточнению смыслов образования через призму мотивации. Именно в этом аспекте наиболее ярко проявляется фактор осознанной саморегуляционной установки, который заметен в определённых формах обучения. Так, «мотивированными студентами смысл заочной формы обучения определяется как “самообразование”. Именно этот смысл позволяет им считать, что они “получают высшее образование, а не диплом”. Для тех, кто пришёл за дипломом, высшее заочное образование – “формальность”, “поверхностное освоение дисциплин”» [18, с. 138].

В формировании отношения к образованию определяющую роль играет социокультурный контекст родительской семьи. Анализ такого контекстуального показателя, как уровень образования родителей, свидетельствует о том, что их начальное и неполное среднее образование выражено коррелирует с терминальными смыслами образования у детей – студентов вузов (75%), значительно отличаясь от аналогичной сопряжённости в группе учащейся молодёжи (50%). Наличие учёной степени у родителей также определяет преобладание терминальных смыслов над инструментальными (83 и 17%). В первом случае преобладание терминальных смыслов гипотетически может объясняться высокой ценностью профессионального образования как цели, не достигнутой родителями и привитой детям, во втором – высокой ценностью познания как такового, как правило, составляющего суть деятельности специалистов с учёными степенями, обстановкой в семье с высоким образовательным капиталом. Но в обоих случаях образование родителей становится значимым ориентиром в саморегуляции смысловых представлений самих молодых людей. В группе учащейся молодёжи соотношение смыслов более сбалансированное (46 и 54%).

Соотношение среднего полного, незаконченного высшего и высшего образования родителей с терминальными и инструментальными смыслами образования студентов зафиксировано с незначительными отклонениями от средних значений по выборке. Такая же ситуация и в группе

учащейся молодёжи. Корреляции между средним специальным образованием родителей и соотношением смыслов образования дифференцируют студенческую и учащуюся молодёжь выраженностью инструментальных значений в первой группе (67,2%). Среди учащейся молодёжи соотношение представлений о смыслах образования несущественно отличается от средних значений.

Смыслы образования, как и все культурные смыслы, имеют ценностные основания и уточняют ценностное отношение к нему. В качестве такого основания выступают ценности знаний.

Ценностные ориентации на знания измерялись по выбору суждения в следующих парах: «знания – это главное достояние человека» или «в наше время без знаний можно обойтись, были бы деньги»; «к получению знаний нужно стремиться всегда для общего развития, даже если они не востребованы в практической жизни» или «знания не самоцель, а средство решения поставленных задач»; «знания никогда не бывают лишними» или «знания важны лишь в определённых ситуациях», где выбор первых суждений рассматривается как ориентация на терминальную ценность знания, вторых – на инструментальную.

По соотношению терминальных и инструментальных ценностей знания студенческая молодёжь не отличается от старшеклассников (77 и 23%; 78 и 22% соответственно). Среди студентов колледжей и техникумов ниже доля ориентированных на терминальную ценность знания (71%) и выше – на инструментальную (29%). Что касается соотношения

Таблица 2

*Ценностные ориентации на знание и смыслы образования по группам учащейся молодёжи (средние значения), %*

Группы учащейся молодёжи	Ценностные ориентации на знание		Смыслы образования	
	терминальные	инструментальные	терминальные	инструментальные
Учащиеся школ	78	22	52	48
Студенты колледжей, техникумов	71	29	38	62
Студенты вузов	77	23	41	59
Аспиранты	92	8	25	75
Учащиеся курсов	58	42	40	60
Учащаяся молодёжь в целом	73	27	42	58

терминальных и инструментальных смыслов образования, то студенты вузов по этому показателю занимают срединное положение между старшеклассниками и студентами учреждений среднего профессионального образования: полученные данные не отличаются от средних значений по выборке (табл. 2). Значимыми социокультурными регуляторами являются такие контекстуальные характеристики, как обучение в определённых образовательных учреждениях и образование родителей. Обучение в образовательных организациях СПО сопряжено с тенденцией инструментализации смысловых представлений у учащихся, а наличие среднего специального образования у родителей выражено коррелирует с инструментальными смыслами образования у студентов вузов.

Динамика ценностных ориентаций на знания и смыслов образования, на первый взгляд, парадоксальна в молодёжной среде: рост терминальной ценности знаний (с 61,8% в 2011 г. до 73,0% в 2020 г. [8, с. 73]) сочетается с ростом инструментальных смыслов образования (с 50,3% в 2011 г. до 58,4% в 2020 г. [8, с. 78]). Однако вопрос о парадоксальности снимается, если не рассматривать эти ценности исключительно в рамках дихотомии, противопоставляя «знание – образование», а учесть более широкий контекст: публичный дискурс о высшем образовании преимущественно негативного характера, требования работодателей на рынке труда, состояние социальной неопределённости, усиленное пандемией новой коронавирусной инфекции на момент исследования, возможность получить знания не только в системе формального образования и т. д. При таких обстоятельствах соотношение терминальных и инструментальных смыслов образования в сопряжённости с ценностными ориентациями на знания обозначает тенденцию сохранения связей терминальных смыслов с ценностными ориентациями на терминальные знания, а инструментальных смыслов – с инструментальными (43,4% и 56,5%, 36,2 и 63,8% соответственно [8, с. 77]).

Исследование связей таких элементов социокультурного механизма саморегуляции, как архетипы и ментальные черты, с анализируемыми смыслами образования не выявило сколько-нибудь значимых корреляций (колебания в пределах 4,0–5,0% от средних значений по выборке), доказательно объясняющих основания коллективного бессознательного в продуцировании именно этих смыслов. Значительно более выраженные корреляции обнаружены между некоторыми габитуальными установками (активная и пассивная жизненные позиции, коллективизм и индивидуализм, расчётливость и чувственность) и смыслами образования – терминальными и инструментальными. Среди студентов с установкой на пассивную жизненную позицию, «присущую им в большой степени», соотношение терминальных и инструментальных смыслов составило



64 и 36% соответственно (среди учащейся молодёжи – 54 и 46% соответственно). Активная жизненная позиция студенческой молодёжи, «присущая ей в большой степени», коррелирует с инструментальными смыслами (62%), и здесь студенты не отличаются от учащейся молодёжи в целом.

Корреляции личностных свойств-предрасположенностей – «расчётливость» и «чувственность» – со смыслами образования отражают весьма характерную логику. Расчётливость, «присущая в большой степени», выражено сопряжена с инструментальными смыслами образования (65%), соответственно, в значительно меньшей степени – с терминальными (35%), а у тех, кому она «не присуща», корреляция зеркальная – 37 и 63% соответственно. Чувственность значимо коррелирует со смыслами образования только в том случае, если она не разделяется (вариант ответа «не присуща»): соотношение терминальных и инструментальных смыслов в этом случае составило 33 и 67%. Причём наиболее выражена связь с инструментальным смыслом «диплом» (39%), а менее выражена – с «возможностью сделать карьеру» (22%). Полученные данные позволяют предположить амбивалентность смысла «диплом», и, судя по соотношению данных, он может быть атрибутом достижения. Что касается корреляций рассмотренных свойств-предрасположенностей, то студенческая молодёжь больше наделяет образование инструментальными смыслами, чем учащаяся молодёжь в целом (в сумме 67 и 51% соответственно).

В паре установок на коллективизм и индивидуализм наиболее значимые сопряжённости представлений о смыслах образования проявились в связи с коллективизмом: среди студентов, кому он «присущ в большой степени», значение инструментальных смыслов выше (в сумме 66%), в том числе смысла «возможность сделать карьеру» (49%). Примерно так же выглядят сопряжённости между названными переменными в группе учащейся молодёжи. Высокая предрасположенность к индивидуализму («присущ в большой степени») коррелирует со смыслами образования на уровне средних показателей по выборке. Отрицание установок на индивидуализм, как и на коллективизм, практически поляризует студентов в их приверженности терминальным и инструментальным смыслам (47 и 53%, 50,0 и 50,0% соответственно); отрицание индивидуализма учащейся молодёжью связано с более заметным перевесом терминальных смыслов (54 и 46% соответственно), а отрицание коллективизма, как и у студентов вузов, скорее сопровождается стремлением к смысловой поляризации (48,0 и 52,0% соответственно).

Студенческая молодёжь является частью российской молодёжи, в полной мере обладая чертами своего поколения и разделяя разнообразные субкультурные смыслы, присущие этой особой социально-демографической группе в целом. Смыслы образования, обладающие чрезвычайной



актуальностью как для всей учащейся молодёжи, так и конкретно для студентов вузов, складываются под влиянием не только образовательной среды учебного заведения, но и более широкого социокультурного контекста, формирующего более-менее общие черты поколения. Рассмотрим, как изменяются представления студенческой молодёжи о смыслах образования в связи с тем, насколько её представители разделяют эти черты, тем самым выделив наиболее значимые особенности саморегуляции (табл. 3).

Таблица 3

Связь между субкультурными смыслами и смыслами образования в группах молодёжи, %

Характерные черты поколения	Наличие/выраженность характерной черты	Группы молодёжи	Смыслы образования	
			терминальные	инструментальные
Стремление самовыразиться, быть непохожим на других	характеризует в полной мере	студенты вузов	38	62
		учащаяся молодёжь	41	59
	совсем не характеризует	студенты вузов	70	30
		учащаяся молодёжь	38	62
Стремление к объединению со сверстниками. «Быть на связи»	характеризует в полной мере	студенты вузов	34	66
		учащаяся молодёжь	36	64
	совсем не характеризует	студенты вузов	46	54
		учащаяся молодёжь	47	53
Рост патриотических настроений	характеризует в полной мере	студенты вузов	39	61
		учащаяся молодёжь	38	62
	совсем не характеризует	студенты вузов	57	43
		учащаяся молодёжь	45	55
Противостояние «свои – чужие»	характеризует в полной мере	студенты вузов	28	72
		учащаяся молодёжь	35	65
	совсем не характеризует	студенты вузов	48	52
		учащаяся молодёжь	45	55
Самоощущение избранности, исключительности	характеризует в полной мере	студенты вузов	21	79
		учащаяся молодёжь	33	67
	совсем не характеризует	студенты вузов	41	59
		учащаяся молодёжь	37	63

Окончание таблицы 3

Характерные черты поколения	Наличие/выраженность характерной черты	Группы молодёжи	Смыслы образования	
			терминальные	инструментальные
Быть в центре внимания, эпатировать окружающих	характеризует в полной мере	студенты вузов	29	71
		учащаяся молодёжь	41	59
	совсем не характеризует	студенты вузов	48	52
		учащаяся молодёжь в целом	45	55
Протест против официоза, бунтарство	характеризует в полной мере	студенты вузов	30	70
		учащаяся молодёжь в целом	39	61
	совсем не характеризует	студенты вузов	36	64
		учащаяся молодёжь в целом	35	65
Бегство от действительности. Уход в себя. Создание собственного мира	характеризует в полной мере	студенты вузов	53	47
		учащаяся молодёжь	44	56
	совсем не характеризует	студенты вузов	26	74
		учащаяся молодёжь	31	69
Свобода без ограничений, в т. ч. сексуальная свобода	характеризует в полной мере	студенты вузов	41	59
		учащаяся молодёжь	41	59
	совсем не характеризует	студенты вузов	38	62
		учащаяся молодёжь	39	61

Как видно из таблицы 3, бóльшая часть выявляемых связей выстраивается в логике, при которой разделение субкультурных смыслов («характеризует в полной мере») и идентификация с ними сопряжены со значительным преобладанием инструментальных смыслов образования. Причём уровень инструментализации в группе студентов имеет тенденцию к более высоким значениям в сравнении с учащейся молодёжью. Наиболее выражены корреляции инструментальных значений образования у студентов в связи с «самоощущением избранности, исключительности» (79% у студентов против 67% у всех учащихся), «противостоянием “своих – чужих”» (72% против 65%), стремлением «быть в центре внимания, эпатировать окружающих» (71% против 59%), «протестом против официоза, бунтарством» (70% против 61%). Одинаково значимыми для инструментализации в обеих группах оказались связи с такими характеристиками, как «стремление к объединению со сверстниками,

«быть на связи» (66% у студентов вузов и 64% – у всех учащихся), «свобода без ограничений, в т. ч. сексуальная свобода» (по 59% в обеих группах) и «рост патриотических настроений» (61 и 62% соответственно).

Иная логика возникает в связи с «бегством от действительности, уходом в себя, созданием собственного мира», «стремлением самовыразиться, быть непохожим на других», а также в связи с характеристикой «рост патриотических настроений». Их отрицание в большей мере связано с восприятием образования как средства, а признание – с отношением к нему как к цели. Так, в связи с отрицанием эскапистских черт значения инструментальных смыслов образования в группе студентов достигли 74%, а терминальных – опустились до 26%, в то время как в группе учащихся при сохранении той же тенденции их значения составили 69 и 31% соответственно. В связи с отрицанием самовыражения и демонстрации своей уникальности как свойства поколения и субкультурного проявления терминальные смыслы образования у студентов существенно превышают инструментальные (70 и 40% соответственно) и значительно опережают аналогичный показатель в общем распределении по учащейся молодёжи (38%), склонной в данном случае к большей инструментализации (62% против 30%). Наконец, в связи с отказом признавать «рост патриотических настроений» поколенческой чертой 57% студентов придают образованию терминальный смысл и 43% – инструментальный. В общем массиве учащейся молодёжи отмечено обратное: среди отрицающих рост патриотизма сторонников понимания образования как средства на 10% больше, чем среди студентов (55% против 45%).

Обобщая полученные данные, можно заметить, что субкультурные смыслы как свойства поколения, содержащие в себе различного рода «активности» и элементы демонстративного поведения, в процессе саморегуляции имеют значимые связи с инструментальными смыслами образования и, напротив, в некоторых случаях отрицание их – с терминальными. Такого рода парадоксальные сочетания субкультурных характеристик и представлений об образовании говорят о внутренне противоречивом и парадоксальном характере смысловой саморегуляции не только в среде молодёжи в целом, но и в среде самой продвинутой её части – студенчества.

Парадоксальность смысловых представлений студенческой молодёжи об образовании проявилась и в корреляциях с признаками базовой культуры, разделяемыми или отвергаемыми респондентами (табл. 4).

Можно было бы ожидать прямую связь между приверженностью опрошенных студентов духовному типу культуры («духовность, стремление к добру, к внутренней красоте, к любви, к вере») и, как следствие, наделением образования терминальным смыслом. Однако, как показывают данные, не отождествление студентами себя с этим типом, а, напротив, его отрицание

Таблица 4

## Связь между базовыми типами культуры и смыслами образования в группах молодёжи

Базовые типы культуры	Принадлежность к типу культуры	Группы молодёжи	Смыслы образования	
			терминальные	инструментальные
Инновационная	характеризует в полной мере	студенты вузов	40	60
		учащаяся молодёжь	41	59
	совсем не характеризует	студенты вузов	70	30
		учащаяся молодёжь	44	56
Духовная	характеризует в полной мере	студенты вузов	40	60
		учащаяся молодёжь	43	57
	совсем не характеризует	студенты вузов	55	45
		учащаяся молодёжь	41	59
Физического развития	характеризует в полной мере	студенты вузов	36	64
		учащаяся молодёжь	44	56
	совсем не характеризует	студенты вузов	42	58
		учащаяся молодёжь	34	66
Гедонистическая	характеризует в полной мере	студенты вузов	37	63
		учащаяся молодёжь	42	58
	совсем не характеризует	студенты вузов	41	59
		учащаяся молодёжь	34	66
Адаптационная	характеризует в полной мере	студенты вузов	43	57
		учащаяся молодёжь	43	57
	совсем не характеризует	студенты вузов	46	54
		учащаяся молодёжь	47	53
Моральной аномии	характеризует в полной мере	студенты вузов	36	64
		учащаяся молодёжь	37	63
	совсем не характеризует	студенты вузов	46	54
		учащаяся молодёжь	43	57

сопряжено с перевесом терминальных смыслов образования (55,0%) над инструментальными (45%), тогда как разделение присущих этому типу культуры черт коррелирует в саморегуляции со смыслами образования на уровне средних значений по выборке. Сравнение с группой учащихся в целом показывает существенное отличие студенческой молодёжи по этому показателю.

Другим значимым отличием стало аналогичное проявление в студенческой среде регулятивного потенциала инновационного типа культуры. Как и в случае с духовным типом, отнюдь не признание и самоотождествление, а отрицание и дистанцирование от его признаков сопряжено с взлётом терминальных смыслов образования на фоне падения инструментальных (70% против 30%). Для понимания процессов саморегуляции полученные данные означают как минимум подтверждение нелинейных связей разных элементов механизма саморегуляции со смысловым самоопределением разных групп учащейся молодёжи в сфере образования. Более углублённому анализу необходимо подвергнуть и само восприятие инновационности, что вновь возвращает нас к тезису о переосмыслении и переопределении молодёжью разных сторон реальности.

В студенческой среде и в среде учащихся в целом одинаково проявились сопряжённости смыслов образования с «адаптационным» типом культуры («необходимость экономить на всём, приспособиться к изменяющимся условиям») и культурой «моральной аномии» («отрицание моральных норм», «у каждого – своя мораль»), а также субкультурными смыслами («свобода без ограничений, в т. ч. сексуальная свобода» и «стремление к объединению со сверстниками, “быть на связи”»). Различия в корреляциях субкультурных смыслов как поколенческих свойств с соотношением терминальных/инструментальных смыслов в этих группах колеблются от 5 до 35%. Их анализ – самостоятельная исследовательская задача в рамках анализа социокультурной саморегуляции.

Механизм саморегуляции студенческой молодёжью взаимодействий, характера коммуникаций с другими участниками образовательного процесса включает в себя связь смыслов и степени оправдания ожиданий, удовлетворённости образованием. В этом случае представление о смыслах из производного от различных социокультурных условий превращается в значимый регулятор оценочных суждений. Корреляционные связи между смыслами образования и удовлетворённостью качеством знаний, получаемых по месту учёбы, показывают, что доли «полностью удовлетворённых» больше среди студенческой молодёжи, определяющей для себя смысл образования как «престиж» (67%), «общая культура» (55%), «развитие способностей» (46%), и меньше среди тех, для кого образование – «потребность в познании» (24%), «диплом» (29%) (табл. 5).



Таблица 5

Связь между смыслами образования и удовлетворённостью качеством знаний, получаемым по месту учёбы, %

Смыслы образования	Группы молодёжи	Удовлетворённость качеством знаний, получаемым по месту учёбы					Итого
		Полностью удовлетворены	Скорее удовлетворены	Скорее не удовлетворены	Не удовлетворены	Затруднились ответить	
Развитие способностей	студенты вузов	46	37	11	2	4	100,0
	учащаяся молодёжь	45	39	10	2	3	100,0
Диплом	студенты вузов	29	41	15	12	3	100,0
	учащаяся молодёжь	32	47	8	8	5	100,0
Потребность в познании	студенты вузов	24	52	9	5	10	100,0
	учащаяся молодёжь	30	50	10	2	8	100,0
Престиж	студенты вузов	67	33	0	0	0	100,0
	учащаяся молодёжь	60	400	0	0	0	100,0
Возможность сделать карьеру	студенты вузов	38	47	12	1	2	100,0
	учащаяся молодёжь	35	51	9	2	3	100,0
Общая культура	студенты вузов	55	36	9	0	0	100,0
	учащаяся молодёжь	50	42	6	0	0	100,0

Студенты, наделяющие образование инструментальным смыслом «диплом», выделяются своей критичностью в группе, среди них каждый десятый не удовлетворён качеством знаний, получаемых по месту учёбы, а в сумме с теми, кто «скорее не удовлетворён», доля составила 27%; среди учащейся молодёжи таких 16%. Следовательно, для значительной части опрошенных студентов смысл «диплом» – это не обязательно безразличие к образовательному процессу и наличие «корочек», полученных с минимальными усилиями, часто имитационными практиками и академическим мошенничеством, хотя исключать требовательность студентов, прибегающих к девиантным практикам, тоже нельзя. Мы вновь обращаемся к амбивалентности данного смысла: вероятно, для студента, родители которого имеют образование не выше среднего, диплом университета может стать целью, а не средством. Выявленная тенденция – основание для фокусирования последующих исследований на ожиданиях студенческой молодёжи от высшей школы в контексте саморегуляции её жизнедеятельности.

Таким образом, представления о смыслах образования – осознанный элемент саморегуляции образовательной жизнедеятельности учащейся

молодёжи и студентов вузов как особой группы в её составе. Смысловая саморегуляция в образовании является гибридной по своему типу, в её механизме – сочетание элементов современной и традиционной культур. Инструментализация отношения студенческой молодёжи к образованию в своих выраженных корреляциях с конкретными поколенческими чертами в полной мере отражает современный тренд, характерный для учащейся молодёжи в целом. В группе студентов вузов этот тренд значительно поддерживается семейным контекстом, связанным с образованием родителей.

Преобладание ориентаций на терминальные ценности знания в большей степени воспроизводит модель традиционной культуры в той её части, которая формировала отношение к образованию как высшей цели и добродетели. А неоднозначные связи с элементами базовой культуры – свидетельство противоречивого проявления традиционных социокультурных оснований саморегуляции в сфере образования.

Феномен гибридной смысловой саморегуляции образовательной жизнедеятельности студенческой молодёжи является результатом взаимопроникновения традиционных и современных образцов и по степени укоренённости, а также по широте охвата молодёжи, опережает другие более «чистые» и однозначные образцы [10; 8]. Гибридизация смысловых представлений – основание для детализации исследовательских задач в части анализа ожиданий студенческой молодёжи в сфере образования. Но размышления об особенностях смысловых представлений студенчества об образовании и социокультурных основаниях его саморегуляции не приведут к желаемому целостному пониманию этого механизма в отрыве от целенаправленной регуляции, реализуемой самим институтом. В связи с этим остаётся вопрос о соотношении смысловой саморегуляции с институциональной регуляцией высшей школы, который мы (в некотором приближении) рассмотрим ниже.

### **Институциональная регуляция высшей школы (вместо заключения)**

С 2003 по апрель 2022 г. процесс целенаправленного регулирования высшей школы определялся присоединением России к Болонскому процессу. Не ставя целью сколько-нибудь полный и глубокий анализ содержания и результатов модернизации системы высшего образования за этот период, подчеркнем её общее свойство: «реформирование высшего образования осуществляется непрерывно в условиях постоянной незавершённости каждого его этапа» [19, с. 77]. Названное свойство, отражая нелинейный характер развития высшего образования, не только ставило под сомнение достижение целей каждого этапа, но и усиливало состояние социальной неопределённости для основных участников образовательного процесса, тем самым расширяя условия для саморегуляции их жизнедеятельности.

Переход на уровневую модель (бакалавриат, специалитет, магистратура) с последующим включением аспирантуры в систему высшего образования, кредитная система оценки учебной нагрузки, продолжившаяся коммерциализация в сочетании с механизмами государственного регулирования, статусная дифференциация университетов, другие структурные и организационные изменения сопровождались деятельностью государства по стандартизации образования. Федеральные государственные образовательные стандарты третьего поколения от ФГОС ВПО до ФГОС ВО (3++) зафиксировали смещение оценки качества высшего образования с содержания на результат, определив усиление практикоориентированности как вектор развития высшего образования. Практикоориентированность высшего образования на данный момент операционализируется через формирование универсальных (общекультурных), общепрофессиональных и профессиональных компетенций, определение профессиональных компетенций на основе профессиональных стандартов или требований работодателей, привлечение к преподаванию практиков из числа руководителей и работников соответствующей профессиональной сферы (от 5 до 10% в зависимости от уровня и направления) и т. д. В свою очередь преподаватели – представители соответствующей профессиональной сферы обеспечивают практическую составляющую образовательного процесса как в аудитории, так и осуществляя руководство различными по типу практиками.

Актуальная деятельность государства, бизнеса, университетов по поиску баланса между структурой высшего образования и структурой занятости населения ведётся в направлении повышения практикоориентированности образовательных программ, особенно по техническим и естественно-научным направлениям [20]. Проблема баланса между структурой высшего образования и структурой занятости населения региона решается в рамках концепции «третьей миссии», реализуемой классическими и опорными университетами [20]. Усиление тренда на практикоориентированность образовательных программ высшего образования – это одновременно институциональная реакция на запрос работодателей, рынка труда и один из приоритетов модернизации в рассматриваемый период. Заметим, что практикоориентированность обучения, обусловленная компетентностным подходом, в условиях бакалавриата привела к парадоксальному результату. В ряде отраслевых университетов утеряно значительное количество часов на практику<sup>1</sup>. Однако данное направление реформирования высшего образования по-

<sup>1</sup> Гурьянов С. Дефицит знаний: какая система знаний нужна россиянам // Известия. 14.02.2022. URL: <https://iz.ru/1319627/sergei-gurianov/deficit-znani-kakaja-sistema-obrazovaniia-nuzhna-rossiianam> (дата обращения: 10.08.2022).

лучило однозначную поддержку студентов [21, с. 117]. Рост рационализма, прагматизма, расчётливости в молодёжной среде обеспечивает полное принятие практикоориентированных образовательных программ большинством студентов. Взаимодействия студентов друг с другом, с преподавателями, соотнесение жизненного опыта с изменяющейся социальной реальностью ведут к пониманию образования как инструмента повышения управляемости своей жизнью, а значит – повышения уровня социальной определённости. В этом контексте происходит осознание средств достижения целей для перехода на новый этап жизни. С другой стороны, инструментальное отношение к образованию «вносит свой вклад в поддержание несоответствия между подготовкой специалистов разного уровня квалификации, профилей и специализаций (сориентированной на запросы потребителей) и спросом рынка труда» [22, с. 35].

Смысловая саморегуляция жизнедеятельности студенческой молодёжи крайне чувствительна к изменениям институциональных условий высшей школы и в целом к переменам в социальной реальности. В проекте национально ориентированной модели высшего образования, который обсуждён на государственном уровне<sup>1</sup>, сохранены практикоориентированность и гибкость образовательных программ как совпавшие требования рынка труда и молодёжи. Это означает сохранение институциональной поддержки инструментального отношения студенческой молодёжи к образованию. Применительно к организации образовательного процесса возникший феномен ставит конкретные содержательные и методические задачи перед преподавателями, использование ими различных ресурсов по включению студентов в освоение необходимого объёма не только практических навыков и умений, но и фундаментальных знаний.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Глушко И. В. Культура доверия в саморегуляции поведения студенческой молодёжи // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 23, С. 43–47. URL: <https://e-koncept.ru/2017/770430.htm> (дата обращения: 16.02.2023).
2. Елисеева А. П., Платонова М. С. Особенности саморегуляции поведения и моральноэтической ответственности студенческой молодёжи // Учёные записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2020. № 8 (186). С. 353–357. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2020.8.p353-357. EDN **JGZHKV**.

---

<sup>1</sup> Агранович М. В Госдуме обсудили модель высшей школы России // Российская газета. 26.06.2022. URL: <https://rg.ru/2022/06/27/diplom-na-urovne.html?ysclid=l7stnydi3k362861888> (дата обращения: 10.08.2022).



3. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Смысловая саморегуляция отношения молодёжи к образованию // III Чтения памяти В. Т. Лисовского : Сборник научных трудов. (Москва, 18 декабря 2019 года) / Под ред. Т. К. Ростовской. М. : Экон-Информ, 2020. С. 87–91. ISBN 978-5-907233-36-2. EDN **SSFPEL**.
4. Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А. Саморегуляция молодёжи в сфере профессионального образования: особенности периода пандемии // V Чтения памяти В. Т. Лисовского : Материалы Чтений (Москва, 17 декабря 2021 года). М. : ФНИСЦ РАН, 2021. С. 5–12. DOI 10.19181/konf.978-5-89697-370-6.2021.1. EDN **VBTBJX**.
5. Ковалев В. В., Дятлов А. В. Студенческая молодёжь Крыма: саморегуляция жизненных выборов в сфере образования / В. В. Ковалев, А. В. Дятлов, В. А. Чигрин // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2020. Т. 6 (72), № 4. С. 30–40. EDN **XPHHHE**.
6. Кузьмин В. П., Каменева Т. Н. Счастье в саморегуляции жизнедеятельности и настроений студенческой молодёжи (на примере медицинского вуза) // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. Т. 11, № 2. С. 31. EDN **PDGFEN**. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/36SCSK220.pdf> (дата обращения: 16.02.2023).
7. Пилипенко А. Э., Пантелеев В. Г. Социальная активность студенческой молодёжи: опыт исследования смысловых представлений // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2021. № 3 (284). С. 84–97. DOI 10.53598/2410-3691-2021-3-284-84-97. EDN **PVFFIQ**.
8. Саморегуляция в молодёжной среде: типологизация и моделирование / Ю. А. Зубок, О. А. Александрова, М. Б. Буланова [и др.] ; ФНИСЦ РАН. Белгород : «Эпицентр», 2022. 360 с. ISBN 978-5-89697-382-9. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022. EDN **TENQIH**.
9. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Социальная регуляция в условиях неопределённости. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодёжи. М. : Academia, 2008. 272 с. ISBN 978-5-87444-300-9. EDN **XSNCSZ**.
10. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодёжь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. М. : Юридическое изд-во «Норма», 2020. 304 с. ISBN 978-5-00156-082-1. EDN **WLJWBA**.
11. Чупров В. И., Зубок Ю. А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, Н. А. Романович. М. : Норма, 2014. 352 с. ISBN 978-5-91768-444-4. EDN **XRTSUR**.
12. Малые города в социальном пространстве России / А. Ю. Ардалянова, П. В. Бизюков, Р. Г. Браславский [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2019. 545 с. URL: [https://www.isras.ru/files/File/publ/Malye\\_goroda\(final\)\\_2019.pdf](https://www.isras.ru/files/File/publ/Malye_goroda(final)_2019.pdf) (дата обращения: 16.02.2023). ISBN 978-5-89697-323-2. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019. EDN **YCUHFD**.
13. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Культурная жизнь и культурные практики молодёжи малых городов: особенности саморегуляции // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 3. С. 140–156. DOI 10.17805/zpu.2020.3.11. EDN **UTKKIW**.
14. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Смысловая саморегуляция жизнедеятельности молодёжи: гендерные различия в сфере труда / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров, О. В. Сорокин // Женщина в российском обществе. 2021. № 3. С. 38–59. DOI 10.21064/WinRS.2021.0.3. EDN **FKDNTA**.



15. Пелипенко А. А. Рождение смысла (на пути к смыслогенетической концепции культуры) // *Личность. Культура. Общество*. 2007. Т. 9, № 3 (37). С. 69–95. EDN **IJLIRB**.
16. Леонтьев Д. А. Смыслообразование и его контексты: жизнь, структура, культура, опыт // *Мир психологии*. 2014. № 1 (77). С. 104–117. EDN **SCXUZB**.
17. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира : очерки по феноменологической социологии / А. Шютц ; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с. ISBN 5-93947-012-2. EDN **QOBZSZ**.
18. Селиверстова Н. А., Солнышкина М. Г. Заочное обучение как образовательный тренд высшей школы // *Высшее образование в России*. 2021. Т. 30, № 3. С. 128–141. DOI 10.31992/0869-3617-2021-30-3-128-141. EDN **XPFVAO**.
19. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Существует ли система высшего образования в России? / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова, Е. А. Шуклина // *Социологические исследования*. 2017. № 11 (403). С. 76–86. DOI 10.7868/S0132162517110095. EDN **ZRQQPF**.
20. Кудряшова Е. В., Сорокин С. Э. Взаимодействие университетов со сферой производства как элемент реализации «третьей миссии» / Е. В. Кудряшова, С. Э. Сорокин, О. Д. Бугаенко // *Высшее образование в России*. 2020. Т. 29, № 5. С. 9–21. DOI 10.31992/0869-3617-2020-29-5-9-21. EDN **DUDGMU**.
21. Почестнев А. А. Структурно-функциональный подход к оценке качества реализации образовательных программ // *Высшее образование в России*. 2020. Т. 29, № 10. С. 114–124. DOI 10.31992/0869-3617-2020-29-10-114-124. EDN **QBTFFV**.
22. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодёжи : 50 лет исследования / Д. Л. Константиновский, М. А. Абрамова, Е. Д. Вознесенская [и др.]. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 232 с. ISBN 978-5-906001-05-4. EDN **TLEIQL**.

## Сведения об авторах

### Н. А. Селиверстова

доктор социологических наук, профессор

AuthorID РИНЦ: **432257**

### Ю. А. Зубок

доктор социологических наук, профессор

AuthorID РИНЦ: **74721**

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку статьи.

У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Статья поступила в редакцию 10.11.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2023; принята к публикации 20.02.2023.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2023.11.1.3

## IDEAS ABOUT THE MEANINGS OF EDUCATION AMONG STUDENTS: SOCIO-CULTURAL PECULIARITIES OF SELF-REGULATION

Nina Anatol'evna Seliverstova<sup>1</sup>

Yuliya Albertovna Zubok<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> Institute of Socio-Political Research (ISPR FCTAS RAS),  
Moscow, Russia,

<sup>1</sup> [nas0311@ya.ru](mailto:nas0311@ya.ru),

ORCID 0000-0001-9691-3020

<sup>2</sup> [uzubok@mail.ru](mailto:uzubok@mail.ru),

ORCID 0000-0002-3108-2614

**For citation:** Seliverstova N. A., Zubok Yu. A. Ideas about the meanings of education among students: socio-cultural peculiarities of self-regulation. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023; 11(1): 44–69. (in Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.1.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.3).

**Abstract.** The article reveals the correlation of terminal (development of abilities, need for knowledge, general culture) and instrumental (diploma, opportunity to make a career, prestige) meanings of education. It based on a comparative analysis of the ideas of higher education among students and other groups of young people in education. The methodological basis of the study is the concept of self-regulation of the life of young people. An analysis of the connections between the terminal and instrumental meanings of education and other elements of the socio-cultural mechanism of self-regulation of life activity (archetypes, mental traits, value orientations towards knowledge, habitual attitudes, subcultural meanings), belonging to the basic types of cultures made it possible to determine the trends in attitudes towards education of student and student youth. The tendency to instrumentalize the value attitude to the education of university students and young people in general is stable. It was revealed that the meanings of education correlate less significantly with archetypes and mentality. Subcultural meanings as properties of a generation, containing various kinds of “activities” and elements of demonstrative behavior, have significant connections with the instrumental meanings of education and, on the contrary, in some cases their denial – with the terminal ones. A similar paradoxical relationship between the terminal and instrumental meanings of the education of student youth is also recorded in correlations with the denial of belonging to the innovative and spiritual types of basic culture, which significantly distinguishes it from student youth. As sociocultural factors in the formation of ideas about the meanings of education of student youth, the type of settlement, the level of income, the level of education of parents are singled out. Ideas about the meanings of education of university students are considered in relation to the institutional regulation of higher education. It is concluded that the steady trend of instrumentalizing the attitude of student youth to education is consistent with such a direction of purposeful regulation of higher education as the practice orientation of educational programs. Education is understood as a means of increasing the manageability of one's life, which means increasing the level of social certainty.

**Keywords:** ideas about the meanings of education, student youth, higher education, self-regulation of life, socio-cultural mechanism of self-regulation of life, student youth

## REFERENCES

1. Glushko I. V. Culture of trust in self-regulation of student behavior [own]. *Scientific and-methodological electronic journal "Koncept"=Nauchno-metodicheskij e`lektronny`j zhurnal «Koncept»*. 2017; 23: 43–47. (In Russ.). Available at: <https://e-koncept.ru/2017/770430.htm> (accessed: 16.02.2023).
2. Eliseeva A. P., Platonova M. S. Features of self-determination of behavior and moral and ethical responsibility of students. *Scientific notes of the P. F. Lesgaft University=Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2020; 8(186): 353–357. (In Russ.). DOI 10.34835/issn.2308-1961.
3. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Semantic self-regulation of youth attitude to education. In: Rostovskaya T. K., ed. III Readings in memory of V. T. Lisovsky: coll. of scientific papers. Moscow: Èkon-Inform; 2020. P. 87–91. (In Russ.). ISBN 978-5-907233-36-2.
4. Zubok Yu. A., Seliverstova N. A. Self-regulation of youth in the field of vocational education: features of the pandemic period. In: V Readings in memory of V. T. Lisovsky: Proceedings of the Readings (Moscow, December 17, 2021). Moscow: FNISC RAN; 2021. P. 5–12. (In Russ.). DOI 10.19181/konf.978-5-89697-370-6.2021.1.
5. Kovalev V. V., Dyatlov A. V., Chigrin V. A. Student youth of Crimea: self-regulation of life choices in education. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology=Uchyony`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Sociologiya. Pedagogika. Psixologiya*. 2020; 6(4): 30–40. (In Russ.).
6. Kuzmin V. P., Kameneva T. N. Happiness in self-regulation of life activity and moods of students (on the example of a Medical University). *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies=Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul`turologiya*. 2020; 11(2): 31. (In Russ.). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/36SCSK220.pdf> (accessed: 16.02.2023).
7. Pilipenko A. E., Pantelev V. G. Social activity of students: experience in research of semantic ideas. *Bulletin of Adyge State University. Series "Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies"=Vestnik Ady`gejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Regionovedenie: filozofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul`turologiya»*. 2021; 284(3): 84–97. (In Russ.). DOI 10.53598/2410-3691-2021-3-284-84-97.
8. Zubok Yu. A., Alexandrova O. A., Bulanova M. B. [et al.] Self-regulation in the youth environment: typologization and modeling. Belgorod: Èpicentr; 2022. 360 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-382-9. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022.
9. Zubok Ju. A., Chuprov V. I. Social regulation in conditions of uncertainty. Theoretical and applied problems in youth research [own]. Moscow: Akademiya; 2008. 272 p. (In Russ.). ISBN 978-5-87444-300-9.
10. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Youth in the cultural space: self-regulation of vital activity. Moscow: Yuridicheskoe izd-vo Norma; 2020. 304 p. (In Russ.). ISBN 978-5-00156-082-1.
11. Chuprov V. I., Zubok Yu. A., Romanovich N. A. Attitude to social reality in Russian society: socio-cultural mechanism of formation and reproduction [own]. Moscow: Norma; 2014. 352 p. (In Russ.). ISBN 978-5-91768-444-4.
12. Ardalyanova A. Yu., Bizyukov P. V., Braslavsky R. G. [et al.] Small towns in the social space of the Russian Federation. Moscow: FNISC RAN; 2019. 545 p. (In Russ.). Available at: [https://www.isras.ru/files/File/publ/Malye\\_goroda\(final\)\\_2019.pdf](https://www.isras.ru/files/File/publ/Malye_goroda(final)_2019.pdf) (accessed: 16.02.2023).

13. Zubok Ju. A., Chuprov V. I. Cultural life and cultural practices of young people in small towns: features of self-regulation. *Knowledge. Understanding. Skill=Znanie. Ponimanie. Umenie* 2020; (3): 140–156. (In Russ.). DOI 10.17805/zpu.2020.3.11.
14. Zubok Yu. A., Chuprov V. I., Sorokin O. V. Meanings in self-regulation of young people's life: gender differences in the labor sphere. *Woman in Russian Society=Zhenshhiny` v rossijskom obshhestve*. 2021; (S): 38–59. (In Russ.). DOI 10.21064/WinRS.2021.0.3.
15. Pelipenko A. A. The arising of the meaning (on the to way meaning-genetic concept of culture). *Personality. Culture. Society=Lichnost`. Kul`tura. Obshhestvo*. 2007; 9(3): 69–95. (In Russ.).
16. Leontev D. A. Meaning making and its contexts: life, structure, culture, experience. *World of psychology=Mir Psihologii*. 2014; 77(1): 104–117. (In Russ.).
17. Schutz A. The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology [own]. Moscow: Institut Fonda "Obshhestvennoe mnenie"; 2003. 336 p. (In Russ.). ISBN 5-93947-012-2.
18. Seliverstova N. A., Solnyshkina M. G. Distance learning as an educational trend in higher education. *Vysshee obrazovanie v Rossii=Higher Education in Russia*. 2020; 30(3): 128–141. (In Russ.). DOI 10.31992/0869-3617-2021-30-3-128-141.
19. Zborovskiy G. E., Ambarova P. A., Shuklina E. A. Does a system of higher education exist in Russia? *Sociologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2017; (11): 76–86. (In Russ.). DOI 10.7868/S0132162517110095.
20. Kudryashova E. V., Sorokin S. E., Bugaenko O. D. University-industry interaction as an element of the university's "third mission". *Vysshee obrazovanie v Rossii=Higher Education in Russia*. 2020; 29(5): 9–21. (In Russ.). DOI 10.31992/0869-3617-2020-29-5-9-21.
21. Pochestnev A. A. Structural and functional approach to the assessment of the educational programs quality. *Vysshee obrazovanie v Rossii=Higher Education in Russia*. 2020; 29(10): 114–124. (In Russ.). DOI 10.31992/0869-3617-2020-29-10-114-124.
22. Konstantinovskiy D. L., Abramova M. A., Voznesenskaya E. D. [et al.] New meanings in educational strategies of youth: 50 years of research. Moscow: Centr social'nogo prognozirovaniya i marketing; 2015. 232 p. (In Russ.). ISBN 978-5-906001-05-4.

## Information about the Authors

### N. A. Seliverstova

Doctor of Sociology, Professor  
 ResearcherID: [AHC-6981-2022](#)

### Y. A. Zubok

Doctor of Sociology, Professor  
 ResearcherId: [H-7357-2016](#)  
 Scopus AuthorID: [6506822869](#)

The authors contributed equally to this article.  
 The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 10.11.2022; approved after reviewing 08.02.2023; accepted for publication 20.02.2023.





УДК 316.34  
DOI: [10.19181/snsp.2023.11.1.4](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.4)  
EDN: [URTMVB](https://edn.ru/URTMVB)

Научная статья

## ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР И СЛЕДСТВИЕ СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ

**Ирина Николаевна Воробьева**

Череповецкий государственный университет,  
Череповец, Россия,  
[Vorobyova-i-n@yandex.ru](mailto:Vorobyova-i-n@yandex.ru),  
ORCID [0000-0001-5970-051X](https://orcid.org/0000-0001-5970-051X)

**Для цитирования:** Воробьева И. Н. Территориальная идентичность населения как фактор и следствие социального участия // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 1. С. 70–85. DOI [10.19181/snsp.2023.11.1.4](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.4). EDN [URTMVB](https://edn.ru/URTMVB).

**Аннотация.** Основная цель статьи: показать взаимосвязь уровня территориальной идентичности населения и развитости практик социального участия. Теоретико-методологической основой работы стали труды зарубежных учёных Т. Банини, Р. Капелло, У. Панзера, которые доказывают выраженную деятельностную позицию населения с высоким уровнем территориальной идентичности, и концепция «права на город» Х. Лефебра, представленная в российских реалиях в работах И. А. Скалабан, Е. С. Кочуховой, В. С. Мартьянова, Е. А. Терентьева. Основная гипотеза исследования: население с высоким уровнем территориальной идентичности заявляет своё «право на город» через практики социального участия, которые проявляются более всего в сфере планирования городского пространства, включении в практики соучаствующего управления; в свою очередь, через практики социального участия на локальном уровне укрепляется территориальная идентичность, формируется привязанность к месту проживания. Метод сбора информации: массовый опрос населения города Череповца Вологодской области по квотной репрезентативной выборке населения старше 18 лет в соответствии с половозрастной структурой города. По результатам эмпирического исследования было доказано, что у населения с более высоким уровнем территориальной идентичности существенно шире представлены практики неформального участия, особенно связанные с преобразованием городского пространства. Наиболее явно выражены практики помогающего поведения, больше распространена включённость в деятельность общественных городских организаций. На основании использования дисперсионного анализа было доказано, что группы населения с разным уровнем выраженности практик социального участия статистически отличаются по уровню территориальной идентичности.

**Ключевые слова:** территориальная идентичность, право на город, социальное участие, помогающее поведение, неформальное участие, солидарность, территориальный капитал

© Воробьева И. Н., 2023



## Введение

Территориальная идентичность является важным нематериальным активом поселения, фактором его развития. Наиболее актуален вопрос её изучения в малых и средних городах России, в сельской местности. Закрепление молодёжи на территории проживания является одной из приоритетных задач молодёжной политики большинства регионов России. Важным фактором формирования территориальной идентичности, привязанности к региону проживания, на наш взгляд, является активная политика привлечения населения к практикам социального участия, особенно локального уровня. Принимая активное участие в преобразовании территории, в её благоустройстве, население заявляет так называемое «право на город», на территорию проживания, эмоционально к ней привязываясь.

Для выявления уровня территориальной идентичности используется авторская методика его измерения. Уровень социального участия измеряется через вовлечённость населения в практики формального социального участия, неформального социального участия и помогающего поведения.

## Теоретические подходы к исследованию территориальной идентичности

Территориальная идентичность как теоретическая категория получила своё распространение во многих науках. Наиболее разработана эта категория в рамках социально-психологического подхода, культурологического, географического, экономического, маркетингового; имеет множество синонимов, таких как городская идентичность, региональная идентичность, идентичность места. Особенности и специфика применения и использования каждой достаточно детально приведены в обзорных статьях как зарубежных [1; 2; 3], так и отечественных авторов [4; 5; 6].

При изучении территориальной идентичности, применяются два подхода: территориальная идентичность населения как привязанность к региону и территориальная идентичность как образ и основные смыслы данной территории. Одно из самых широких, на наш взгляд, определений территориальной идентичности, в котором заложены оба подхода, приводит Т. Банини: «территориальная идентичность – сложное понятие, включающее множество аспектов: чувство принадлежности и социальные практики, историческую память, специфику местной политики, представление территории, её бренд, тенденции развития, обусловленные социальными практиками людей, которые живут и действуют на данной территории» [7, с. 13].

Не отрицая важности измерения обеих сторон данной категории, мы в своём исследовании будем рассматривать только категорию территориальной идентичности населения, которой соответствует определение К. Е. Тумаковой: «состояние соотношения личности с регионом, региональным сообществом и определенными социальными группами, вызывающее желание и потребность участвовать в региональных взаимодействиях, связывать свое настоящее и будущее с развитием данного региона» [8, с. 70–71].

При изучении территориальной идентичности, авторы, как правило, выделяют четыре компонента: когнитивный, ценностный, эмоциональный, поведенческий (деятельностный, регулятивный) [9; 10]. Когнитивный включает в себя изучение образов поселения, наиболее часто ассоциируемых с территорией, географические, исторические, архитектурные объекты [11; 12; 13; 14]. Ценностный компонент подразумевает установки и ориентиры населения, обусловленные географическим местом проживания, исторической памятью, культурным наследием. Эмоциональный компонент представляет собой психологическую привязанность к территории проживания [15; 16]. Поведенческий компонент включает расположенность к действиям на определённой территории [17; 18].

Наряду с категорией территориальной идентичности получила распространение категория территориального капитала, то есть совокупность материальных и нематериальных активов территории, культурное наследие, специфика региона, особенности населения, их социальная солидарность, эмоциональная связь населения друг с другом и с территорией проживания [19]. Р. Каманьи, Р. Капелло, С. Черисола, Э. Панзера доказывают, что чувство места, территориальная идентичность, социальная сплочённость и общность дают весомый экономический эффект для региона и являются нематериальным активом его развития. Привязанность к месту способствует продуктивности сообщества через практики коллективного поведения, а наличие множественной идентичности делает территорию более изменчивой, ориентированной на будущее [20]. Построение общей территориальной идентичности способствует созданию социального капитала, который является фундаментальным ресурсом для устойчивого развития территорий [21].

Территориальная идентичность как включение населения в практики по преобразованию территории имеет и важный рациональный компонент, который заключается в знании территории, её проблем и возможностей [22]. Города можно превратить в точки роста только предоставив им самим решать проблемы и строить программы городского развития с учётом их специфики, которую лучше представляет вовлечённое в жизнь города население [23].

Ценность места проживания, принятие социально-территориальной общности как своей формирует готовность к социальному участию в развитии региона [24]. Концепция увязки поведенческих практик и территориальной идентичности, на наш взгляд, достаточно полно раскрывается в категории «право на город», которая подразумевает возможность и доступ к городским ресурсам и инфраструктуре всех горожан [22]. Идея «права на город» была выдвинута А. Лефевром, а основной последователь данной концепции, Д. Харви, призывает наиболее слабое с точки зрения наличия административных и экономических ресурсов большинство использовать своё «право на город» – право на преобразование места жительства в соответствии с собственными потребностями [24]. Детально данная категория раскрыта и в трудах отечественных учёных. Город становится местом самореализации индивидов, население с высоким уровнем территориальной идентичности берёт на себя ответственность за место проживания, за его территориальное благоустройство, через совместное решение проблем горожан и властей выражает свои запросы на городское пространство [25; 26; 27].

Но существует и обратная взаимосвязь: участие в разных формах активности, связанных с локальной территорией, формирует привязанность к территории. Соучаствующие практики с целью учёта мнения горожан при преобразовании городского пространства под их потребности, с одной стороны, формируют комфортную городскую среду, с другой стороны, способствуют закреплению горожан на данной территории [28]. Отражается эта идея и в трудах зарубежных авторов, которые доказывают, что в результате деятельности в проектах по реновации культурного наследия с участием местных сообществ возникает синергетический эффект, который способствует развитию уровня территориальной идентичности, чувству места, гражданской активности и гражданской ответственности. То есть через «активацию» культурного наследия при участии местных сообществ происходит усиление территориальной идентичности [29; 15].

Таким образом, на основании анализа работ отечественных и зарубежных авторов можно выделить явную взаимосвязь территориальной идентичности и социального участия. В силу неоднозначности и многоаспектности данных категорий, требуется выделить наиболее общепринятые к ним подходы. Под территориальной идентичностью населения мы будем понимать эмоциональную привязанность к месту проживания, желание связывать свои жизненные стратегии с данной территорией и стремление вступать в социальное взаимодействие для её улучшения. Под социальным участием будем понимать совокупность повседневных социальных практик, направленных на удовлетворение общественного интереса, совместное решение проблем, которые

реализуются как в формальном участии в общественных организациях, так и в неформальной коллективной деятельности и помогающем поведении.

Взаимосвязь выглядит следующим образом: население с высоким уровнем территориальной идентичности активно использует практики социального участия с целью заявить своё «право» на место проживания, подстроить его под свои потребности, жизненные стратегии, стиль жизни. Для этого наиболее активные слои населения, деятельностные ресурсы развития территории активно участвуют в общественных организациях, связанных с разработкой решений по инфраструктуре пространства территории, сами принимают участие в благоустройстве, соучаствующем управлении. Принимая решения в преобразовании городского пространства, создавая «правила» организации совместных повседневных практик на данной территории, по сути, организуя социальное пространство территории, население привязывается к ней и не только заявляет на неё свое «право», но и начинает считать «своей».

### Эмпирическая база и методика анализа данных

Для измерения уровня территориальной идентичности населения использована авторская методика, в которую были заложены три базовых индикатора: «рекомендую территорию для проживания», «стремлюсь делать её лучше», «хочу, чтобы на ней остались мои дети, внуки». Они измерялись следующими вопросами: «Порекомендовали бы вы своим знакомым из другого города переехать жить в Череповец?», «Можете ли Вы про себя сказать: "я стремлюсь сделать лучше город, в котором живу"»?», «Вы бы хотели, чтобы Ваши дети, внуки остались жить в Череповце?».

Для определения уровня территориальной идентичности каждого респондента рассчитывался общий индекс по трём частным индексам по каждому из вопросов. Для этого вариантам ответов присваивались следующие шкальные значения: «Да» – 5; «Скорее да» – 4; «Затрудняюсь ответить» – 3; «Скорее нет» – 2; «Нет» – 1. Все респонденты на основании индекса были распределены на пять гомогенных групп. «Очень низкий уровень» территориальной идентичности, индекс варьирует в интервале от «1» до «1,99»; «низкий уровень», индекс варьирует от «2» до «2,66»; «средний уровень» – «2,66» до «3,33», «высокий уровень» – от «3,34» до «4», «очень высокий уровень» – от «4,1» до «5». Данная методика позволяет разбить всех респондентов на группы и показать наполненность каждой из них. Но самое главное преимущество этой методики – возможность исследовать взаимосвязь уровня территориальной идентичности с рядом других переменных.

Эмпирической базой исследования стали данные опроса населения города Череповца Вологодской области, который был проведён в апреле 2022 г. кафедрой социологии и социальных технологий Череповецкого

государственного университета. Репрезентативность выборки обеспечивалась квотированием по половозрастным признакам в соответствии с существующей структурой населения города старше 18 лет. Объём выборки – 668 человек. Опрос осуществлялся интервьюированием респондентов по месту жительства. Техническая обработка информации была произведена в программе SPSS, версия 22 (статистический пакет для социальных наук). Для интерпретации данных использовались методы нахождения связей переменных, дисперсионный анализ.

## Результаты исследования

Приведём результаты измерения уровня территориальной идентичности в зависимости от возраста. Практически по всем вопросам сумма позитивных ответов равняется сумме негативных. 46% жителей города рекомендовали бы своим знакомым переехать в Череповец, 47% говорят, что «стремятся сделать город лучше», но только 38% хотели бы, чтобы их дети и внуки жили в Череповце. Заметна существенная дифференциация оценок в зависимости от возраста. Значительно ниже остальной части населения оценки наиболее миграционно настроенной части горожан – молодежи. Только 25% в возрасте 18–24 года рекомендовали бы своим знакомым переехать в Череповец, 18% хотели бы, чтобы их дети остались в нём жить. Выше уровень стремления сделать город лучше – 38%. Наиболее позитивно относится к городу население предпенсионного и пенсионного возрастов.

В соответствии с авторской методикой выявления уровня территориальной идентичности, получено следующее распределение: среди всего населения от 18 лет и старше 13% с очень высоким и очень низким уровнем, 20–21% с низким и высоким, 33% со средним (см. табл. 1).

Таблица 1  
Уровень территориальной идентичности в зависимости от возраста, %

Уровень территориальной идентичности	Возраст						В целом по массиву
	18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	65 лет и старше	
Очень низкий	30	16	13	13	8	5	<b>13</b>
Низкий	36	25	20	18	16	6	<b>20</b>
Средний	25	30	38	35	30	36	<b>33</b>
Высокий	7	20	20	19	24	31	<b>21</b>
Очень высокий	3	9	11	14	22	23	<b>13</b>



Сильно выражены возрастные особенности: среди молодежи в возрасте 18–24 года 66% имеют низкий и очень низкий уровень территориальной идентичности, только 3% обладают очень высоким и 7% высоким уровнем. Наоборот, старшее поколение показывает очень высокий уровень.

Как видим, существует значительная дифференциация отношения к городу респондентов из разных возрастных групп. Наиболее негативно относится к городу молодёжь, особенно в возрасте 18–24 года, наиболее позитивно относятся жители в возрасте 65 лет и старше. Уровень участия молодёжи в силу их общей высокой активности может быть достаточно высоким, в то время как старшее поколение в силу возрастных ограничений может быть менее активно, даже имея высокие к этому установки. Именно поэтому, чтобы показать взаимное влияние территориальной идентичности и развитости практик социального участия, мы исключили из анализа наиболее неоднородные по отношению к остальным группы населения до 24 лет и старше 55 лет. Для «сжатия» данных, приведём распределение только среди наиболее негативно и наиболее позитивно настроенных групп населения по критериям территориальной идентичности.

Существует зависимость между развитостью практик социального участия и уровнем территориальной идентичности. Только 19% населения в возрасте 25–55 лет с очень низким уровнем территориальной идентичности являются членами общественных организаций, тогда как среди респондентов с высоким уровнем таких 44%, они в большей степени задействованы в профсоюзах, родительских комитетах, в организациях физкультуры и здорового образа жизни (см. табл. 2).

Среди практик неформального участия значимые отличия выявлены у населения с высоким и низким уровнем территориальной идентичности по степени участия в практиках общественных работ по месту жительства (доля участвующих составляет 31% среди респондентов с высоким уровнем и только 12% с низким), в благотворительных акциях, массовых городских мероприятиях. Помогающее поведение по интенсивности больше всего реализуется по следующим практикам: помощь вещами и продуктами (61% у населения с высоким уровнем территориальной идентичности и 28% у населения с низким уровнем территориальной идентичности), помощь в поисках работы (29 и 10% соответственно); помощь в уходе за престарелыми (20 и 7%); доставка на дом продуктов, одежды, медикаментов (18 и 5%) (см. табл. 3).

Для выявления связи между уровнем участия и территориальной идентичности, все респонденты были сгруппированы в зависимости от интенсивности используемых практик социального участия. Уровень участия приведён по крайним группам – среди тех, у кого данных прак-

Таблица 2  
Участие в общественных организациях респондентов с высоким и низким уровнем территориальной идентичности, %

Организации	Уровень территориальной идентичности		Респонденты в возрасте 25–54 года
	Очень низкий	Очень высокий	
Профсоюзы	5	17	<b>12</b>
Родительские комитеты (в школе, детском саду и т. п.)	5	10	<b>7</b>
Физкультуры и здорового образа жизни	3	8	<b>4</b>
Профессиональные, предпринимательские организации и ассоциации	2	8	<b>4</b>
Какие-либо группы, которые встречаются только в Интернете	3	4	<b>3</b>
Творческие, по интересам	3	0	<b>3</b>
Благотворительные	2	6	<b>3</b>
Молодёжные, студенческие	5	4	<b>3</b>
Культурной направленности	3	2	<b>3</b>
Ветеранские	2	6	<b>3</b>
Общественные организации в сфере территориального, домового самоуправления или ЖКХ	2	4	<b>3</b>
Досугово-развлекательной направленности	3	4	<b>2</b>
Общественно-политические объединения, политические партии	3	6	<b>2</b>
Женские	2	4	<b>2</b>
Команда Череповца, Мой Череповец	0	6	<b>1</b>
Группы, которых в общей выборке менее 1%	9	19	<b>7</b>
Нигде не состоят, ни в чём не участвуют	81	56	<b>70</b>

тик вообще не было за последнее время и среди тех, кто имел наибольшее количество практик (см. табл. 4). Анализ показывает существенные отличия уровня территориальной идентичности у населения с разным количеством практик помогающего поведения, неформальной помощи и членства в общественных организациях. Среди тех, кто не состоит ни в одной организации, только 27% имеют высокий и очень высокий уровень территориальной идентичности, тогда как среди тех, кто состоит

Таблица 3

Практики помогающего поведения респондентов с очень высоким и очень низким уровнем территориальной идентичности, %

Типы помогающего поведения	Уровень территориальной идентичности		Респонденты в возрасте 25-54 года
	Очень низкий	Очень высокий	
Вещами, продуктами	28	61	46
Деньгами	30	43	42
В домашних делах	30	33	31
Транспортом	20	29	23
Вызывать врача	20	20	21
Присматривать за чужими детьми	18	31	20
В поисках работы	10	29	15
Доставлять на дом продукты, одежду, медикаменты	5	18	13
В уходе за престарелыми/больными	7	20	9
Быть донором	5	14	8
В повышении компьютерной грамотности (освоение новых программ, онлайн-сервисов и т. п.)	10	6	7
Осваивать школьные программы дистанционного обучения	7	8	6
Помогать в решении вопросов с официальными учреждениями	3	16	6

Таблица 4

Уровень территориальной идентичности в зависимости от развитости практик социального участия, %

Уровень территориальной идентичности	Формальное участие, состоят в организациях		Неформальное участие, количество практик		Помогающее поведение, количество практик		Респонденты в возрасте 25-55 лет
	ни в одной	в двух и более	ни одной практики	три и более практик	ни одной	пять и более практик	
Очень низкий	16	8	15	9	18	10	<b>14</b>
Низкий	23	17	25	16	25	17	<b>22</b>
Средний	34	25	34	27	33	36	<b>35</b>
Высокий	18	25	17	27	14	21	<b>18</b>
Очень высокий	9	25	9	20	9	17	<b>11</b>

в двух организациях и более – уже 50%. Не менее показательно и неформальное участие. Среди населения, которое не имело ни одной практики участия, 26% имеют высокий уровень территориальной идентичности, а среди тех, у кого было три практики и более – 47%. Меньше разрыв уровня территориальной идентичности среди населения с разным количеством практик помогающего поведения.

Так как уровень территориальной идентичности выражен количественной величиной, то представляется возможным проведение дисперсионного анализа сравнения индекса территориальной идентичности у групп с разным уровнем развитости практик формального, неформального участия и помогающего поведения (см. табл. 5). Уровень значимости меньше 0,05, это доказывает, что все группы статистически значимо отличаются по индексу территориальной идентичности.

Таблица 5

*Результаты дисперсионного анализа индекса территориальной идентичности в разных группах населения по включённости в практики социального участия*

Виды участия	Дисперсия	Средний квадрат	F- критерий	Значимость
Формальное участие	Между группами	4,306	4,613	0,01
	Внутри групп	0,933	–	–
Неформальное участие	Между группами	3,28	3,519	0,015
	Внутри групп	0,932	–	–
Помогающее поведение	Между группами	3,207	3,439	0,017
	Внутри групп	0,933	–	–

Приведём зависимость количества практик и среднего индекса территориальной идентичности. Среди тех, кто не состоит ни в одной организации, индекс территориальной идентичности, который измеряется в пределах от 1 до 5, составил 2,84, среди тех, кто состоит хотя бы в одной формальной организации – 3,16 и среди тех, кто состоит в двух и более организациях – 3,26.

Среди тех, у кого за последние два года не было ни одной практики неформального участия, средний индекс территориальной идентичности составил 2,84, среди тех, у кого была одна практика участия – 2,9, у кого две практики – 3,15, у кого три практики и более – 3,24. Меньше

дифференцирован уровень по помогающему поведению. У респондентов, не имеющих за последние год-два практик помогающего поведения, индекс составил 2,74, у имевших одна-две практики – 2,85, три-четыре практики – 3,0, пять и более – 3,14.

## Заключение

Территориальная идентичность населения и социальное участие являются взаимообусловленными социальными феноменами. Анализ теоретических подходов к взаимосвязи данных явлений и результатов эмпирических исследований показывает, что население с высоким уровнем территориальной идентичности через практики социального участия, особенно соучаствующего управления, стремится повлиять на условия совместного проживания. Это проявляется в участии в формальных организациях, которые могут влиять на решения муниципальной власти по созданию территориальной инфраструктуры, улучшению и строительству социальных и культурных объектов. Через соучаствующее управление население заявляет своё право на территорию, подстраивает её под свои потребности. Практики неформального участия проявляются в благоустройстве территории, в принятии решений, касающихся непосредственного проживания: двора, дома, подъезда. Они стремятся создать благоприятные добрососедские отношения не только в ближайшем, но и более отдалённом окружении, что выражается в расширенных практиках помогающего поведения.

Активно участвуя в создании правил социального пространства городской среды, население не только предъявляет свои условия, но и привязывается к данной территории, тем самым усиливает свою территориальную идентичность. Именно поэтому привлечение к практикам социального участия на локальном уровне, особенно среди молодёжи, может быть фактором формирования территориальной идентичности и, следовательно, необходимо это учитывать в молодёжной политике в целях удержания молодого поколения в родном регионе.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Paasi A.* Region and place: Regional Identity in Question // *Progress in Human Geography*. 2003. Vol. 27, № 4. P. 475–485. DOI 10.1191/0309132503ph439pr.
2. *Capello R.* Interpreting and Understanding Territorial Identity // *Regional Science Policy and Practice*. 2019. Vol. 11, № 1. P. 141–158. DOI 10.1111/rsp3.12166.
3. *Sebastien L.* The Power of Place in Understanding Place Attachments and Meanings // *Geoforum*. 2020. № 108. P. 204–216. DOI 10.1016/j.geoforum.2019.11.001.



4. Костко Н. А. Показатели городской идентичности как элемента социального пространства города // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25, № 1. С. 190–216. DOI 10.31119/jssa.2022.25.1.7. EDN **IIPICI**.
5. Левочкина Н. А. Региональная идентичность: понятие и сущность // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 1-3. С. 446–453. EDN **VMBOUV**.
6. Озерина А. А. Городская идентичность как социально-психологический феномен // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2016. № 4 (34). С. 135–139. DOI 10.15688/jvolsu7.2016.4.15. EDN **XSBWQJ**.
7. Vanini T. Towards a Methodology for Constructing Local Territorial Identities // Territorial identities in action / O-R. Povan (ed.). Cluj-Napoca : Presa Universitara Clujeana, 2021. P. 13–39. ISBN 978-606-37-1135-0.
8. Тумакова К. Е. Региональная идентичность и брендинг как социально-управленческий ресурс // Власть. 2010. № 3. С. 70–73. EDN **LALWZP**.
9. Авилов Г. М., Кранзеева Е. А. Региональная идентичность молодежи и проблема формирования имиджа региона / Г. М. Авилов, Е. А. Кранзеева, Л. С. Яницкий // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 1 (33). С. 110–119. EDN **XJADWB**.
10. Оплетина И. А., Белоусова Н. А. Выраженность компонентов гражданской идентичности у жителей разных регионов России // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 6 (86). С. 89–93. DOI 10.24158/spp.2021.6.14. EDN **PLVAEP**.
11. Богатова О. А., Долгаева Е. И. Город в теории и на практике: факторы формирования социальной идентичности столицы республики в составе Российской Федерации // Регионология. 2022. Т. 30, № 2 (119). С. 447–469. DOI 10.15507/2413-1407.119.030.202202.447-469. EDN **AIVIGF**.
12. Власов Т. А., Обухов К. Н. В поисках «ижевского мифа»: символическое пространство города как ресурс развития территорий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. № 24 (4). С. 196–220. DOI 10.31119/jssa.2021.24.4.8. EDN **BZZKMA**.
13. Вандышев М. Н., Веселкова Н. В. Места памяти и символический капитал территорий в ментальных картах города / М. Н. Вандышев, Н. В. Веселкова, Е. В. Прямыкова // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16, № 3. С. 101–111. EDN **RODCET**.
14. Paasi A., Harrison J. Handbook on the Geographies of Regions and Territories / A. Paasi, J. Harrison, M. Jones. Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2018. 544 p. ISBN 978-1-78536-579-9.
15. Panzera E., Camagni R. The Cultural Heritage – Territorial Capital nexus: theory and empirics / E. Panzera, R. Camagni, R. Capello, S. Cerisola // Supplementi. 2020. № 11. P. 33–59. DOI 10.13138/2039-2362/2547.
16. Шахбанова М. М., Гамзаев Г. Ш. Городская идентичность: индикаторы воспроизводства (на примере Дагестана) / М. М. Шахбанова, Г. Ш. Гамзаев, Р. М. Умаханов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 2. С. 236–241. DOI 10.22394/2079-1690-2020-1-2-236-241. EDN **TDNUQX**.
17. Kuus M. Ubiquitous identities and elusive subjects: puzzles from Central Europe // Transactions of the Institute of British Geographers. 2007. Vol. 32, № 1. P. 90–101. DOI 10.1111/j.1475-5661.2007.00244.x.
18. Prokkola E., Zimmerbauer K. Performance of regional identity in the implementation of European cross-border initiatives / E. Prokkola,

- К. Zimmerbauer, F. Jakola // *European Urban and Regional Studies*. 2015. № 22 (1). P. 104–117. DOI 10.1177/0969776412465629.
19. *Camagni R.* Territorial capital and regional development: theoretical insights and appropriate policies // *Handbook of regional growth and development theories – revised and extended second edition*. Cheltenham : Elgar Publishing Limited, 2019. P. 124–148. ISBN 978-1-78897-001-3.
20. *Basile G., Cavallo A.* Rural Identity, Authenticity, and Sustainability in Italian Inner Areas // *Sustainability*. 2020. № 12 (3). P. 1–21. DOI 10.3390/su12031272.
21. *Bianchetti C., Cerruti M.* Territory matters. Production and space in Europe // *City territory and architecture*. 2016. № 3 (26). P. 1–6. DOI 10.1186/s40410-016-0055-8.
22. *Кочухова Е. С., Мартьянов В. С.* Креативный город или право на город: альтернативы урбанистического развития в российском контексте // *Антиномии*. 2019. Т. 19, № 2. С. 45–66. DOI 10.17506/aip.2019.19.2.4566. EDN **VDBLZF**.
23. *Скалабан И. А., Серебрянникова О. А.* Территориальная идентичность как фактор социального участия: поколенный контекст // *Идеи и идеалы*. 2014. Т. 2, № 1 (19). С. 65–74. EDN **SMFSPL**.
24. *Харви Д.* Право на город // *Логос*. 2008. № 3 (66). С. 80–94. EDN **TJIFKX**.
25. *Белусов А. Б., Давыдов Д. А.* От права на город к праву на пространство. Динамика муниципальных конфликтов на примере Свердловской области // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 6. С. 362–385. DOI 10.14515/monitoring.2021.6.2052. EDN **FGVLBZ**.
26. *Вершинина И. А.* Анри Лефевр: от «права на город» к «урбанистической революции» // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2018. Т. 24, № 2. С. 48–60. DOI 10.24290/1029-3736-2018-24-2-48-60. EDN **AVMWTU**.
27. *Терентьев Е. А.* Топонимический активизм и «право на город»: социологические заметки // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2015. № 1 (29). С. 194–202. DOI 10.17223/1998863X/29/21. EDN **TMWIGH**.
28. *Печеркина И. Ф., Кошкина А. А.* Территориальная идентичность в социальном пространстве / И. Ф. Печеркина, А. А. Кошкина, Р. Р. Хузахметов // *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 2021. Т. 7, № 4 (28). С. 85–101. DOI 10.21684/2411-7897-2021-7-4-85-101. EDN **NTFDBD**.
29. *Banini T., Ilovan O.-R.* Introduction: Dealing with Territorial/Place Identity Representations // *Representing Place/Territorial Identity in Europe. Discourses, Images, and Practices*. Cham : Springer, 2021. P. 1–19. DOI 10.1007/978-3-030-66766-5\_1.

## Сведения об авторе

### И. Н. Воробьева

кандидат социологических наук, доцент

AuthorID РИНЦ: **290982**

Статья поступила в редакцию 17.12.2022; одобрена после рецензирования 12.01.2023; принята к публикации 19.02.2023.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2023.11.1.4

## TERRITORIAL IDENTITY OF THE POPULATION AS A FACTOR AND CONSEQUENCE OF SOCIAL PARTICIPATION

**Irina Nikolaevna Vorobeva**

Cherepovets State University,  
Cherepovets, Russia,

*Vorobyova-i-n@yandex.ru*

ORCID 0000-0001-5970-051X

**For citation:** Vorobeva I. N. Territorial identity of the population as a factor and consequence of social participation. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023; 11(1): 70–85. (in Russ.). DOI 10.19181/snsp.2023.11.1.4.

**Abstract.** The main objective of the article is to demonstrate the correlation between the level of territorial identity of the population and the development of social participation practices. The theory and methodology of the study is based on the works of foreign scientists T. Banini, R. Capello, U. Panzer, who prove the pronounced active position of the population with a high level of territorial identity, and on the concept of “the right to the city” by H. Lefebvre, presented in Russian realities in the works by I.A. Skalaban, E.S. Kochukhova, V.S. Martyanova, E. A. Terentyeva. The main hypothesis of the study: the population with a high level of territorial identity declares its “right to the city” through the practices of social participation, that are manifested mostly in the field of urban space planning, inclusion in the practices of participatory management. In turn, practices of social participation at the local level strengthen territorial identity and boost formation of the attachment to the place of residence. Information collection method: mass survey of the population of the city of Cherepovets, Vologda Region, based on a quota sampling of the population over 18 years old according to the gender and age structure of the city. According to the results of an empirical study, it was proved that the population with a higher level of territorial identity has a significantly greater presence of informal participation practices, especially those related to the transformation of urban space. The practices of helping behaviour are most clearly expressed and the involvement in the activities of public city organisations is more common. It was proved with the help of dispersion analysis that population groups with different levels of social participation practices statistically differ in terms of the level of territorial identity.

**Keywords:** territorial identity, right to the city, social participation, helping behaviour, informal participation, solidarity, territorial capital

### REFERENCES

1. Paasi A. Region and place: regional identity in question. *Progress in Human Geography*. 2003; 27(4): 475–485. DOI 10.1191/0309132503ph439pr.
2. Capello R. Interpreting and understanding territorial identity. *Regional Science Policy and Practice*. 2019; 11(1): 141–158. DOI 10.1111/rsp3.12166.
3. Sebastien L. The power of place in understanding place attachments and meanings. *Geoforum*. 2020; (108): 204–216. DOI 10.1016/j.geoforum.2019.11.001.

4. Kostko N. A. Indicators of urban identity as an element of the social space of the city. *ZHurnal sociologii i social'noj antropologii=Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2022; 25(1): 190–216. (In Russ.). DOI 10.31119/jssa.2022.25.1.7.
5. Levochkina N. A. Regional identity: concept and essence. *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij=International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2016; 1(3): 446–453. (In Russ.).
6. Ozerina A. A. Urban identity as a socio-psychological phenomenon. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sociologiya i social'nye tekhnologii=Bulletin of the Volgograd State University. Series 7. Philosophy. Sociology and social technologies*. 2016; 4(34): 135–139. (In Russ.). DOI 10.15688/jvolsu7.2016.4.15.
7. Banini T. Towards a methodology for constructing local territorial identities. In: *Territorial identities in action*. Presa Universitara Clujeana; 2021. P. 13–39. ISBN 978-606-37-1135-0.
8. Tumakova K. E. Regional identity and branding as a social management resource. *Vlast'=Power*. 2010; (3): 70–73. (In Russ.).
9. Avilov G. M., Kranzeeva E. A., Yanitckij L. S. Regional identity of youth and the problem of forming the image of the region. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom=Vocational education in Russia and abroad*. 2019; 1(33): 110–119. (In Russ.).
10. Opletina I. A., Belousova N. A. The severity of the components of civil identity among residents of different regions of Russia. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika=Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2021; (6): 89–93. (In Russ.). DOI 10.24158/spp.2021.6.14.
11. Bogatova O. A., Dolgaeva E. I. City in theory and practice: factors in the formation of the social identity of the capital of the republic as part of the Russian Federation. *Regionologiya=Regionology*. 2022; 30(2): 447–469. (In Russ.). DOI 10.15507/2413-1407.119.030.202202.447-469.
12. Vlasova T. A., Obuhov K. N. In search of the “Izhevsk myth”: the symbolic space of the city as a resource for the development of territories. *ZHurnal sociologii i social'noj antropologii=Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2021; 24(4): 196–220. (In Russ.). DOI 10.31119/jssa.2021.24.4.8.
13. Vandyshchev M. N., Veselkova N. V., Pryamikova E. V. Places of memory and symbolic capital of territories in the mental maps of the city. *ZHurnal sociologii i social'noj antropologii=Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2013; 16(3): 101–111.
14. Paasi A., Harrison J., Jones M. Handbook on the geographies of regions and territories. Cheltenham: Edward Elgar Publishing; 2018. 544 p. ISBN 978-1-78536-579-9.
15. Panzera E., Camagni R., Capello R., Cerisola S. The cultural heritage – territorial capital nexus: theory and empirics. *Supplementi*. 2020; (11): 33–59. DOI 10.13138/2039-2362/2547.
16. Shahbanova M. M., Gamzaeva G. SH., Umahanov R. M. Urban identity: indicators of reproduction (on the example of Dagestan) State and municipal administration. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski=State and municipal management. Scientific notes*. 2020; (2): 236–241. (In Russ.). DOI 10.22394/2079-1690-2020-1-2-236-241.
17. Kuus M. Ubiquitous identities and elusive subjects: puzzles from Central Europe. *Transactions of the Institute of British Geographers*. 2007; 32(1): 90–101.



18. Prokkola E., Zimmerbauer K., Jakola F. Performance of regional identity in the implementation of European cross-border initiatives. *European Urban and Regional Studies*. 2015; (22): 104–117.
19. Camagni R. Territorial capital and regional development: theoretical insights and appropriate policies. In: *Handbook of Regional Growth and Development Theories – Revised and extended second edition*. Cheltenham: Elgar Publishing Limited; 2019. P. 124–148.
20. Basile G., Cavallo A. Rural Identity, Authenticity, and Sustainability in Italian Inner Areas. *Sustainability*. 2020; (12): 1–22. DOI 10.3390/su12031272.
21. Bianchetti C., Cerruti M. Territory matters. Production and space in Europe. *City Territory and Architecture*. 2016; 2(26): 1–6. DOI 10.1186/s40410-016-0055-8.
22. Kochuhova E. S., Mart'yanov V. S. Creative city or the right to the city: alternatives for urban development in the Russian context. *Antinomii=Antinomies*. 2019; 19(2): 45–66. (In Russ.). DOI 10.17506/aip.2019.19.2.4566.
23. Skalaban I. A., Serebryannikova O. A. Territorial identity as a factor of social participation: generational context. *Idei i ideally=Ideas and ideals*. 2014; 1(19): 65–74. (In Russ.).
24. Harvi D. The right to the city. *Logos = Logos*. 2008; (3): 80–94. (In Russ.).
25. Belousov A. B., Davydov D. A. From the right to the city to the right to space. Dynamics of municipal conflicts on the example of the Sverdlovsk region. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny=Public opinion monitoring: economic and social changes*. 2021; (6): 362–385. (In Russ.). DOI 10.14515/monitoring.2021.6.2052.
26. Vershinina I. A. Henri Lefebvre: from the “right to the city” to the “urban revolution”. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya=Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and political science*. 2018; 24(2): 48–60. (In Russ.). DOI 10.24290/1029-3736-2018-24-2-48-60.
27. Terent'ev E. A. Toponymic activism and the “right to the city”: sociological notes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya=Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*. 2015; (1): 194–202. (In Russ.). DOI 10.17223/1998863X/29/21.
28. Pecherkina I. F., Koshkina A. A., Huzyahmetov R. R. Territorial identity in the social space. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya=Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*. 2021; 4(28): 85–101. (In Russ.). DOI 10.21684/2411-7897-2021-7-4-85-101.
29. Banini T., Ilovan O.-R. Introduction: dealing with territorial/place identity representations. In: *Representing Place/Territorial Identity in Europe. Discourses, Images, and Practices*. Cham: Springer; 2021. P. 1–19. DOI 10.1007/978-3-030-66766-5\_1.

## Information about the Author

### I. N. Vorobeva

Candidate of Sociology,

Associate Professor

ResearcherID: [AAX-4496-2021](https://orcid.org/0009-0001-9200-4496)

The article was submitted 17.12.2022; approved after reviewing 12.01.2023; accepted for publication 19.02.2023.





## О МЕРАХ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ)

**Наиль Рафаилович Хамидуллин**

Оренбургский государственный университет,

Оренбург, Россия

[hamidullin\\_n@mail.ru](mailto:hamidullin_n@mail.ru)

ORCID [0000-0003-1271-0942](https://orcid.org/0000-0003-1271-0942)

**Для цитирования:** Хамидуллин Н. Р. О мерах социальной поддержки многодетных семей (на примере Оренбургской области) // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 1. С. 86–103. DOI [10.19181/snsp.2023.11.1.5](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.5). EDN DRIMCY.

**Аннотация.** Актуальность исследования определяется логикой развития постсоветской России и особой значимостью поиска оптимальных методов и способов реализации социальной политики. Основная цель статьи – анализ мер социальной поддержки многодетных семей на региональном уровне. В основе исследования лежат сравнительно-функциональный, институциональный и системный методы, позволяющие охарактеризовать и определить значимость мер социальной поддержки семьям после рождения третьего ребенка. Комплексное применение этих методов даёт возможность понять функционально-динамические особенности мер социальной поддержки многодетных семей на региональном и местном уровнях.

Основные результаты исследования дали возможность сделать вывод о том, что социальная политика является одним из приоритетных направлений в деятельности российского государства. Выявлено, что многодетные семьи занимают важное место в решении проблем демографии, так как суммарный коэффициент рождаемости во многом определяется рождением второго и последующих детей в российских семьях. Показано, что на региональном уровне проводится активная работа по реализации льготного законодательства Российской Федерации для оказания социальной поддержки многодетным семьям. В то же время возможности регионов и местного самоуправления достаточно сильно разнятся. Установлено, что реализация социальной политики Министерством социального развития Оренбургской области осуществляется на основании эффективного использования финансовых возможностей федерального и областного бюджетов в соответствии со взятыми обязательствами и реальными возможностями их исполнения. Основная социальная проблема – снижение уровня рождаемости по причине вспышки коронавирусной инфекции.

Анализ информации, проведённый в процессе исследования, свидетельствует о том, что востребована существенная финансовая поддержка со стороны федерального уровня. Обоснована необходимость разработки и законодательного утверждения дополнительных мер социальной поддержки для многодетных семей как на федеральном, так и на региональном уровнях, а также расширения использования возможностей бизнеса, социального партнёрства, общественных формирований.

**Ключевые слова:** социальная политика, многодетные семьи, демография, социальная поддержка, рождаемость, дети

## Тенденции социальной поддержки многодетных семей в начале XXI в.

Многодетные семьи играют важную роль в решении проблем демографии в стране. На сегодняшний день в обществе прослеживается тенденция естественной убыли постоянного населения. Одной из причин является снижение численности родившихся непосредственно в субъектах Российской Федерации. Например, с 2020 по 2021 гг. она составила 613 тыс. 439 человек<sup>1</sup>. Если рассматривать данную проблему с точки зрения количества родов, приходящихся на одну женщину в 2019 г., то суммарный коэффициент рождаемости составит примерно 1,5. Это уровень многих европейских стран. Для решения демографической проблемы в нашей стране указанного показателя недостаточно<sup>2</sup>. По предварительной оценке, он должен составлять примерно два, то есть полноценная семья воспитывает двоих детей. Но всегда ли это возможно? Семьи, имеющие одного ребёнка – реальность не только российского, но и всего общества в целом. Вследствие этого, суммарный коэффициент рождаемости во многом определяется рождением второго и последующих детей в российских семьях.

Много ли многодетных семей в России? Число семейных ячеек, воспитывающих трёх и более несовершеннолетних детей, включая усыновлённых, а также находящихся под опекой, составляет примерно 10% (19,7 тыс.). Сравнительный анализ в процентном соотношении к общему числу рождаемости свидетельствует о том, что в современной России примерно 20% детей рождаются в многодетных семьях<sup>3</sup>. Следовательно, доля семей с тремя и более детьми – это существенный показатель, но, не умаляя значимости вклада многодетных семей в общий коэффициент рождаемости, он не разрешает проблему демографии на сегодняшний день, поэтому необходим комплексный подход. Первостепенно важными задачами должны быть такие, как создание условий для здорового образа жизни; обеспечение качества медицинских услуг женщинам в период беременности и родов; социальная поддержка семей, имеющих детей;

<sup>1</sup> Общий прирост постоянного населения : URL: <https://showdata.gks.ru/report/278934/> (дата обращения: 29.12.2022).

<sup>2</sup> Путин В. В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2020. 15 янв. (№ 16).

<sup>3</sup> Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия // Бюллетень Счетной палаты РФ. 2021. № 12 (289). С. 5–71. URL: <https://www.sptulobl.ru/law/Bulleten-12-2021.pdf> (дата обращения: 29.12.2022).

улучшение социального положения детей; снижение материнской и младенческой смертности и другое <sup>1</sup>.

Качество жизни в контексте социологического осмысления имеет объективно выраженный положительный эффект на здоровье и социальное поведение граждан [1, с. 171–175]. Каждая семья обладает естественным правом на счастливую жизнь. По мнению голландского исследователя Р. Винховена, основателя Всемирной базы данных счастья, понятие «счастья» синонимично таким определениям, как «качество жизни» и «благополучие» [2, с. 379–391]. Вполне понятно, что социальных, экономических и иных проблем на сегодняшний день достаточно много. Помимо этого, неблагоприятная эпидемиологическая ситуация из-за вспышки коронавирусной инфекции не способствует планированию и увеличению числа детей в семьях. Об этом свидетельствует заявление вице-премьера Татьяны Голиковой о том, что распространение пандемии коронавируса повлияло на смертность в России и осложнило демографическую ситуацию <sup>2</sup>. Анализ данных Росстата свидетельствует о том, что население России сократилось в 2019 г. на 32 тыс. 130 человек, а в 2020 г. более чем на 577 тыс. человек, что говорит о высокой убыли населения в нашей стране, которая выросла на 17,9% <sup>3</sup>. Распространение COVID–19 стало основной причиной избыточной смертности.

Общество как объект социологического знания и продукт разумной деятельности человека является сложной динамической саморегулирующейся системой [3, с. 27–33]. Многое зависит от согласованности действий органов публичной власти, эффективности государственной социальной политики. Важно обеспечить социальные гарантии, направленные на защиту материнства и поддержку семей в современной России.

Начало XXI в. связано с преобразованием системы социальной защиты населения. Наблюдается лавинообразный процесс совершенствования и принятия новых нормативно-правовых актов, формируются концептуальные подходы как на федеральном, так и региональном уровнях, которые определяют право граждан на социальные гарантии со стороны государства. Оно же в этот период столкнулось с серьезными финансово-экономическими проблемами глобального характера [4, с. 16]. Значительно увеличилось количество лиц, нуждающихся в предоставлении мер социальной поддержки со стороны государства. В то же время развитие мирового сообщества сопряжено с процессами глобализации,

---

<sup>1</sup> Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ № 1351 // Собрание законодательства РФ. 2007. 15 октября.

<sup>2</sup> Брифинг Татьяны Голиковой // Правительство России : [сайт]. URL: <http://services.government.ru/subscribe/> (дата обращения: 30.12.2022).

<sup>3</sup> Общий прирост постоянного населения : URL: <https://showdata.gks.ru/report/278934/> (дата обращения: 30.12.2022).

которые оказывают негативные воздействия на правовую составляющую жизни человечества [5, с. 36]. Глобальный мир представляется как мир универсальных ценностей прав человека. Изменение образа жизни у многих людей зачастую способствует разрушению пределов бытия, порождает либо позитивные, либо негативные качества [6, с. 28; 7, с. 18]. Семья является более устойчивым системным образованием, жизнестойким перед лицом различных кризисов и стрессов. Обеспечение ребёнка правовыми гарантиями, ограждение от духовного и физического насилия – обязанность государства [8; 9].

Социально-экономическая ситуация объективно определяет масштабы и направления деятельности системы социальной защиты, которая вынуждена наращивать объёмы мер социальной поддержки для нуждающихся граждан. Выявляется степень нуждаемости, оказывается адресная социальная помощь с акцентом как на пожилых людях, инвалидах, так и многодетных семьях как наиболее уязвимых слоёв населения. В результате формируется лично-ориентированная система социальной поддержки. На региональном уровне проводится активная работа по реализации льготного законодательства Российской Федерации для оказания социальной поддержки многодетным семьям: «О мерах по социальной поддержке многодетных семей»<sup>1</sup>, «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей»<sup>2</sup>, «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей»<sup>3</sup> и других. Реализуется комплексная социальная поддержка многодетных семей на основе межведомственного взаимодействия и социального партнёрства. Например, постановлением Правительства Оренбургской области «Об утверждении плана мероприятий Правительства Оренбургской области по реализации Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ в 2010 году» в план были внесены мероприятия по поддержке многодетных семей, включая введение регионального материнского капитала и предоставления земельных участков<sup>4</sup>. Важно отметить, что многодетные семьи получают больше всего ресурсов из региональных бюджетов [10, с. 192]. Повсеместно складываются предпосылки для перехода от оказания экстренной помощи на плановое решение социальных проблем многодетных

<sup>1</sup> О мерах по социальной поддержке многодетных семей: Указ Президента РФ № 431 // Российские вести. 1992. 11 мая.

<sup>2</sup> О государственных пособиях гражданам, имеющим детей: Федеральный Закон № 81-ФЗ // Российская газета. 1995. 24 мая (№ 99).

<sup>3</sup> О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей: Федеральный Закон № 418-ФЗ // Российская газета. 2017. 31 дек. (№ 297).

<sup>4</sup> Об утверждении плана мероприятий Правительства Оренбургской области по реализации Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ в 2010 году: постановление Правительства Оренбургской области № 92-п // Архив документов Оренбургской области. URL: <https://orenb-gov.ru/doc/25005> (дата обращения: 01.11.2021).



семей. Возрастает эффективность государственной поддержки, качество предоставляемых социальных услуг и степень реализации собственных возможностей членов многодетных семей.

Одним из средств реализации социальной поддержки является своевременное принятие целевых программ в пределах полномочий субъектов Российской Федерации. Следует отметить, что это важный компонент в решении социальных проблем, так как любая целевая программа предполагает сроки исполнения и подвержена установленному контролю. Кроме того, на основании Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» происходит разделение полномочий по осуществлению мер социальной поддержки между региональными органами власти и местного самоуправления муниципальных районов, которое должно было, прежде всего, способствовать самостоятельному планированию и расходованию средств на поддержку нуждающихся граждан<sup>1</sup>. Однако возможности регионов достаточно сильно разнятся. Неоднородность региональных экономик и неравномерность развития есть не что иное как отражение их дифференциации [11; 12; 13]. Об этом свидетельствует сравнительный анализ отдельных регионов Приволжского федерального округа по значению валового регионального продукта на душу населения. Например, в Кировской области – 260,3 тыс. руб., Пензенской области – 302,3 тыс. руб., Нижегородской области – 424,1 тыс. руб., Самарской области – 473,8 тыс. руб., Оренбургской области – 507,8 тыс. руб., Республике Татарстан – 633,7 тыс. рублей<sup>2</sup>. В большинстве случаев востребован дополнительный источник финансирования. Неслучайно Президент РФ в Послании Федеральному Собранию отметил: «...вы знаете, к каким проблемам приводит разрыв между государственными и муниципальными уровнями власти. Предусмотренные законодательством общие для всех граждан права, возможности и гарантии в разных регионах и муниципалитетах обеспечиваются по-разному. Это несправедливо по отношению к человеку и несёт прямую угрозу нашему обществу и целостности страны»<sup>3</sup>.

Таким образом, федеральный уровень определяет основания оказания социальной поддержки многодетным семьям, способствует её реализации, формирует систему исполнения и контроля. В свою очередь

---

<sup>1</sup> Об общих принципах организации местного самоуправления в России: Федеральный Закон № 131-ФЗ // Российская газета. 2003. 8 окт. (№ 202).

<sup>2</sup> Список субъектов России по валовому продукту на душу населения // Википедия : [сайт]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Список\\_субъектов\\_Российской\\_Федерации\\_по\\_валовому\\_продукту\\_на\\_душу\\_населения](https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_субъектов_Российской_Федерации_по_валовому_продукту_на_душу_населения) (дата обращения: 05.06.2021).

<sup>3</sup> Путин В. В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2020. 15 янв. (№ 16).



региональный уровень ставит перед собой сложные задачи, включая значительную часть их финансового сопровождения, в основе которых выбор приоритетных направлений деятельности в интересах многодетных семей. Разделение полномочий между региональными органами власти и местного самоуправления муниципальных районов, с одной стороны, способствует самостоятельному планированию и расходованию средств на поддержку многодетных семей. С другой стороны, нет равенства в реализации мер социальной поддержки из-за недостаточности и разницы финансирования регионов.

### Меры социальной поддержки многодетных семей в Оренбургской области

Социальная политика Министерства социального развития Оренбургской области направлена на решение проблем демографии, развитие потенциала семьи, обеспечение их жизнедеятельности, реализацию законных интересов и их потребностей, повышение эффективности мер социальной поддержки многодетных семей и другое [14, с. 97–103].

Правительством Оренбургской области и Министерством социального развития реализуется концепция демографической политики области на период до 2025 г.<sup>1</sup> Осуществляется плановое совершенствование системы социальной поддержки, активно используются общественные инновации, различные формы социального партнёрства, включая инициативы бизнес-элиты и другое, что предполагает рациональное использование бюджетных средств. Главное при принятии решения – не ухудшить положение людей. Социальные практики реализуются в конкретных формах функционирования общественных институтов (семья, система образования, коммерческие и некоммерческие организации, структуры публичной власти и т. д.) [15, с. 25]. Вовлекаясь в коллективную работу, дети учатся общаться, выражать свою точку зрения, слышать мнение других и др. [16, с. 85].

Меры социальной поддержки при рождении третьего или последующих детей<sup>2</sup>:

1. Компенсация расходов на оплату коммунальных услуг. Предполагает снижение установленного тарифа на 30% от фактических расходов по оплате за коммунальные услуги и на вывоз твердых коммунальных отходов 100%.

<sup>1</sup> Концепция демографической политики Оренбургской области // Оренбургская область : [сайт]. 7 марта 2023. URL: <https://orenburg-gov.ru/activity/829/> (дата обращения: 01.11.2021).

<sup>2</sup> Меры социальной поддержки в случае рождения третьего или последующих детей // Министерство социального развития Оренбургской области : [сайт]. URL: <https://msr.orb.ru/activity/1913/> (дата обращения: 25.11.2021).

2. В рамках территориальной программы государственных гарантий оказывается бесплатная медицинская помощь по месту жительства детям в возрасте до 6 лет, производится бесплатная выдача лекарственных препаратов по рецептам врачей. Нельзя забывать о том, что тревожные состояния инвертируют ценность здоровья в болезни и проявляются в постоянном переживании [17, с. 90–100].
3. Для обучающихся общеобразовательных учреждений осуществляется компенсация стоимости проездных билетов на городской транспорт.
4. Управлением образования по месту жительства установлен приём детей из многодетных семей в дошкольные образовательные учреждения вне установленной очереди.
5. Многодетные семьи в установленном порядке обладают возможностью один раз в месяц бесплатно посещать государственные учреждения культуры и искусства, находящиеся на территории Оренбургской области <sup>1</sup>.
6. По распоряжению Губернатора Оренбургской области малообеспеченным семьям, в которых есть учащиеся 1–9 классов общеобразовательных учреждений, предусмотрено снижение стоимости комплекта школьной одежды <sup>2</sup>.
7. Многодетным семьям предоставляется возможность улучшения жилищных условий, то есть приобретения или строительства жилья. Это вид социальной выплаты, для которой необходимо быть зарегистрированным на территории Оренбургской области, а также состоять на учёте в улучшении жилищных условий.
8. Предоставление земельного участка в собственность или единовременная денежная компенсация в размере 300 тыс. рублей производится в установленном порядке. Членам многодетной семьи необходимо иметь российское гражданство, проживать в Оренбургской области не менее 10 лет и не иметь в собственности земельных участков в границах территории области. Кроме того, для получения денежной компенсации необходимо выполнение следующих условий:
  - первое, состоять на учёте на получение земельного участка;
  - второе, нуждаться в улучшении жилищных условий <sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> О мерах социальной поддержки многодетных семей: закон Оренбургской области № 1756/284-III-ОЗ // Южный Урал. 2005. 4 фев. (№ 26).

<sup>2</sup> Об обеспечении школьной одеждой учащихся 1–9 классов общеобразовательных учреждений: распоряжение Губернатора Оренбургской области № 92-р // Архив документов Оренбургской области. URL: <https://orenb-gov.ru/doc/65179> (дата обращения: 12.04.2021).

<sup>3</sup> О бесплатном предоставлении на территории Оренбургской области земельных участков гражданам, имеющим трех и более детей: Закон Оренбургской области № 413/90-V-ОЗ // Оренбуржье. 2011. 18 окт. (№ 163).

9. Предоставляется ежемесячная денежная выплата при рождении третьего ребёнка или последующих детей до достижения возраста трёх лет <sup>1</sup>.
10. Социальная льгота на отмену транспортного налога предоставляется одному из родителей. При наличии нескольких транспортных средств рассматривается только одно транспортное средство с наиболее мощным двигателем <sup>2</sup>.
11. Мера поддержки в виде получения регионального материнского капитала. Это вид социальной выплаты, для которой необходима регистрация на территории Оренбургской области. Производится выдача сертификата, средствами которого можно воспользоваться частично или в полном объёме на цели, установленные законодательством области <sup>3</sup>. Важно отметить, что суммарный коэффициент рождаемости с третьим и последующим рождением значительно вырос после введения на региональном уровне материнского капитала [18, с. 44, 45].
12. Производится единовременная выплата за счёт средств регионального материнского капитала лицам, владеющим сертификатом <sup>4</sup>.

Многодетные семьи проинформированы о распространяемых на них мерах социальной поддержки, которыми могут успешно воспользоваться семьи, имеющие на содержании и воспитании трёх и более детей в возрасте до 18 лет. Состав семьи включает как своих детей, так и усыновленных, и находящихся под опекой (попечительством). Необходимая информация размещается в Единой государственной информационной системе социального обеспечения Оренбургской области <sup>5</sup>. Качество предоставляемых мер социальной поддержки многодетным семьям определяется установленным порядком их реализации. Государственное казенное учреждение Оренбургской области «Центр социальной поддержки населения» ежеквартально составляет отчёты о мерах социальной поддержки, которые предоставляются в Министерство социального развития Оренбургской области для их последующего контроля <sup>6</sup>.

<sup>1</sup> О ежемесячной денежной выплате в случае рождения третьего ребенка или последующих детей: Закон Оренбургской области № 1078/317-V-ОЗ // Оренбуржье. 2012. 15 ноября (№ 186).

<sup>2</sup> О транспортном налоге: Закон Оренбургской области № 322/66-III-ОЗ // Южный Урал. 2002. 30 ноября (№ 231).

<sup>3</sup> О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей, на территории Оренбургской области: Закон Оренбургской области № 249/39-V-ОЗ // Оренбуржье. 2011. 5 июля. (№ 100).

<sup>4</sup> Об утверждении порядка осуществления единовременной выплаты за счет средств регионального материнского капитала: Постановление Правительства Оренбургской области № 765-п // Оренбуржье. 2012. 13 сен. (№ 149).

<sup>5</sup> О мерах социальной поддержки многодетных семей: Закон Оренбургской области № 1756/284-III-ОЗ // Южный Урал. 2005. 4 фев. (№ 26).

<sup>6</sup> О порядке реализации мер социальной поддержки многодетных семей: постановление Правительства Оренбургской области № 79-п // Министерство социального развития Оренбургской области : [сайт]. URL: [https://msr.orb.ru/upload/uf/fbf/N-79-ot-26\\_02\\_2007.pdf](https://msr.orb.ru/upload/uf/fbf/N-79-ot-26_02_2007.pdf) (дата обращения: 29.12.2022).

Следует признать, что, с одной стороны, меры социальной поддержки при рождении третьего или последующих детей предусмотрены. С другой стороны, возникает вопрос: достаточны ли они для решения жилищной проблемы? По всей видимости, единовременной денежной компенсации в размере 300 тыс. рублей, а также средств материнского капитала будет недостаточно. Данную проблему возможно решить только в том случае, если строительство жилья или его приобретение осуществить за пределами крупного населённого пункта или города, например, в черте сельской местности. Но будет ли это справедливо по отношению к многодетным семьям? Для этой категории востребована не однокомнатная квартира, а как минимум трёх- и более комнатная квартира, стоимость которой составляет несколько миллионов рублей.

Проблемы нестабильности в ряде сфер жизни нашего общества являются своего рода барьерами в процессе принятия решений в вопросах планирования семьи и увеличения её численности. Например, женщина, имеющая троих детей и более, в процессе трудоустройства и предлагаемого собеседования, имеет меньше шансов, чем женщина, не имеющая детей или имеющая на воспитании одного (двух) детей. В отдельных случаях работодатель может отказать в возможности трудоустройства, сославшись на то, что как специалист она не соответствует тем или иным требованиям. При этом наличие большой семьи как причины для отказа она, скорее всего, не услышит.

Важно отметить, что проблемы демографии – это, прежде всего, государственная задача, а значит родители, воспитывающие детей в многодетных семьях, – непосредственные исполнители этой миссии. Органы государственной власти должны создать все необходимые условия для плодотворного развития института семьи и бережного отношения к духовно-нравственным традициям семейных отношений. Например, создание условий для укрепления репродуктивного здоровья родителей; дальнейшее развитие системы материальной и финансовой поддержки рождаемости; обеспечение на законодательном уровне; предоставление дополнительных выходных дней, отпусков для решения семейных проблем и другое, включая процесс надлежащего воспитания и образования подрастающих детей.

Таким образом, социальная политика является приоритетным направлением в деятельности Правительства Оренбургской области и Министерства социального развития. Проблемы демографии, материнства, детства, многодетных семей всесторонне рассматриваются, принимаются рациональные решения, изыскиваются необходимые средства и ресурсы для их реализации в долгосрочной перспективе. Вместе с тем, региональный уровень испытывает трудности в реализации мер социальной



поддержки многодетным семьям, востребована существенная финансовая поддержка со стороны федерального уровня. Необходимо как на федеральном, так и региональном уровнях разработать и законодательно утвердить дополнительные меры социальной поддержки.

### Основные итоги реализации мер социальной поддержки многодетных семей в регионе

Реализация социальной политики Министерства социального развития Оренбургской области осуществлялась на основании эффективного использования финансовых возможностей федерального и областного бюджета, в соответствии со взятыми обязательствами и реальными возможностями их исполнения, что позволило обеспечить полноту и своевременность мер социальной поддержки многодетных семей.

На заседании коллегии Министерства социального развития Оренбургской области (февраль 2021 г.) по итогам работы системы социальной защиты населения в 2020 году было отмечено, что финансирование деятельности осуществлялось за счёт средств федерального бюджета – 7545,9 млн рублей, средств областного бюджета – 9236,8 млн рублей и собственных доходов подведомственных учреждений – 475,9 млн рублей. Общая сумма расходов составила 17 258,6 млн рублей. В сравнении с 2019 годом произошло увеличение финансирования на 33,1%. Весомым результатом послужило увеличение суммы выделяемых средств из областного бюджета на 4,1%.

Однако соотношение уровня рождаемости в области остаётся нерешённой проблемой на сегодняшний день. В сравнительном анализе с прошлым годом динамика рождаемости на 1000 человек населения в области выглядит следующим образом: 2019 год – 10,0 и 2020 год – 9,6 человек.

Вместе с тем следует отметить, что целенаправленная социальная политика в отношении многодетных семей позволила увеличить их численность до 28,7 тыс. семей. В сравнении с 2019 годом произошло увеличение на 2,86%. Этому способствовало заметное повышение финансирования в 2020 году на 7,9% по сравнению с 2019 годом за счёт средств всех источников. Положительным является то, что за последние 10 лет произошло увеличение численности многодетных семей в два раза.

Кроме того, в рамках национального проекта Демография, 13,1 тыс. семей с тремя и более детьми получили ежемесячную денежную выплату в случае рождения третьего ребёнка или последующих детей до достижения возраста трёх лет на общую сумму 870598,5 тыс. рублей, что на 199891,4 тыс. рублей больше уровня 2019 года.



Многодетные семьи получили адресную помощь на условиях заключения социального контракта на общую сумму 29 488 тыс. рублей, а также оказаны дополнительные меры социальной поддержки семей в виде выплаты регионального материнского капитала на общую сумму 222 946,2 тыс. рублей.

Значительно вырос объём расходов на предоставление единовременной денежной выплаты гражданам, имеющим трёх и более детей, для улучшения жилищных условий взамен предоставления земельного участка в собственность бесплатно, который составил 74 900 тыс. рублей, что на 65 100 тыс. рублей больше уровня 2019 года.

Многодетным семьям предоставлялась ежемесячная денежная компенсация на оплату жилья и коммунальных услуг на общую сумму 181 597,8 тыс. рублей, что на 1976,5 тыс. рублей больше уровня 2019 года.

Достаточно распространённым подходом к пониманию современной культуры в её массовой форме является её интерпретация через культуру досуга [19, с. 9]. Задачи организации отдыха и оздоровления детей в 2020 году выполнены в полном объёме. Всеми формами отдыха, оздоровления и занятости было охвачено более 157 тыс. детей. Из различных источников на отдых и оздоровление детей было направлено 238,2 млн рублей<sup>1</sup>.

Таким образом, целенаправленная социальная политика Министерства социального развития Оренбургской области по итогам 2020 года позволила обеспечить полноту и своевременность мер социальной поддержки многодетных семей. Однако соотношение уровня рождаемости в области остаётся нерешённой проблемой на сегодняшний день. С одной стороны, численности многодетных семей увеличивается, а с другой, – итоговый показатель рождаемости уменьшается. Необходимо создать условия для реализации репродуктивной функции семьи, активизировать деятельность институциональных и неинституциональных структур в решении демографической проблемы, а также в развитии и совершенствовании мер социальной поддержки многодетных семей.

## **Заключение**

Проведённый анализ показал, что многодетная, благополучная и счастливая семья – это приоритетное направление в развитии нашей страны. Дети на современном этапе развития российского общества – это не просто привилегия человеческой природы, когда пространство населе-

---

<sup>1</sup> Сборник информационно-справочных материалов по итогам работы в 2020 году // Министерство социального развития Оренбургской области : [сайт]. URL: <https://old.msr.orb.ru/posts/36714> (дата обращения: 29.11.2021).

но детьми, а многогранная реальность развития и становления личности, в основе которой целенаправленная и эффективная государственная социальная политика. Для оказания социальной поддержки многодетным семьям реализуются меры поддержки, предусмотренные законодательством Российской Федерации.

В статье предпринята попытка охарактеризовать демографические проблемы современной России. В контексте социологического осмысления сравнительный подход позволил проанализировать естественную убыль населения в 2019 и 2021 гг. Отрицательные показатели 2019 года (32 тыс. 130 человек), 2020 года (более чем 577 тыс. человек) и 2021 года (613 тыс. 439 человек) свидетельствуют о том, что основными причинами убыли населения стали: распространение COVID-19; избыточная смертность населения; социальные, экономические и иные проблемы, включая негативные воздействия процессов глобализации на правовую составляющую жизни людей.

Выделение в исследовании категории «суммарный коэффициент рождаемости» дал возможность установить, что на сегодняшний день в России он составляет примерно 1,5, что не достаточно для роста численности населения и решения проблем демографии. Количественный показатель должен иметь значение около двух, то есть семья воспитывает двух детей. Исходя из этого, суммарный коэффициент рождаемости во многом зависит от рождения второго и последующих детей в российских семьях. Востребован комплексный подход, в котором основными направлениями повышения уровня рождаемости являются: здоровый образ жизни; благополучие и право на счастливую жизнь; социальные гарантии со стороны государства; качество медицинских услуг; социальная поддержка семей; авторитет родительства в обществе; социальное положение детей; снижение материнской и младенческой смертности и другое.

По результатам проведённого анализа можно сделать вывод о том, что существенным показателем в решении проблем демографии в России является уровень рождаемости в многодетных семьях, который, по данным Росстата составляет примерно 20% от общего числа родившихся детей.

В 2019 и 2021 гг. произошло значительное увеличение количества граждан, нуждающихся в предоставлении мер социальной поддержки со стороны государства. Политика социальной поддержки ориентирована на нуждающихся граждан с акцентом как на наиболее уязвимые слои населения, так и на многодетные семьи. Формируется личностно-ориентированная система социальной поддержки, оказывается адресная социальная помощь. Меры социальной поддержки многодетных семей распространяются на все семьи, имеющие на содержании и воспитании трёх и более детей в возрасте до 18 лет, включая как своих детей, так

и усыновленных, и находящихся под опекой (попечительством). Многодетные семьи обладают возможностью получения необходимой информации. В Единой государственной информационной системе социального обеспечения региона размещается информация о предусмотренных мерах социальной поддержки. Важно, чтобы информация была доступной и количество необходимых документов для получения льгот (выплат) минимально по объёму.

Результаты анализа ситуации на региональном уровне показывают, что реализуется комплексная социальная поддержка многодетных семей на основе межведомственного взаимодействия и социального партнёрства. Органы власти возлагают на себя значительную часть их финансового сопровождения. Определяются оптимальные направления деятельности в повышении коэффициента рождаемости. Однако неоднородность региональных экономик и неравномерность их развития не позволяют осуществить равенство в реализации мер социальной поддержки. Об этом свидетельствует сравнительный анализ отдельных регионов Приволжского федерального округа по значению валового регионального продукта на душу населения. На законодательном уровне Российской Федерации следует дополнительно рассмотреть проблемы дифференциации в развитии регионов с целью повышения коэффициента рождаемости на региональном уровне.

Деятельность Правительства Оренбургской области и Министерства социального развития направлена на решение проблем многодетных семей. Эффективно используются финансовые возможности федерального и областного бюджетов, в соответствии со взятыми обязательствами и реальными возможностями их исполнения. Осуществляются меры социальной поддержки многодетных семей, принимаются целевые программы, используются общественные инновации, различные формы социального партнёрства, включая инициативы бизнес-элиты и другое. Контроль за исполнением мер социальной поддержки возлагается на Министерство социального развития Оренбургской области на основании ежеквартальных отчетов, предоставляемых государственным казенным учреждением Оренбургской области «Центр социальной поддержки населения». Вместе с тем, соотношение уровня рождаемости в области остаётся нерешённой проблемой (2019 год – 10,0 и 2020 год – 9,6 человек). Основной причиной снижения рождаемости, как и по всей стране, стало, прежде всего, распространение коронавирусной инфекции.

В решении проблем многодетных семей степень государственного воздействия не должна снижаться, а рождение ребёнка в семье превращаться в фактор материального неблагополучия.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Diener E., Seligman M.* Beyond Money: Progress on an Economy of Well-Being // *Perspectives on Psychological Science*. 2018. № 13. P. 171–175. DOI 10.1177/1745691616689467.
2. *Veenhoven R.* Social Conditions for Human Happiness: A Review of Research // *International Journal of Psychology*. 2015. № 50. P. 379–391. DOI 10.1002/ijop.12161.
3. *Философско-социологические проблемы общества, науки и образования: коллективная монография / М. Х. Хаджаров, И. А. Беляев, Н. Р. Хамидуллин [и др.].* Оренбург : ООО ИПК «Университет», 2014. 172 с. ISBN 978-5-4417-0351-2. EDN **TIFNVN**.
4. *Игонина Н. А.* Механизмы обеспечения прав и свобод человека и гражданина в социальном государстве в периоды кризисных явлений в экономике // Проблемы в российском законодательстве. 2015. № 2. С. 15–21. EDN **TRPWAL**.
5. *Беляев И. А.* Право войны как социальный механизм подавления деструктивности межлического взаимодействия // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2018. № 1. С. 33–37. EDN **XTUPTF**.
6. *Аполлонов И. А., Чистилина И. А.* Проблема межкультурного диалога в рамках либеральной и коммунитаристской традиций // *Культурная жизнь Юга России*. 2018. № 1. С. 27–29. EDN **XNJXZR**.
7. *Беляев И. А., Максимов А. М.* Граница и предел: к соотношению понятий // *Известия Уральского федерального университета. Серия: общественные науки*. 2018. Т. 13, № 4 (182). С. 14–19. EDN **YTELYL**.
8. *Маленова А. Ю., Федотова Е. Е.* Связь персонального и семейного благополучия в студенческом возрасте // *Личность и вызовы современности: интерпретация проблем различными научными школами : статьи Международной научной конференции. (Майкоп, 25–26 сентября 2020 года).* Майкоп : Адыгейский гос. ун-т ; Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2020. С. 125–129. ISBN 978-5-91692-766-5. EDN **JTIWVP**.
9. *Фришман И. И.* Роль детских общественных объединений в социальном становлении подрастающего поколения // *Детские инициативы – путь в будущее / Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации*. М. : Изд-во «Перо», 2019. С. 45–55. ISBN 978-5-00150-762-8.
10. *Казенин К. И., Козлов В. А.* Региональные меры поддержки многодетных семей в РФ // *Журнал исследований социальной политики*. 2020. Т. 18, № 2. С. 191–206. DOI 10.17323/727-0634-2020-18-2-191-206. EDN **ZBDNXO**.
11. *Буфетова А. Н.* Неравномерность пространственного развития: региональные центры и региональная периферия // *Регион: экономика и социология*. 2009. № 4. С. 55–68. EDN **KZMRHD**.
12. *Казанцева Е. Г.* Проблемы регионального неравенства в России // *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 2019. № 2 (58). С. 4. URL: <https://eee-region.ru/article/5804/> (дата обращения: 22.09.2022). EDN **VJHTWQ**.
13. *Миргородская Е. О., Сухинин С. А.* Неоднородность регионального экономического пространства: концептуальные подходы и методика идентификации // *Вестник ВолГУ. Серия «Экономика. Экология»*. 2017. Т. 19, № 3 (40). С. 143–154. DOI 10.15688/jvolsu3.2017.3.14. EDN **YPMRUX**.
14. *Хамидуллин Н. Р.* Государственная политика социальной защиты населения в постсоветской России: монография. Оренбург : Экспресс-печать, 2014. 164 с. ISBN 978-5-905383-44-1. EDN **XAUCAC**.

15. *Кочнев С. И., Яшина И. А.* Участие молодых граждан в принятии решений, затрагивающих их интересы на местном уровне // *Детские инициативы – путь в будущее / Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.* М. : Изд-во «Перо», 2019. С. 45–55. ISBN 978-5-00150-762-8.
16. *Абакумова И. А., Гриценко М. В.* Актуальные аспекты применения инновационной технологии интеллект-карт в образовательном процессе ДОУ // *Балтийский гуманитарный журнал.* 2021. Т. 10, № 2 (35). С. 82–85. DOI 10.26140/bgz3-2021-1002-0020. EDN **BRRZMH**.
17. *Lukoševičiūtė J., Šmigelskas K.* Illness perception and its changes during six months after cardiac rehabilitation: Relevance of biopsychosocial factors // *European Journal of Health Psychology.* 2019. № 26. P. 90–100. DOI 10.1027/2512-8442/a000034.
18. Современные тенденции рождаемости в России и влияние мер государственной поддержки / В. Н. Архангельский, Ю. В. Зинькина, А. В. Коротаев, С. Г. Шульгин // *Социологические исследования.* 2017. № 3 (395). С. 43–50. EDN **YMFZPN**.
19. *Федяев Д. М., Федяева Л. В.* Образы города: организм и отключенный механизм // *Визуальные образы современной культуры. Человек в современном городе: облик, образ, образование: сборник научных статей по материалам V Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 17–18 мая 2016 г.).* Омск : Омский гос. ун-т, 2016. С. 7–11. DOI 10.15688/jvolsu3.2017.3.14. EDN **XFEYGR**.

## **Сведения об авторе**

**Н. Р. Хамидуллин**

кандидат политических наук, доцент

AuthorID РИНЦ: **672406**

Статья поступила в редакцию 01.12.2022; одобрена после рецензирования 19.01.2023; принята к публикации 10.02.2023.



Original article

DOI: [10.19181/snsp.2023.11.1.5](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.5)

## ON MEASURES OF SOCIAL SUPPORT FOR LARGE FAMILIES (ON THE EXAMPLE OF ORENBURG REGION)

**Nail Rafailovich Khamidullin**

Orenburg State University,

Orenburg, Russia,

[hamidullin\\_n@mail.ru](mailto:hamidullin_n@mail.ru)

ORCID [0000-0003-1271-0942](https://orcid.org/0000-0003-1271-0942)

**For citation:** Khamidullin N. R. On measures of social support for large families (on the example of Orenburg region). *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023; 11(1): 86–103. (in Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.1.5](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.5).

**Abstract.** The relevance of the study is determined by the logic of the development of post-Soviet Russia and the special significance of the search for optimal methods and ways to implement social policy. The main objective of the article is to analyse the measures of social support for large families at the regional level. The study is based on comparative-functional, institutional and systemic methods that allow characterising and determining the significance of social support measures for families after the birth of a third child. The complex application of these methods enables understanding of the functional and dynamic features of measures of social support for large families at the regional and local levels. The main results of the study led to conclusion that social policy is one of the priority areas in the activities of the Russian state. It was revealed that large families occupy an important place in solving demographic problems, since the total birth rate is largely determined by the birth of a second and subsequent children in Russian families. It is demonstrated that active work is being carried out at the regional level in order to implement the privilege legislation of the Russian Federation to provide social support to large families. At the same time, there is a gap between the possibilities of various regions and local self-governments. It has been established that the implementation of social policy by the Ministry of Social Development of the Orenburg Region is carried out on the basis of the effective use of the financial resources of the federal and regional budgets in accordance with the obligations taken and the real possibilities for their implementation. Decline in the birth rate due to the outbreak of coronavirus infection is identified as the main social problem. Analysis of the information carried out in the course of the study indicates that significant financial support from the federal level is required. The study substantiates the necessity of the development and the legislative approval of additional measures of social support for large families both at the federal and regional levels, as well as expansion of the use of business opportunities, social partnerships and public formations.

**Keywords:** social policy, large families, demography, social support, fertility, children

## REFERENCES

1. Diene E., Seligman M. Beyond money: progress on an economy of well-being. *Perspectives on psychological science*. 2018; (13): 171–175. DOI 10.1177/1745691616689467.
2. Veenhoven R. Social conditions for human happiness: a review of research. *International journal of psychology*. 2015; (50): 379–391. DOI 10.1002/ijop.12161.
3. Khadzharov M. Kh., Belyaev I. A., Khamidullin N. R. [et al.]. Philosophical and sociological problems of society, science and education: collective monograph. Orenburg : Universitet; 2014. 172 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4417-0351-2.
4. Igonina N. A. Mechanisms for ensuring the rights and freedoms of man and citizen in a welfare state during periods of crisis in the economy. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve=Gaps in Russian legislation*. 2015; 2: 15–21. (In Russ.).
5. Belyaev I. A. The right of war as a social mechanism for suppressing the destructiveness of interpersonal interaction. *Intellekt. Innovacii. Investicii=Intelligence. Innovation. Investments*. 2018; 1: 33–37. (In Russ.).
6. Apollonov I. A., Chistilina I. A. The Problem of Intercultural Dialogue within the Liberal and Communitarian Traditions. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii=Cultural life of the South of Russia*. 2018; 1: 27–29. (In Russ.).
7. Belyaev I. A., Maksimov A. M. Boundary and limit: on the correlation of concepts. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya Obshchestvenny'e nauki=News of the Ural Federal University. Series: Social Sciences*. 2018; 13(4): 14–19. (In Russ.).
8. Malenova A. Yu., Fedotova E. E. Relationship between personal and family well-being in student age. In: Personality and challenges of modernity: interpretation of problems by various scientific schools : articles of the International Scientific Conference. (Maykop, September 25–26, 2020). Maykop: Adygejskij gosudarstvennyj universitet; Krasnodar: Kubanskij gosudarstvennyj universitet; 2020. P. 125–129. (In Russ.). ISBN 978-5-91692-766-5.
9. Frishman I. I. The role of children's public associations in the social development of the younger generation. In: Children's initiatives – the way to the future: collection of articles. Fund for Supporting Children in Difficult Life Situations. Moscow: Izdatel'stvo «Pero»; 2019. P. 45–55. (In Russ.). ISBN 978-5-00150-762-8.
10. Kazenin K. I., Kozlov V. A. Regional measures to support large families in the Russian Federation. *Zurnal issledovanij social'noj politik=Journal of Social Policy Research*. 2020; 18(2): 191–206. (In Russ.). DOI 10.17323/727-0634-2020-18-2-191-206.
11. Bufetova A. N. Uneven Spatial Development: Regional Centers and Regional Periphery. *Region: economics and sociology=Region: e'konomika i sociologiya*. 2009; 4: 55–68. (In Russ.).
12. Kazantseva E. G. Problems of Regional Inequality in Russia. *Regional Economics and Management: electronic scientific journal=Regional'naya e'konomika i upravlenie: e'lektronnyj nauchnyj zhurnal*. 2019; 2: 4. Available at: <https://eee-region.ru/article/5804/> (accessed: 22.09.2022).
13. Mirgorodskaya E. O., Sukhinin S. A. Heterogeneity of Regional Economic Space: Conceptual Approaches and Methods of Identification. *Vestnik VolGU. Seriya: E'konomika i e'kologiya=Vestnik VolGU. Series: Economics. Ecology*. 2017; 19(3): 143–154. (In Russ.). DOI 10.15688/jvolsu3.2017.3.14.

14. Khamidullin N. R. State policy of social protection of the population in post-Soviet Russia: monograph. Orenburg : E'kspress pechat'; 2014. 164 p. (In Russ.). ISBN 978-5-905383-44-1.
15. Kochnev S. I., Yashina I. A. Participation of young citizens in decision-making affecting their interests at the local level. In: Children's initiatives – the way to the future: collection of articles. Fund for Supporting Children in Difficult Life Situations. Moscow: Izdatel'stvo «Pero». 2019. P. 23–44. (In Russ.). ISBN 978-5-00150-762-8.
16. Abakumova I. A., Gritsenko M. V. Actual aspects of the application of innovative technology of mind maps in the educational process of a preschool educational institution. *Baltijskij gumanitarny'j zhurnal=Baltic Humanitarian Journal*. 2021; 10(2): 82–85. (In Russ.). DOI 10.26140/bgz3-2021-1002-0020.
17. Lukoševičiūtė J., Šmigelskas K. Illness perception and its changes during six months after cardiac rehabilitation: relevance of biopsychosocial factors. *European journal of health psychology*. 2019; (26): 90–100. DOI 10.1027/2512-8442/a000034.
18. Arkhangelsky V. N., Zinkina Yu. V., Korotaev A. V., Shulgin S. T. Current fertility trends in Russia and the impact of state support measures. *Sociologicheskie issledovaniya=Sociological research*. 2017; 3: 43–50. (In Russ.).
19. Fedyaev D. M., Fedyaeva L. V. Images of the city: the organism and the disconnected mechanism. In: Visual images of modern culture. A person in a modern city: appearance, image, education: a collection of scientific articles based on the materials of the V All-Russian Scientific and Practical Conference (Omsk, May 17–18, 2016). Omsk : Omskij gosudarstvenny'j universitet. 2016; P. 7–11. (In Russ.). DOI 10.15688/jvolsu3.2017.3.14.

## Information about the Author

### N. R. Khamidullin

Candidate of Politics, Associate Professor

The article was submitted 01.12.2022; approved after reviewing 19.01.2023; accepted for publication 10.02.2023.



## ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К ИММИГРАНТАМ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19 (2020–2021 гг.)

**Наталья Сергеевна Воронина**

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия,

*navor@bk.ru*,

ORCID 0000-0001-8859-6803

**Для цитирования:** Воронина Н. С. Отношение россиян к иммигрантам в период пандемии COVID-19 (2020–2021 гг.) // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 1. С. 104–123. DOI 10.19181/snsp.2023.11.1.6. EDN GIOGQE.

**Аннотация.** Целью автора являлось выявление наличия, характера и факторов изменений в отношении россиян к иммигрантам в период пандемии коронавируса. Выявлено, что пандемия обострила проблемы естественной убыли населения, а миграционные потоки сократились, тем самым уменьшив компенсацию естественной убыли за счёт притока иммигрантов. С одной стороны, это могло увеличить негативное отношение принимающего общества к иммигрантам, усугубив отношение негативными последствиями коронавируса для общества, с другой стороны, уменьшившийся «контакт» с иммигрантами мог переключить восприятие с иммигрантов на более острые проблемы, тем самым сделав отношение более нейтральным.

Эмпирическую базу анализа составили данные Европейского социального исследования за 2018 г. (для сравнения с допандемийным уровнем отношения к иммигрантам), а также данные коллектива Отдела сравнительных политических исследований ФНИСЦ РАН за 2020–2021 гг. Результаты анализа показали, что оценка изменений, привносимых иммигрантами в экономику, культуру и повседневную жизнь страны, остаётся у россиян преимущественно негативной. При этом оценка последствий для экономики стала более нейтральной в исследуемый период, восприятие последствий для повседневной жизни страны практически не изменилось, а вот оценка последствий для культуры стала более негативной.

Регрессионный анализ показал, что предикторами негативного отношения россиян к иммигрантам в период пандемии являлись: восприятие остроты проблем международных отношений и наплыва приезжих, проблема усиления безработицы и воспитания молодёжи и подростков, нарушение норм публичного поведения, а также напряжённость между мужчинами и женщинами, тип поселения (чем больше он, тем негативнее отношение). Положительными предикторами оказались: уровень институционального доверия, возраст (чем моложе, тем отношение позитивнее), а также осознание остроты проблемы убыли населения и низкой рождаемости в России.

**Ключевые слова:** отношение к иммигрантам, пандемия, коронавирус, угроза, регрессионный анализ, доверие, международные отношения, Европейское социальное исследование

**Благодарность:** автор выражает благодарность А. В. Жаворонкову за ценные рекомендации при работе над статьей.

## Исследовательская проблема

Пандемия коронавируса повлияла на все стороны нашей жизни, вызвав в том числе изменения в миграционных процессах. В период пандемии в 2021 г. естественная убыль населения превысила 1 млн человек <sup>1</sup>. В то же время, по данным Росстата, в январе–августе 2020 г. приток мигрантов из-за рубежа сократился в 2,4 раза (с 166,7 тыс. в 2019 г. до 69,1 тыс. в 2020 г.) [1, с. 117]. Несмотря на то, что миграционный поток уменьшился из-за ограничительных ковидных мер, прирост частично компенсировал естественные потери (на 27%) [2]. Нужно отметить, что миграционный приток и в допандемийный период не покрывал естественную убыль, например в 2018 г. он компенсировал убыль лишь на 56,4% <sup>2</sup>. На фоне низкой рождаемости в допандемийный период, последствия эпидемии, вероятно, негативно повлияют на желание россиян обзаводиться детьми в нынешних условиях, поэтому предполагается, что потоки иммигрантов <sup>3</sup> в Россию и дальше будут базовым ресурсом для компенсации убыли населения.

Наши предыдущие исследования показали, что на протяжении 10 лет (2006–2016 гг.) отношение россиян к последствиям, которые приносят иммигранты в жизнь страны, оставалось преимущественно отрицательным [3], Россия – одна из европейских стран с наиболее негативным отношением к иммигрантам, уступает в этом только Венгрии и Чехии. Российская государственная политика направлена на привлечение иммигрантов в страну, а принимающее российское население демонстрирует отрицательное отношение к ним. Такое положение дел может сопровождаться социальной напряжённостью, всплесками конфликтов на межэтнической почве. Во избежание подобных рисков важно изучать динамику отношения к иммигрантам в современных условиях, так как это знание может способствовать разработке практических мер по консолидации российского общества.

Современный контекст пандемии позволяет предположить, что отношение россиян к иммигрантам могло ещё больше ухудшиться из-за последствий, которые привнёс коронавирус в различные сферы жизни, или могло стать более нейтральным вследствие уменьшения потока иммигрантов. В данной статье мы сосредоточимся на вопросах о том, изменилось ли

---

<sup>1</sup> *Ткачёв И.* (при участии Деготьковой И.). Естественная убыль населения в России за год превысила 1 млн человек // РБК : [сайт]. 28.01.2022. URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/01/2022/61f3bbaa9a794767f04fdaa7> (дата обращения: 04.06.2021).

<sup>2</sup> *Старостина Ю.* Не понаехали. Ослабевший приток мигрантов перестал компенсировать естественную убыль населения // РБК : [сайт]. 20.12.2018. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/12/21/5c1b70829a7947f16ebceb04> (дата обращения: 4.06.2021).

<sup>3</sup> В данной работе термины «иммигрант» и «мигрант» употребляются как синонимы. (обоснование подхода см.: [https://www.isras.ru/files/File/Dissert/Endryushko\\_avtoreferat.pdf](https://www.isras.ru/files/File/Dissert/Endryushko_avtoreferat.pdf)).



отношение к иммигрантам в России в период пандемии COVID-19 и какие факторы влияют на отношение к иммигрантам принимающего населения.

### Возможные причины изменения отношения к иммигрантам в период пандемии

Можно предположить, что *отношение к иммигрантам становится более враждебным* во времена повышенной угрозы или кризиса. Одна из возможных причин такого отношения кроется в усилении у принимающего населения негативных эмоций от информационных фейков [4], например, о том, что вирус был специально создан китайцами. Такие информационные вбросы порождают враждебное отношение к конкретному этносу. Люди, предрасположенные к принятию этнических стереотипов, в ситуации коронавируса склонны говорить об иммигрантах как о распространителях вируса.

Увеличение предрассудков к стигматизируемым группам в период пандемий не новое явление, в 2014 г. Эболу называли «африканской болезнью» [5], а бывший президент США Дональд Трамп назвал ковид «ужасной штукой из Китая»<sup>1</sup>. Таким образом, у местного населения различных стран может возникать убеждение, что коронавирус – болезнь, которая распространилась по всему свету в результате миграционных потоков из Китая.

В СМИ постоянно муссируются факты об увеличении числа преступлений, совершённых мигрантами в 2022 г. по сравнению с 2021 г.<sup>2</sup> Также отмечается возросший уровень агрессии со стороны приезжих: то и дело появляются новости о драках мигрантов с местным населением в метро.<sup>3</sup> Можно предположить, что респонденты, которые чаще пользуются СМИ для просмотра новостей подобного рода, будут более негативно относиться к иммигрантам. Причины драк иммигрантов и местного населения часто связываются в прессе с несхожестью культурных норм, традиций. Например, глава СК России А. Бастрыкин заявляет, что агрессия иммигрантов вызвана их нежеланием приспособиться к «российскому менталитету»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Трамп потребовал от Китая заплатить США \$10 трлн за ущерб от COVID-19 // Интерфакс : [сайт]. 06.06.2021. URL: <https://www.interfax.ru/world/770815> (дата обращения: 06.06.2021).

<sup>2</sup> В России увеличивается количество совершаемых мигрантами преступлений // ТАСС : [сайт]. 23.04.2022. URL: [https://tass.ru/obschestvo/14454135?utm\\_source=adm.news.ru&utm\\_medium=referral&utm\\_campaign=adm.news.ru&utm\\_referrer=adm.news.ru](https://tass.ru/obschestvo/14454135?utm_source=adm.news.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=adm.news.ru&utm_referrer=adm.news.ru) (дата обращения: 04.06.2021).

<sup>3</sup> Трое дагестанцев жестоко избили в метро вступившего за девушку пассажира // Лента.ру : [сайт]. 06.10.2021. URL: [https://lenta.ru/news/2021/10/06/migranty\\_izbienie/](https://lenta.ru/news/2021/10/06/migranty_izbienie/) (дата обращения: 04.06.2021).

<sup>4</sup> Демидов А. Бастрыкин рассказал о причинах агрессии мигрантов // Газета.ру : [сайт]. 12.02.2022. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/02/12/17278753.shtml> (дата обращения: 04.06.2021).

В качестве объяснения ухудшения отношения к иммигрантам, ряд исследователей обращаются к теории поведения иммунной системы психолога М. Шаллера, согласно которой в ситуации угрозы у людей запускаются защитные механизмы (включающие когнитивные и эмоциональные реакции), помогающие обнаружить патогены и мотивирующие людей предотвращать заражение за счёт избегания контакта с возможными патогенами [5] (исследователи предполагают, что контакт с членами чужой группы может увеличить вероятность заражения патогенами). Пользуясь данной теоретической рамкой, М. Ямагата, Ц. Терагучи и А. Миура [6] провели исследование в Японии в марте 2020 г., которое показало, что по мере того, как росло число случаев заболевания COVID-19, усиливалось изолирующее отношение к иностранцам, а отношение к китайцам было более негативное по сравнению с другими национальностями. К схожим результатам ещё до пандемии пришли исследователи Т. Джи, Дж. М. Тайбур, М. Ван Вугт [7], они показали, что респонденты из США с большей выраженностью отращения к патогенам (например, к чихающим людям) будут иметь более негативное отношение к въезду иммигрантов из стран неустановленного происхождения, а также из стран, связанных с инфекционными заболеваниями.

Исследователь Тодд Хартманн и его коллеги [8] использовали в качестве теоретической рамки концепцию авторитарной личности Т. Адорно и шкалу авторитаризма правого толка Б. Альтмейера. Они выявили, что ковид как предполагаемая угроза общественному порядку влечёт за собой увеличение авторитарных черт, в частности увеличение националистических настроений в обществе, таким образом, уровень авторитаризма является медиатором между ковидом и негативным отношением к иммигрантам.

Ещё одной возможной причиной усиления негативного отношения к иммигрантам может стать ухудшение их экономического положения. Последние исследования о трудовых мигрантах в России показали [9], что период пандемии COVID-19 негативно повлиял на их заработок. Ограниченный доступ иммигрантов к медицинской помощи, их низкая цифровая грамотность, проблемы экономического характера (низкие заработные платы, проживание в стеснённых условиях), – всё это повышает их риск заражения вирусом, что может способствовать восприятию иммигрантов как угрозы для местного населения. Экономический кризис, вызванный пандемией, мог повлиять на материальное положение россиян, что могло отразиться на их восприятии иммигрантов как потенциальной угрозы в условиях ограниченных ресурсов. Теория групповой угрозы Г. Блумера, Х. Блалок, суть которой заключается в конкуренции за ограниченные ресурсы между иммигрантами и принимающими

жителями, также может служить объяснением обострения негативного отношения к иммигрантам.

Ещё одним важным предиктором, который много раз показывал [10; 11] сильное влияние на отношение к иммигрантам, является уровень доверия, как личностного, так и институционального (чем ниже уровень доверия, тем хуже отношение к иммигрантам), в статьях он обычно обозначается как фактор человеческого капитала. Можно предположить, что уровень доверия социальным институтам у россиян будет низким, так как их функционирование будет отождествляться с ухудшением жизни населения в период пандемии.

Согласно второй точке зрения, которую выделяют исследователи, *отношение к иммигрантам, наоборот, в период пандемии становится более нейтральным или положительным*, так как основной фокус внимания людей будет сосредоточен на самом коронакризисе, а проблемам иммиграции будет уделяться меньше внимания. Это не означает, что проблемы иммиграции исчезнут, но означает, что на первый план выступят проблемы, связанные, например, с экономикой, медициной, образованием. Исследование коллектива Отдела сравнительных политических исследований ФНИСЦ РАН за 2021 г. показало <sup>1</sup>, что межнациональные отношения в рейтинге наиболее острых проблем занимают вторую строчку от конца из 24 проблем (т. е. одна из самых незначимых), а «наплыв приезжих» на четвёртой от конца, что позволяет предположить улучшение отношения к иммигрантам в России в период пандемии.

В британском исследовании за 2020 г. (К. Хьюлетт, Б. Даффи и Р. Бенсон) [12] было показано, что в период пандемии, когда численность иммигрантов в стране уменьшилась (например, стало не хватать работников на должности дворников, курьеров и т. п.), англичане пересмотрели своё отношение к иммигрантам, оно немного улучшилось (особенно отношение молодых респондентов), так как англичане поняли, насколько труд иммигрантов необходим, насколько те полезны для общества.

В России из-за ограничительных мер по ковиду приезжие столкнулись с проблемами въезда, что негативно повлияло на рынок труда, возник дефицит рабочей силы в сферах, которые обычно были заняты иммигрантами, таких как ЖКХ, строительство и др. Однако, заменить иммигрантов оказалось нечем, поскольку, во-первых, россияне не стремятся работать в отраслях, обычно занимаемых иммигрантами, а во-вторых, остро стоит вопрос убыли трудоспособного населения: «кризис наложился на эффект демографической ямы, который стал заметен в конце 2020 г. и с тех пор

<sup>1</sup> Источник – расчёты автора. Подробнее о параметрах исследования см. в разделе «Эмпирическая база и методы анализа данных».

быстро нарастает»<sup>1</sup>. Данные факты тоже дают основание предположить, что отношение россиян к иммигрантам могло улучшиться из-за осознания местным населением полезности иммигрантов для общества.

Кризис, вызванный пандемией, обострил восприятие россиянами проблем в сфере здравоохранения, экономики, образования, что могло привести к поиску «козла отпущения», в качестве которого могут выступать иммигранты. Ощущение опасности заражения от иммигрантов из-за их территориальной мобильности, ощущение неопределённости и отсутствия контроля над собственной жизнью, ощущение конкуренции за экономические ресурсы – всё это могло ухудшить отношение россиян к иммигрантам в период пандемии.

Обобщение проанализированных подходов к оценке возможных изменений отношения к иммигрантам вследствие пандемии позволяет обосновать ряд факторов, которые легли в основу дальнейшего эмпирического анализа (рис. 1).



Рис. 1. Факторы, связанные с отношением к иммигрантам в период пандемии

<sup>1</sup> Сахнин А. В Москве дефицит рабочей силы. Подтянутся ли зарплаты? // Москвич Маг : [сайт]. 10.11.2021. URL: <https://moskvichmag.ru/gorod/v-moskve-defitsit-rabochej-sily-podtyanutsya-li-zarplaty/> (дата обращения: 4.06.2021).



## Эмпирическая база и методы анализа данных

Эмпирическую базу данных составляет исследование коллектива Отдела сравнительных политических исследований ФНИСЦ РАН (руководитель С. В. Патрушев) за 2020 и 2021 гг. Опросы провёл Центр социального прогнозирования и маркетинга (руководитель Ф. Э. Шереги): в 2020 г. в 21 регионе РФ, 1000 респондентов по общероссийской выборке ОСПИ-2020; в 2021 г. в 22 регионах РФ, выборка также составила 1000 респондентов<sup>1</sup>.

Для того, чтобы иметь возможность ответа на вопрос об изменении отношения к иммигрантам для анализа данных до / во время пандемии, необходима информация о динамике такого отношения, поэтому дополнительной эмпирической базой было выбрано Европейское социальное исследование (последняя доступная на данный момент волна за 2018 г.).

Для корректного сопоставления формулировки вопросов об отношении к иммигрантам были взяты в ОСПИ из анкеты Европейского социального исследования<sup>2</sup> с небольшими модификациями (табл. 1).

Таблица 1

Формулировки вопросов для выявления отношения к иммигрантам в базах ESS и ОСПИ

Отношение к иммигрантам, вопросы из ESS	Отношение к иммигрантам, вопросы из исследования ОСПИ
Отношение респондентов к последствиям, которые приносят иммигранты в страну	
<p>Как Вы считаете, то, что люди из других стран приезжают в Россию, в целом плохо или хорошо сказывается на экономике России? Дайте ответ по шкале на карточке. 11-ти балльная шкала, где 0 – плохо для экономики, 10 – хорошо для экономики.</p> <p>Теперь, пользуясь этой карточкой, скажите, как Вы считаете, приток людей из других стран скорее разрушает или скорее обогащает культуру России? 11-ти балльная шкала, где 0 – разрушает культуру нашей страны, 11 – обогащает культуру нашей страны.</p> <p>Как Вы считаете, с притоком людей из других стран Россия как место для жизни становится лучше или хуже? Дайте ответ по шкале на карточке. 11-ти балльная шкала, где 0 – становится хуже, 10 – становится лучше.</p>	<p>В последние годы предприняты меры, облегчающие получение российского гражданства и работы для приезжающих в Россию из стран ближнего и дальнего зарубежья. Как Вы считаете, приносят ли эти люди пользу в различных областях жизни нашей страны? (Дайте ответ в каждой строке от «1» – никакой пользы не приносят, до «5» – приносят значительную пользу).</p> <ol style="list-style-type: none"> <li>1. В экономической жизни страны</li> <li>2. В области культуры</li> <li>3. В повседневной жизни людей</li> </ol>

<sup>1</sup> Подробнее о параметрах выборки см. [13, с. 12].

<sup>2</sup> Российское Социальное Исследование – 2018 // Европейское Социальное Исследование в России : [сайт]. URL: [http://www.ess-ru.ru/fileadmin/templates/doc/Wave\\_9\\_2018/Anketa\\_RSS\\_volna\\_9\\_Rossija.pdf](http://www.ess-ru.ru/fileadmin/templates/doc/Wave_9_2018/Anketa_RSS_volna_9_Rossija.pdf) (дата обращения: 04.06.2021).



Пятибалльная шкала из исследования ОСПИ дала нормальное распределение<sup>1</sup>.

Для определения влияния различных факторов на отношение россиян к иммигрантам нами применён линейный регрессионный анализ с фиктивными переменными, обусловленный порядковыми зависимыми переменными (5-ти балльная шкала, имеющая нормальное распределение<sup>2</sup>), а также порядковыми независимыми 5-ти балльными шкалами и номинальными (например, пол), требующими дихотомизации. Факторы, потенциально влияющие на отношение к иммигрантам в России (табл. 2), были выделены из базы данных на основе проанализированных исследований, описанных выше. В условиях ограничений проведения вторичного анализа данных мы подобрали все возможные найденные аналоги влияющих факторов, которые были доступны в анкете исследования за 2021 г. (к сожалению, многие переменные из баз данных 2020 и 2021 гг. не идентичны, что лишает нас возможности изучить влияние факторов в динамике).

Таблица 2

*Факторы, потенциально влияющие на отношение к иммигрантам в базе данных ОСПИ*

Влияющий фактор	Аналог в эмпирической базе
Фактор СМИ	В связи ограничениями базы данных, мы не нашли прямого аналога данного фактора.
Экономический фактор	1) Самооценка дохода респондента: 1 – очень хорошее, 2 – хорошее, 3 – среднее, 4 – плохое, 5 – очень плохое. 2) Оценка напряжённости между богатыми и бедными (5-ти балльная шкала, где 5 – наибольшая напряжённость, 1 – наименьшая).
Боязнь патогенов	В связи ограничениями базы данных, мы не нашли прямого аналога данного фактора.
Сдвиг фокуса внимания с иммигрантов на более острые проблемы	Для оценки этого показателя мы использовали вопрос о том, какие проблемы жизни нашей страны наиболее острые и требующие первоочередных решений со стороны власти по 5-ти балльной шкале, где 1 – совершенно незначимая проблема, а 5 – проблема стоит очень остро (список приведён на рис. 1). Были взяты только те суждения, которые показали наличие статистически значимой связи с переменными об отношении к иммигрантам в корреляционном анализе.

<sup>1</sup> Наши шкалы были преобразованы таким образом, что 1 и 2 были объединены в низкую оценку (плохое отношение), 3 – в среднюю, 4 и 5 – в высокую (хорошее отношение); 11-ти балльные шкалы из ESS были перекодированы по такому же типу интерпретации: 0, 1, 2, 3, 4 – низкая оценка; 5 – средняя; 6, 7, 8, 9, 10 – высокая.

<sup>2</sup> Все шкалы были проверены на нормальное распределение с помощью теста Колмогорова-Смирнова и визуальной оценки гистограммы нормального распределения.

Окончание таблицы 2

Влияющий фактор	Аналог в эмпирической базе
Усиление уровня национализма	Поскольку измерение уровня авторитаризма не было заложено в анкету, мы использовали косвенный вопрос для измерения националистических настроений: лозунг «Россия для русских» правильный: 1 – согласен, 0 – не согласен.
Фактор человеческого капитала	<p>1) Индекс обобщённого институционального доверия был составлен из переменных доверия: ассоциациям крупного бизнеса, ассоциациям среднего и малого бизнеса, Государственной думе, друзьям (ближнему кругу общения), избирательной системе России, местной власти, системе образования, общественным организациям, движениям, политическим партиям, полиции, правительству, предпринимателям, президенту России, профсоюзам, семье, системе здравоохранения, сослуживцам (или сокурсникам по учёбе), суду, церкви. 5-ти балльная шкала, где 1 – совсем не доверяю, 5 – полностью доверяю. (Надёжность индекса была проверена через Альфа Кробаха = 0,8), кроме того, предварительный корреляционный анализ показал наличие связи между переменными, отражающими отношение к иммигрантам, и доверием перечисленным вариантам (все они имели однонаправленную связь – чем ниже доверие, тем хуже отношение к иммигрантам).</p> <p>2) Межличностное доверие: Какое из суждений, исходя из Вашего опыта, Вы считаете более обоснованным? 1 – людям можно доверять; 0 – с людьми надо быть осторожнее</p>
Культурный фактор	<p>1) Нарушение каких норм вызывает у вас наибольшее несогласие: норм морали; норм публичного поведения (этики); норм семейной жизни; традиций; законов государства; отношений «по понятиям»; правил общения среди своих (друзей, знакомых); мне всё равно, пока эти нарушения меня не затрагивают (набор дихотомических шкал).</p> <p>2) Напряжённость между: – мужчинами и женщинами (5-ти балльная шкала, где 5 – наибольшая напряжённость, 1 – наименьшая), – между людьми разной религиозной принадлежности.</p>
Социально-демографический фактор	<p>Пол: 0 – мужской, 1 – женский;</p> <p>образование было перекодировано в набор дихотомических (всего 4 переменных: неполное среднее, среднее; среднее специальное; незаконченное высшее; высшее, есть научная степень);</p> <p>возраст (количество лет);</p> <p>тип поселения: 5-ти балльная шкала: мегаполисы; областные краевые, республиканские центры; районные центры, города не являющиеся районными; ПГТ; село</p>

## Оценка изменений, которые привносят иммигранты в экономику, культуру и повседневную жизнь России

Результаты анализа показывают (см. рис. 2), что в оценках изменений, которые привносят иммигранты в экономику России, в целом, во все года превалирует негативное отношение: в 2018 г. оно было максимальным за исследуемый период – 47%, в 2020 г. опустилось почти на 10% и стало равно 37,2%, а в 2021 г. снова немного ухудшилось – до 38%.

Схожую ситуацию демонстрирует анализ процентных соотношений положительной оценки изменений в экономике, которые по мнению россиян привносят иммигранты: наименьшая положительная оценка зафиксирована в 2018 г. (29%), затем, в 2020 г. она улучшается (34,8%), а в 2021 г. снова идёт на спад (33,6%).

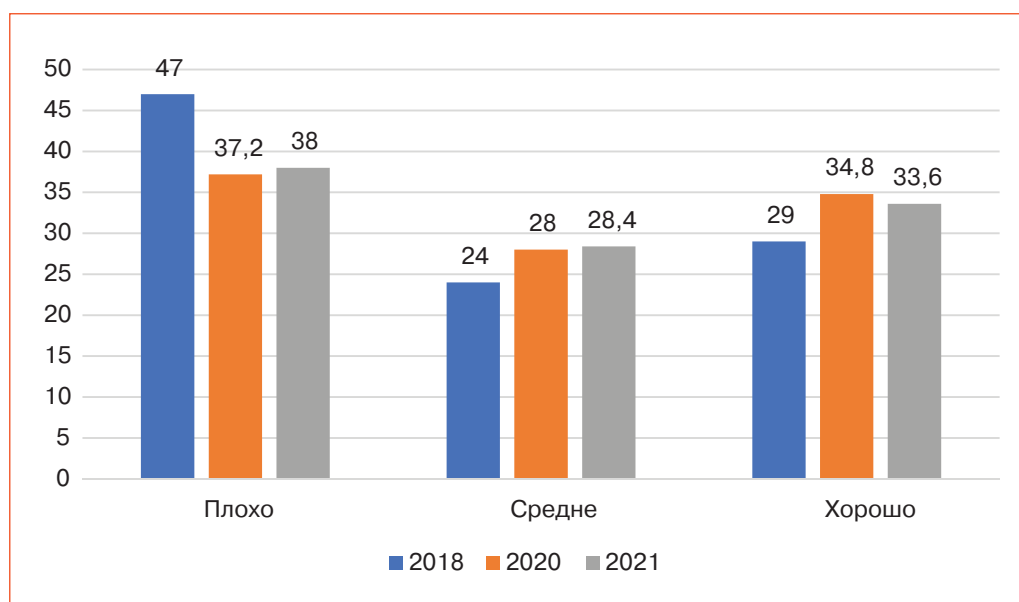


Рис. 2. Отношение россиян к изменениям, которые иммигранты привносят в экономику России

На рисунке 3 представлено распределение ответов респондентов об их оценке изменений в культуре России, которые привносят иммигранты. Так же, как и в предыдущем вопросе, в исследуемый период превалирует негативное отношение. Но в отличие от предыдущего вопроса об изменениях в экономике, тут мы наблюдаем иную картину: налицо постепенное ухудшение оценки в период пандемии. В 2021 г. наиболее негативная оценка – 63,4%, в 2020 г. – 57,2%, в 2018 г. – 50,8%. Наиболее положительная в 2018 г. – 26,8%, затем в 2020 г. – 19,2%, и 13,3% в 2021 г.

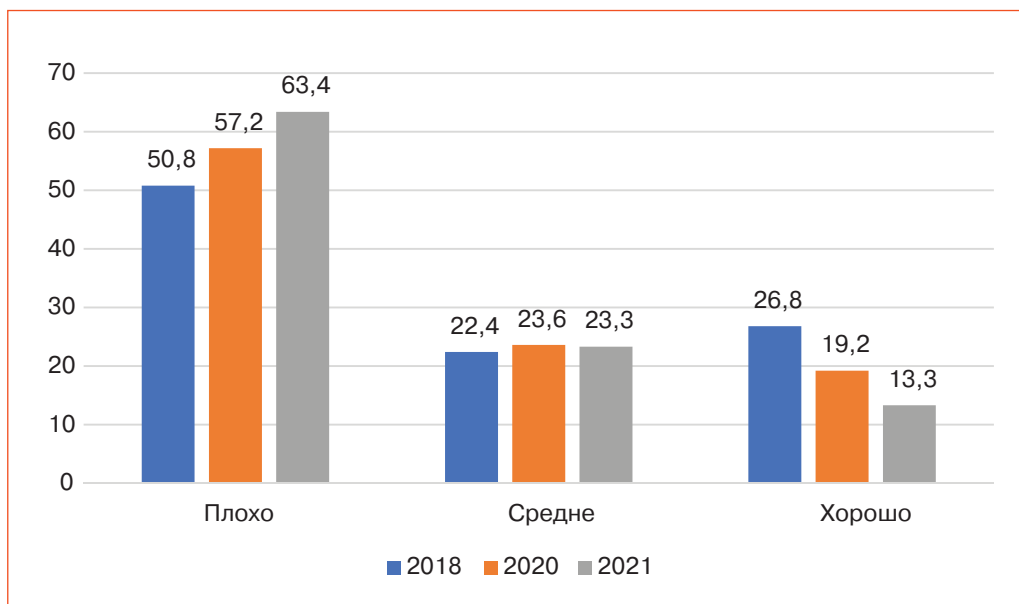


Рис. 3. Отношение россиян к изменениям, которые привносят иммигранты в культуру России

Рисунок 4 отражает оценку изменений, которые привносят иммигранты в жизнь нашей страны. Мы наблюдаем, что опять-таки негативная оценка превалирует во всех исследованиях. Наихудшее отношение фиксируется в 2021 г. (54,4%), в 2020 г. был небольшой спад негативного отношения (45,4%), в 2018 г. цифры практически идентичны 2021 г. (54,2%). Положительная оценка была наивысшая в 2020 г. – 25,5%, в 2018 г. – 21,4%, наименьшее её значение в 2021 г. – 17,2%.

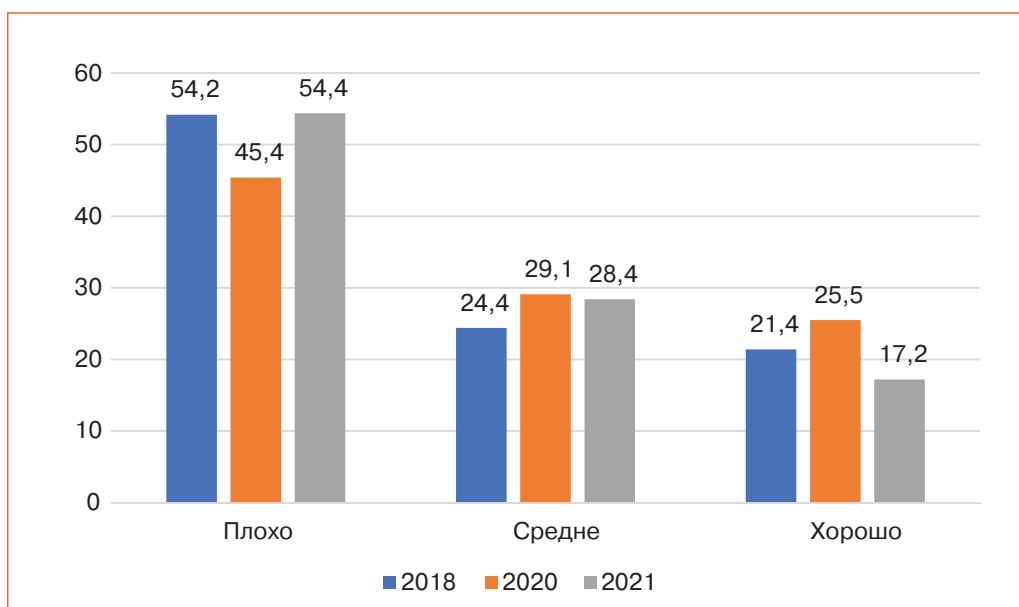


Рис. 4. Отношение россиян к изменениям, которые привносят иммигранты в повседневную жизнь России

*Сравнительный анализ показал, что имело место изменение отношения россиян к иммигрантам в условиях коронавируса. С какими факторами в наибольшей степени могут быть связаны эти изменения, покажет дальнейший анализ.*

Значение переменной «оценка изменений, которые привносят иммигранты в жизнь России» легла в основу регрессионного уравнения, а в качестве независимых в нём фигурировали переменные из табл. 2. Решение уравнения продемонстрировало высокую надёжность сконструированной модели, R-квадрат составил 0,43, это означает, что модель объясняет примерно 43% совокупной дисперсии. Влияние на переменную оценки последствий для экономики, которые привносят иммигранты в Россию, оказывают переменные: оценка остроты проблем межнациональных отношений, наплыва приезжих, безработицы, воспитания молодёжи и подростков. Чем острее ощущаются эти проблемы респондентами, тем негативнее оценка изменений в экономике, привносимых иммигрантами. Высокая оценка остроты проблем низкой рождаемости и убыли населения влияет на отношение к иммигрантам (чем более важна для респондентов проблема низкой рождаемости, тем лучше их отношение к иммигрантам). Индекс институционального доверия тоже: чем выше уровень доверия, тем лучше отношение к иммигрантам. Если респондентов беспокоит нарушение норм публичного поведения (этики), то это приводит к негативной оценке последствий для экономики. Чем больше тип поселения, тем негативнее оценка изменений, привносимых иммигрантами в экономику России (табл. 3).

Подобная процедура была проделана с переменными оценки изменений в культуре (табл. 4)<sup>1</sup>, коэффициент детерминации равен 0,45, и повседневности (табл. 5), коэффициент детерминации равен 0,42.

На последствия изменений, которые привносят иммигранты в культуру страны, влияют: оценка остроты проблем межнациональных отношений, наплыва приезжих, угрозы террористических актов, согласие с лозунгом «Россия для русских», индекс институционального доверия, беспокойство из-за нарушения норм публичного поведения (этики), оценка напряжённости между мужчинами и женщинами, возраст и тип поселения.

На оценку изменений, которые привносят иммигранты в повседневную жизнь страны, влияют также переменные: оценка остроты проблем межнациональных отношений, наплыва приезжих, угроза террористических актов, согласие с лозунгом «Россия для русских», индекс институционального доверия, беспокойство из-за нарушения норм публичного поведения (этики), оценка напряжённости между мужчинами и женщинами.

---

<sup>1</sup> Во всех таблицах с результатами регрессионного анализа приводятся только данные по статистически значимым переменным, так как объём со всеми предикторами слишком велик.



Таблица 3

*Факторы, влияющие на оценку россиянами последствий, привносимых иммигрантами в экономику страны.  
Результаты регрессионного анализа*

Факторы влияния	Независимые переменные	Нестандартизированные коэффициенты В	Стандартная ошибка	Стандартизированные коэффициенты В	Значимость
Острые проблемы общества	Межнациональные отношения	-0,153	0,055	-0,138	0,005
	Наплыв приезжих	-0,281	0,054	-0,269	0,000
	Низкая рождаемость, убыль населения	0,145	0,040	0,134	0,002
	Безработица	-0,141	0,056	-0,111	0,011
	Воспитание молодежи и подростков	-0,152	0,065	-0,114	0,019
Фактор человеческого капитала	Индекс институционального доверия	0,425	0,058	0,227	0,000
Культурный фактор	Нарушение норм публичного поведения (этики)	-0,279	0,109	-0,120	0,011
Социально-демографический фактор	Тип поселения	0,102	0,036	0,111	0,005

Таблица 4

*Факторы, влияющие на оценку россиянами последствий, привносимых иммигрантами в культуру страны.  
Результаты регрессионного анализа*

Факторы влияния	Независимые переменные	Нестандартизированные коэффициенты В	Стандартная ошибка	Стандартизированные коэффициенты В	Значимость
Острые проблемы общества	Межнациональные отношения	-0,150	0,051	-0,145	0,003
	Наплыв приезжих	-0,170	0,050	-0,173	0,001
	Угроза террористических актов	-0,134	0,051	-0,127	0,009
Усиление уровня национализма	Лозунг «Россия для русских» правильный	-0,293	0,097	-0,123	0,003

Окончание таблицы 4

Факторы влияния	Независимые переменные	Нестандартизированные коэффициенты В	Стандартная ошибка	Стандартизированные коэффициенты В	Значимость
Фактор человеческого капитала	Индекс институционального доверия	0,341	0,073	0,195	0,000
Культурный фактор	Нарушение норм публичного поведения (этики)	-0,279	0,109	-0,120	0,011
	Напряжённость между мужчинами и женщинами	0,165	0,050	0,146	0,001
Социально-демографический фактор	Возраст (количество лет)	-0,009	0,003	-0,114	0,006
	Тип поселения	0,099	0,034	0,117	0,003

Таблица 5

*Факторы, влияющие на оценку россиянами последствий, приносимых иммигрантами в повседневную жизнь страны.  
Результаты регрессионного анализа*

Факторы влияния	Независимые переменные	Нестандартизированные коэффициенты В	Стандартная ошибка	Стандартизированные коэффициенты В	Значимость
Острые проблемы общества	Межнациональные отношения	0,172	0,051	0,168	0,001
	Наплыв приезжих	-0,183	0,050	-0,187	0,000
	Угроза террористических актов	0,116	0,052	0,110	0,025
Усиление уровня национализма	Лозунг «Россия для русских» правильный	0,256	0,098	0,108	0,009
Фактор человеческого капитала	Индекс институционального доверия	0,386	0,073	0,223	0,000
Культурный фактор	Нарушение норм публичного поведения (этики)	-0,089	0,102	-0,042	0,382
	Напряжённость между мужчинами и женщинами	0,131	0,050	0,117	0,009

## Заключение

За исследуемый период с 2018 по 2021 гг. мы наблюдаем, что по всем трём сферам (оценке последствий для экономики, культуры, повседневности) отношение россиян к иммигрантам остаётся преимущественно негативным. Что касается оценки экономики, то мы наблюдаем резкий спад негативного отношения в 2020 г. практически на 10% по сравнению с 2018 г., затем идёт небольшой рост негативного отношения в 2021 г. Однако, мы можем заключить, что в период пандемии оценка изменений, привносимых иммигрантами в экономику, стала немного более нейтральной.

Оценка изменений, которые приносят иммигранты в культуру России, постепенно ухудшалась с 2018 г. и достигла своего негативного максимума в 2021 г.

А вот оценка изменений, привносимых иммигрантами в жизнь России, немного улучшилась в 2020 г., но затем вернулась на предпандемийный уровень, оставаясь такой же негативной (54,4%). Подобное отношение может препятствовать интеграции иммигрантов, что, в свою очередь, может приводить к негативным экономическим и социальным последствиям для принимающего общества.

Факторы, влияющие на отношение к последствиям, привносимым иммигрантами в различные сферы, практически не отличаются в трёх регрессионных моделях, которые мы построили. Чем сильнее в восприятии респондентов острота проблем межнациональных отношений, наплыва приезжих, тем хуже их отношение к иммигрантам. Можно предположить, что в ситуации пандемии принимающее население боится сильного наплыва приезжих как потенциальных носителей вируса.

Также на оценку последствий для экономики оказали значимое влияние переменные оценки остроты проблем безработицы и воспитания молодёжи и подростков; чем сильнее респонденты воспринимают остроту этих проблем, тем хуже оценка изменений, привносимых иммигрантами. Вероятно, респонденты, боящиеся безработицы, будут воспринимать иммигрантов в качестве реальной или воображаемой угрозы, конкурентов.

Чем острее восприятие респондентом проблемы убыли населения и низкой рождаемости, тем, как правило, лучше этот респондент относится к иммигрантам. Такая зависимость вероятно характерна для той доли респондентов, которая осознаёт пользу, приносимую иммигрантами, особенно на рынке труда, ведь местное население не стремится работать на низкоквалифицированных должностях, как показала пандемия, эти места было нечем заменить и наблюдался дефицит рабочей силы.

Индекс институционального доверия оказался значимой переменной во всех трёх регрессионных уравнениях: чем выше он, тем лучше отношение к иммигрантам. Эта позиция многократно воспроизводилась во многих исследованиях, например, П. Козырева и А. Смирнов [10] указывают, что отсутствие доверия является одним из главных факторов сохранения интолерантности в российском обществе.

Из культурных факторов оказывают влияние переменные нарушения норм публичного поведения, а также напряжённость между мужчинами и женщинами, вследствие иных культурных традиций гендерного взаимодействия. Можно предположить, что данные переменные оказались значимыми, потому что именно эти стороны взаимодействия с иммигрантами особенно часто освещаются в СМИ с негативной точки зрения. Из недавних происшествий в нашей стране можно вспомнить случай, когда заступившегося за девушку мужчину в метро жестоко избили дагестанцы<sup>1</sup>. Во всех этих публикациях особенно подчёркивается иная национальность нападавших, что порождает стереотипы о несоблюдении общественных, культурных норм приезжими.

Среди социально-демографических факторов по данным 2021 г. оказались значимыми только переменные типа поселения (чем численность поселения больше, тем хуже отношение) и возраст (чем он выше, тем хуже отношение). Возможно, в крупных городах больше наплыв приезжих, который, как показывают наши результаты, является предиктором негативного отношения к иммигрантам. Что касается возраста, то нами уже было показано [14], что чем старше респондент, тем больше он тратит времени на просмотр телепередач о политике, текущих делах, что коррелирует с негативным отношением к иммигрантам. Как видно из полученных данных, наиболее сильным предиктором оценки последствий для культуры и повседневности России является институциональное доверие, а для оценки последствий в экономике – острое восприятие наплыва приезжих.

Представляется, что для улучшения отношения местного населения к иммигрантам нужны изменения в функционировании социальных институтов. Необходимо, чтобы в решении проблемы убыли населения главным ресурсом оставалось увеличение рождаемости россиян, в результате создания для этого комфортных условий государством, в таком случае наплыв приезжих перестанет так остро восприниматься как угроза вытеснения принимающего населения иммигрантами. Результаты также показывают важность дальнейшего изучения влияния СМИ на отношение местного населения к иммигрантам. Представляется, что

---

<sup>1</sup> Трое дагестанцев избили заступившегося за девушку пассажира метро // Лента.ру : [сайт]. 06.10.2021. URL: <https://lenta.ru/brief/2021/10/07/izb/> (дата обращения: 04.06.2021).

работа в направлении изменения дискурса СМИ, освещающего негативные происшествия с позиции подчёркивания национальных различий, а также, например, описание пользы труда иммигрантов для российского общества, могли бы привести к постепенному уменьшению этнических стереотипов, и как следствие, уменьшению негативного отношения к иммигрантам.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Информация об социально-экономическом положении России : URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/a0oy0RLz/oper-09-2020.pdf> (дата обращения: 15.05.2022).
2. Щербакова Е. Демографические итоги I полугодия 2021 г. // Демоскоп Weekly. 2021. № 911–912. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0911/barom02.php> (дата обращения: 05.05.2022).
3. Масстикова Н. С. Динамика отношения к миграции в России (по данным Европейского социального исследования за 2006–2016 гг.) // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 2 (26). С. 99–116. DOI 10.19181/snsp.2019.7.2.6412. EDN FGOAON.
4. Macías D. V. The COVID-19 Pandemic on Anti-immigration and Xenophobic Discourse in Europe and the United States // Estudios Fronterizos. 2021. Vol. 22. P. 1–22. DOI 10.21670/ref.2103066.
5. The impact of Covid-19 on Public Attitudes to Immigrants // Ecpr : [сайт]. URL: <https://ecpr.eu/Events/Event/PanelDetails/10787> (дата обращения: 05.05.2022).
6. Yamagata M., Teragushi T. The Relationship Between Infection-Avoidance Tendencies and Exclusionary Attitudes Toward Foreigners: A Panel Study of the COVID-19 Outbreak in Japan. 2020 / M. Yamagata, T. Teragushi, A. Miura // PsyArXiv : [сайт]. 05 may 2020. URL: <https://psyarxiv.com/x5emj/> (дата обращения: 05.05.2022).
7. Ji T., Tybur J. M. Generalized or Origin-specific Out-group Prejudice? The Role of Temporary and Chronic Pathogenavoidance Motivation in Intergroup Relations / T. Ji, J. M. Tybur, M. Van Vugt // Evolutionary Psychology. 2019. Vol. 17, № 1. P. 1–14. DOI 10.1177/1474704919826851.
8. The Authoritarian Dynamic During the COVID-19 Pandemic: Effects on Nationalism and Anti-Immigrant Sentiment / T. K. Hartman, T. V. A. Stocks, R. McKay [et al.] // Social Psychological and Personality Science. 2021. Vol. 12, № 7. P. 1274–1285. DOI 10.1177/1948550620978023.
9. Денисенко М. Б., Мукомель В. И. Трудовая миграция в России в период коронавирусной пандемии // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 3. С. 84–107. DOI 10.17323/demreview.v7i3.11637. EDN YTKCBV.
10. Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение / М. К. Горшков, З. Т. Голенкова, Е. Д. Игитханян [и др.] ; Институт социологии Российской академии наук. М. : Новый хронограф, 2010. 256 с. ISBN 978-5-94881-112-3. EDN QOLKGR.
11. Rustenbach E. Sources of Negative Attitudes Toward Immigrants in Europe: A Multi-level Analysis // International Migration Review. 2010. Vol. 44, № 1. P. 53–77. URL: <http://www.jstor.org/stable/20681745>. (дата обращения: 05.05.2022).



12. Hewlett K., Duffy B. Has COVID-19 Reset the Immigration Debate? / K. Hewlett, B. Duffy, R. Benson : URL: <https://www.kcl.ac.uk/policy-institute/assets/has-covid-19-reset-the-immigration-debate.pdf> (дата обращения: 05.05.2022).
13. Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегий политических изменений / С. Г. Айвазова, А. В. Жаворонков, Г. Л. Кертман [и др.] ; отв. ред. С. В. Патрушев, Л. Е. Филиппова. М. : Политическая энциклопедия, 2019. 319 с. ISBN 978-5-8243-2328-3. EDN XGRAOP.
14. Воронина Н. С., Фадеев П. В. Кто настроен против иммигрантов в России? Анализ некоторых социально-демографических характеристик // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11, № 4. С. 99–125. DOI [10.19181/vis.2020.11.4.681](https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.4.681). EDN MIADLD.

## Сведения об авторе

**Н. С. Воронина**

кандидат социологических наук

AuthorID РИНЦ: [725230](https://elibrary.ru/author_index.action?id=725230)

Статья поступила в редакцию 19.09.2022; одобрена после рецензирования 12.01.2023; принята к публикации 10.02.2023.

*Original article*

DOI: [10.19181/snsp.2023.11.1.6](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.6)

## ATTITUDE OF RUSSIANS TOWARDS IMMIGRANTS DURING THE COVID-19 PANDEMIC (2020–2021)

**Natalya Sergeevna Voronina**

Institute of Sociology of FCTAS RAS,

Moscow, Russia,

[navor@bk.ru](mailto:navor@bk.ru),

ORCID [0000-0001-8859-6803](https://orcid.org/0000-0001-8859-6803)

**For citation:** Voronina N. S. Attitude of Russians towards immigrants during the COVID-19 pandemic (2020–2021). *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023; 11(1): 104–123. (in Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.1.6](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.6). EDN GIOGQE.

**Abstract.** The objective of the author was to identify the presence, nature and factors of changes in the attitude of Russians towards immigrants during the coronavirus pandemic. It was revealed that the pandemic exacerbated the problems of natural population decline, and migration flows decreased, thereby reducing the compensation for natural decline by the influx of immigrants. On the one hand, this could increase the negative attitude of the host society towards immigrants, exacerbating the negative consequences of the coronavirus for society. On the other hand, the reduced “contact” with immigrants could switch the perception from immigrants to more acute problems, thereby making the attitude more neutral. For the empirical basis of the analysis the data of the Euro-

pean Social Survey for 2018 were used (for comparison with the pre-pandemic level of attitudes towards immigrants), as well as data from the Department for Comparative Political Studies of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS) for 2020–2021. The results of the analysis demonstrated that the assessment of the changes brought by immigrants to the economy, culture and everyday life of the country remains predominantly negative among Russians. The assessment of the consequences for the economy became more neutral during the study period, the perception of the consequences for the daily life of the country practically did not change, but the assessment of the consequences for culture became more negative. The regression analysis showed that the predictors of the negative attitude of Russians towards immigrants during the pandemic were: the perception of the acuteness of the problems of interethnic relations and the influx of visitors, the problem of increasing unemployment and the education of youth and adolescents, violation of the norms of public behaviour, as well as tension between men and women, the type of settlement (the larger it is, the more negative the attitude). Positive predictors turned out to be the level of institutional trust, age (the younger, the better the attitude), as well as awareness of the severity of the problem of population decline and low fertility in Russia.

**Keywords:** attitude towards immigrants, pandemic, coronavirus, threat, regression analysis, trust, interethnic relations, European Social Survey

**Acknowledgment:** the author expresses his gratitude to A. V. Zhavoronkov for valuable recommendations while working on the article.

## REFERENCES

1. Information about the socio-economic situation in Russia: Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/a0oy0RLz/oper-09-2020.pdf>. (accessed: 04.06.2022). (In Russ.).
2. Sherbakova E. Demographic results for the first half of 2021. *Demoscope Weekly*. 2021; (911–912). (In Russ.). Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0911/barom02.php> (accessed: 05.05.2022).
3. Mastikova N. S. Dynamics of attitudes towards migrants in Russia (according to the European Social Survey 2006–2016). *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika=Sociological science and social practice*. 2019; 7(2): 99–116. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2019.7.2.6412.
4. Macías D. V. The COVID-19 Pandemic on Anti-immigration and Xenophobic Discourse in Europe and the United States. *Estudios Fronterizos*. 2021; (22): 1–22. DOI 10.21670/ref.2103066.
5. The impact of Covid-19 on Public Attitudes to Immigrants. Ecpr [website]. Available at: <https://ecpr.eu/Events/Event/PanelDetails/10787> (accessed: 04.06.2022).
6. Yamagata M., Teragushi T., Miura A. The Relationship Between Infection-Avoidance Tendencies and Exclusionary Attitudes Toward Foreigners: A Panel Study of the COVID-19 Outbreak in Japan. *PsyArXiv*: [website]. 05 may. 2020. Available at: <https://psyarxiv.com/x5emj/> (accessed: 04.06.2022).
7. Ji T., Tybur J. M. Van Vugt M. Generalized or Origin-specific Out-group Prejudice? The Role of Temporary and Chronic Pathogenavoidance Motivation in Intergroup Relations. *Evolutionary Psychology*. 2019; 17(1): 1–14. DOI 10.1177/1474704919826851.

8. Hartman T. K., Stocks T. V. A., McKay R. [et al.]. The Authoritarian Dynamic During the COVID-19 Pandemic: Effects on Nationalism and Anti-Immigrant Sentiment. *Social Psychological and Personality Science*. 2021; 12(7): 1274–1285.
9. Denisenko M. B., Mukomel' V. I. Labor migration during the coronavirus pandemic in Russia. *Demograficheskoe obozreni=Demographic overview*. 2020; 7: 84–107. (In Russ.). DOI [10.17323/demreview.v7i3.11637](https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11637).
10. Gorshkov M. K., Golenkova Z. T., Igitkhanyan E. D. [et al.] Social factors of consolidation of Russian society: A sociological dimension; Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Novyj hronograf. 2010. 256 p. (In Russ.). ISBN 978-5-94881-112-3.
11. Rustenbach E. Sources of Negative Attitudes Toward Immigrants in Europe: A Multi-level Analysis. *International Migration Review*. 2010; 44(1): 53–77. Available at: <http://www.jstor.org/stable/20681745> (accessed: 05.05.2022).
12. Hewlett K., Duffy B., Benson R. Has COVID-19 Reset the Immigration Debate?: Available at: <https://www.kcl.ac.uk/policy-institute/assets/has-covid-19-reset-the-immigration-debate.pdf> (accessed: 04.06.2022).
13. Patrushev S. V., Filippova L. E. Eds. Dominance versus politics: the Russian case. The Effectiveness of the Institutional Structure and the Potential of Policy Change Strategies. Moscow: Politicheskaya enciklopediya; 2019. 319 p. ISBN 978-5-8243-2328-3. (In Russ.).
14. Voronina N. S., Fadeev P. V. Who is opposed to migrants in Russia? Analysis of some socio-demographic characteristics. *Vestnik Instituta sociologii=Bulletin of the Institute of Sociology*. 2020; 11(4): 99–125. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2020.11.4.681](https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.4.681).

## Information about the Author

**N. S. Voronina**

Candidate of Sociology

ResearcherID: [AC-7585-2019](https://orcid.org/0009-0001-9000-0001)

Scopus AuthorID: [57208439607](https://orcid.org/0009-0001-9000-0001)

The article was submitted 19.09.2022; approved after reviewing 12.01.2023; accepted for publication 10.02.2023.



УДК 316.722

DOI: 10.19181/snsp.2023.11.1.7

EDN: DEMZSS

Научная статья

## РОЛЬ «ТРЕТЬЕГО МЕСТА» В ПРАКТИКАХ МОЛОДЕЖНОГО ДОСУГА: ДОМАШНЯЯ ВЕЧЕРИНКА (ХОУМ-ПАТИ) КАК СОЦИАЛЬНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ

**Денис Борисович Литвинцев**

<sup>1</sup> Новосибирский государственный технический университет,  
Новосибирск, Россия,

<sup>2</sup> Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет,  
Новосибирск, Россия

[denlitv@inbox.ru](mailto:denlitv@inbox.ru),

ORCID 0000-0002-0358-3681

**Для цитирования:** Литвинцев Д. Б. Роль «третьего места» в практиках молодежного досуга: домашняя вечеринка (хоум-пати) как социальное мероприятие // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 1. С. 124–137. DOI 10.19181/snsp.2023.11.1.7. EDN DEMZSS.

**Аннотация.** Проблема молодёжного досуга – нередкий объект исследования в современной социологии. Однако российские учёные всё больше уделяют внимания клубной культуре и различным молодёжным субкультурам, нередко упуская из внимания социальный феномен домашних вечеринок. В настоящей статье анализируются результаты отдельных исследований домашних вечеринок в США, Голландии, Дании, Великобритании (Skins Party), бывшем СССР («квартирник») и современной России («вписка» и её различные форматы). Методологической основой исследования является подход Э. Гоффмана, позволяющий рассматривать домашнюю вечеринку как социальное событие развлекательного характера, а также теория «третьего места» Р. Ольденбурга, которым на время вечеринки становится дом. В статье затрагивается исторический аспект домашних вечеринок, золотой век которых начался в Великобритании XIX в. В контексте сакральности мероприятия и институциональной свободы домашняя вечеринка сравнивается с «краш-пэд» коммунной субкультуры хиппи. Отмечается возможность образования тусовки как серии домашних вечеринок, противостоящей дисциплинарной культуре и социальной иерархии. Отдельное внимание уделяется вопросу употребления алкоголя как ритуалу коллективного опьянения во время домашних вечеринок и играм с выпивкой. Вводится понятие домашней квази-вечеринки, основной целью которой является не развлечение, а просвещение, политическая агитация или прямые продажи. Основной идеей статьи является отражение не только негативных, но и позитивных социально-культурных функций домашней вечеринки, рассматриваемой некоторыми исследователями как исключительно девиантная и/или криминогенная форма проведения досуга современной молодёжи.

**Ключевые слова:** жилищная социология, «третье место», досуг, молодёжный субкультурный феномен, домашняя вечеринка, тусовка, квартирник, вписка, игры с выпивкой

## Введение

Хоум-пати <sup>1</sup>, или домашняя вечеринка, как и любая другая – это социальное мероприятие, под которым Э. Гоффман понимал общественное событие, ограниченное местом и временем и обычно поддерживаемое стационарным оборудованием [1]. Социальное мероприятие обладает изменяющейся сущностью, которая возникает с приходом людей и исчезает вместе с их уходом, включая в себя в определённой степени взаимное увлечение его участников и общую ориентацию на развитие самого события, где ранее незнакомые люди могут стать друзьями [2]. Домашняя вечеринка как социальное событие развлекательного характера в молодёжной среде наиболее часто ассоциируется с весельем, громкой музыкой, встречами с друзьями и алкоголем.

«В прошлые выходные нас пригласили на домашнюю вечеринку в Лейк-Форест, штат Иллинойс, которую я не скоро забуду. И это не только потому, что я была в неподходящей для этого одежде. Если быть более объективной, то люди там настораживали, и это в лучшем случае», – именно так начинается описание домашней вечеринки К. Нокс в своём одноимённом произведении [3]. Подобное описание характеризует домашнюю вечеринку не просто как обыденное социальное мероприятие, а как нечто, выходящее за рамки естественного и общепринятого. Неслучайно М. Орекин отмечает, что репрессии против домашних вечеринок <sup>2</sup> вызывают многочисленные споры и обсуждения [4].

Домашняя вечеринка в загородном доме – это воплощение привилегированного образа жизни меньшинства в ушедшей эпохе. Золотой век домашних вечеринок в Великобритании приходится, по мнению А. Тиннисвуда, на время правления королевы Виктории, когда её сын со своими друзьями с энтузиазмом пили, играли в азартные игры и прелюбодействовали в загородных домах по всей стране. Он закончился полвека спустя, когда пьянство, азартные игры и блуд должны были отойти на второй план – после борьбы с фашизмом. Неудивительно, что этот период совпал с ослаблением социальных конвенций, что позволило новым богачам и деятелям искусства более свободно, чем когда-либо прежде, смешаться с традиционным землевладельческим сообществом и бросить вызов старым формальностям [5].

<sup>1</sup> В английском языке встречаются схожие понятия «home party» и «house party». При этом первое употребляется гораздо чаще, и потому неслучайно именно оно было заимствовано в русском языке. Так, например, белорусская поп-фанк группа «Радиоволна» выпустила песню под названием «Хоум-Пати» ещё в 2016 г.

<sup>2</sup> Одним из ответов на борьбу с домашними вечеринками стал приключенческий симулятор «House Party», разработанный студией «Еек! Games, LLC» в 2017 г. Компьютерная игра позволяет погрузиться в атмосферу виртуальной домашней вечеринки в духе классических молодёжных комедий 90-х гг. XX в.



А. Тиннисвуд отмечает чрезвычайно важную вещь для понимания домашних вечеринок как социально-исторического феномена. Детерминантами подобного досуга становятся ослабление социальных конвенций в обществе (что активно наблюдается в период пандемий, войн и т. п.) и противостояние формальным институтам, которые активно насаждаются государством. Фактически, домашняя вечеринка, с точки зрения автора статьи, может рассматриваться как форма ретритизма (по Р. Мертону), как попытка хотя бы на время сбежать из механизированного общества «всеподнадзорности» М. Фуко, забыв об общепринятых целях (материальные ценности и др.) и институциональных средствах их достижения.

### Домашние вечеринки в Европе, СССР и современной России

В современной Великобритании подростковая многосерийная драма «Скины» ("Skins", 2007 г.) породила новый формат домашних вечеринок – Skins Party, где все присутствующие принимают алкоголь, наркотики и занимаются сексом. Это достаточно приватное событие, которое становится для подростков площадкой для различных излишеств, нарушений, девиаций и экспериментов. Во время Skins Party может произойти всё что угодно: домашняя вечеринка – это социальное событие безграничного потенциала, экстатических возможностей и разрыва социальных норм [6]. Таким образом, домашние вечеринки, не утратив своей первоначальной цели, стали в большей степени распространены именно среди молодёжи, а не среди привилегированных слоёв общества, о которых писал А. Тиннисвуд.

В России наиболее близким аналогом британской Skins Party стала, так называемая, вписка<sup>1</sup>. Е. В. Шульгина идентифицирует вписку как вечеринку зачастую малознакомых подростков в отсутствие взрослых, устраиваемую в квартире или в частном доме, принадлежащем участнику, либо арендованном. На вписках подростки предоставлены сами себе, а их действия ничем не ограничены. На вписках приветствуются употребление алкоголя и беспорядочные половые связи, нередко и употребление наркотических веществ. Наибольшей популярностью вписки пользуются у старшеклассников и студентов первых курсов [7]. Вписка, может быть, как запланирована и/или организована посредством сети Интернет, так и иметь спонтанный характер и длиться несколько дней в условиях отсутствия запретов.

Популярность вписок объясняется разрывом социальных связей в первую очередь в больших городах и исчезновением дворовой культуры.

---

<sup>1</sup> Целесообразно отметить, что в конце 80-х гг. вписками назывались просто места для ночлега путешественников-автостопщиков, что позволяло путешествовать по стране с минимальными затратами.

В то же время вписки – это самоорганизация и самотворение, акт творения и праздник культуры, бесконечная позитивность и радость жизни. Подобную трактовку Р. С. Гранин рассматривает как некую экзистенциальную составляющую вписки в духе «дазайна» М. Хайдеггера (нем. “Dasein” – «вот-бытие», «здесь-бытие»). При этом давая собственное определение, Р. С. Гранин определяет вписку как своего рода инициацию, перерождение «из материалистической неподлинной жизни в иную, высшую реальность». Признаком сакральности вписки выступает преодоление различных табу юношами и девушками, находящимися зачастую в возрасте полового созревания [8, с. 94]. Подобная многогранность домашних вечеринок не позволяет рассматривать их как исключительно девиантную или криминогенную форму проведения досуга современной молодёжи.

Идеи сакральности и духовности общины, а также стремление быть свободным (в том числе от формальных институтов) – основополагающие принципы субкультуры хиппи, возникшей в США в середине XX в. и развивавшейся в СССР в 1960–1970 гг. Неслучайно социально отчуждённые молодые люди в том числе посредством домашних вечеринок могли быть вовлечены в эту субкультуру, что в дальнейшем способствовало формированию так называемых «краш-пэд» (англ. “crash pad”), городских и сельских коммун. В отличие от других коммун, у «краш-пэд» нет реальных целей, кроме как служить местом для людей, которые хотят жить вместе [9]. В этом есть значительное сходство «краш-пэд» и вписки, также не имеющих реальной цели, кроме как провести время вместе в своё удовольствие, что, к сожалению, не исключает различных социально-культурных и медицинских последствий.

В сети Интернет можно найти множество описаний реального опыта участия на вписках различных форматов. Среди них в России выделяются<sup>1</sup>:

*Вписки на стороне.* Домашняя вечеринка, на которой все или большинство участников не знакомы друг с другом. Подобная вписка представляет собой максимально непредсказуемое социальное мероприятие, характеризующееся саспенсом (состоянием тревожного ожидания, беспокойства и неопределённости). Однако именно саспенс и привлекает внимание молодёжи к данному формату домашних вечеринок.

*Легион.* Домашняя вечеринка, на которую собираются парами, что в большей степени гарантирует предсказуемость и безопасность вписки, но возможно именно это делает подобный вид социального мероприятия недостаточно привлекательным для молодёжи с точки зрения развлека-

<sup>1</sup> Нижеприведенная классификация не является авторской и основана на обобщении различных ненаучных источников в сети Интернет. См., например: Вписки – что это значит на молодёжном сленге // SOVETS.NET : [сайт]. URL: <https://sovets.net/13924-chto-takoe-vpiska.html> (дата обращения: 20.05.2022).

тельной составляющей. Целесообразно отметить, что гендерный аспект немаловажен для домашних вечеринок. Неслучайно исключительно мужская домашняя вечеринка без девушек носит название «вписка-сосиска» или «сосисочная вечеринка».

*Подводная лодка.* Участники, как правило, не могут покидать домашнюю вечеринку до её окончания, нередко отключают мобильные телефоны и т. п. С одной стороны, подобные ограничения могут свидетельствовать о некой институционализации вписки, что противоречит идее домашней вечеринки как таковой. С другой стороны, именно неформальные правила игры могут разнообразить вписку и будут способствовать получению её участниками неординарного социального опыта (например, цифровой детокс).

*Хастл* (англ. “hustle”). Домашняя вечеринка, которая превращается в «толкотню» за счёт огромного количества гостей. Именно на таком типе вписок существует возможность познакомиться со множеством интересных людей. Это связано в том числе и с так называемым «эффектом коктейльной вечеринки» в терминологии Э. К. Черри: участник вечеринки способен усваивать значимую для него информацию из шума толпы гостей при фокусировке на другом участнике вечеринки [10].

Очевидно, что вписка – это не феномен современной России, а молодёжный вариант хорошо известного советского квартирника<sup>1</sup> с присущей ему, по мнению А. С. Светловой, «особой атмосферой доверительности, интимности, тайны и привкусом запретности, добавлявшим остроты ощущений» [11, с. 90]. На сегодняшний день продолжают организовываться как настоящие квартирники, предназначенные для узкого круга людей, так и стилизованные под квартирники домашние концерты для более широкой публики. Кроме того, в 2015 г. прообраз советского квартирника появился на телевидении в формате развлекательной программы «Квартирник у Маргулиса». О. Цветкова подчёркивает, что квартирники по-прежнему важны как пространство доверительного, интимного общения при минимальных затратах [12].

Как и для квартирника в поздний советский период, для вписки в современной России частный дом или квартира выполняют функцию «третьего места» (многофункционального пространства для коммуникации) по Р. Ольденбургу [13]. Данная идея ещё выдвигалась Е. М. Раскатовой и К. Р. Романовой. Несмотря на то, что «хотя третье место – это радикально отличная от дома обстановка, оно необыкновенно похоже на

---

<sup>1</sup> В современном молодёжном сленге встречается родственное понятие «флэт» (англ. “flat”), обозначающее домашнюю вечеринку именно в квартире, как правило, в дневное время в группе по интересам (например, для прослушивания и обсуждения любимой музыки). Близкий к этому «шаффл» (англ. “shuffle”) – домашняя безалкогольная вечеринка в узком кругу любителей компьютерных и/или настольных игр.

хороший дом по тому психологическому комфорту и поддержке, которую оно предоставляет» [14, с. 41]. В то же время О. А. Леонтович рассматривал квартирник как гибридное пространство – пространство дома как «первое место» и общественное пространство одновременно [15]. Однако не только это способствует тому, что жилище на какой-то момент времени становится пространством для домашней вечеринки. Очевидно, владелец квартиры или дома должен обладать экзогенным типом сознания, что определяет по Ч. Х. Кули предпочтения в пользу гостей и того беспорядка, который они привносят в дом [16].

В определённый момент времени домашняя вечеринка может перерасти в тусовку, которая также возникает спонтанно и является свободным выбором её участников (отсутствует институциональное принуждение). Тусовка возникает как встреча и продолжает существовать как серия таких встреч (например, на вписках), что напоминает, по мнению В. А. Мизиано, сериальное сообщество Ф. Альберони. Тусовка возникает на руинах институциональной культуры и является открытым пространством для свободных от каких-либо обязательств людей. Тусовка усиливает синдром распада дисциплинарной культуры и социальных иерархий, ей не свойственно чувство пропорции, и она всегда склонна к переизбытку (например, алкоголя) [17], что зачастую и предопределяет её образование на основе домашней вечеринки.

### Ритуальное поведение на домашних вечеринках

Опираясь на структурно-антропологическую традицию анализа вечеринок и употребления алкоголя, Я. Демант и Ж. Остергаард рассматривают последнее как обряд перехода (что близко к пониманию вписки как инициации Р. С. Гранина) с феноменологической точки зрения, который помещает социальное событие в повседневную жизнь. Опираясь на концепцию социальности М. Маффесоли и концепцию зонирования пространственной и социальной логики дома С. Линкольна, исследователи показывают, что коллективное опьянение – это один из творческих способов превратить родительскую столовую в пространство для подростковых домашних вечеринок. Социальная логика домашней вечеринки включает коллективное употребление алкоголя, поскольку это символизирует приверженность как самой вечеринке, так и определённой социальной группе (например, друзей). В то же время домашние вечеринки привлекательны не только из-за возможности экспериментировать с алкоголем, но и потому, что они являются способом расширить круг друзей [18].

Алкоголь действительно имеет немаловажное значение на домашних вечеринках, однако на студенческих вечеринках в общежитиях уровень



употребления алкоголя значительно выше. Студенты, проживающие в общежитиях, более снисходительны к алкоголю, чем их сверстники, обитающие в жилых домах [19]. Различные игры с выпивкой (англ. “drinking game”) – чрезвычайно популярное развлечение на домашних вечеринках среди молодёжи. Такие игры имеют правила, определяющие, когда и сколько игроки должны пить, требующие от участников выполнения определённых физических и/или когнитивных задач и поощряющие чрезмерное употребление алкоголя. Эти особенности зачастую приводят к тому, что старшекласники и студенты, играющие в игры с выпивкой, подвержены риску негативных последствий, связанных с алкоголем. Хотя молодые люди осведомлены об опасностях для здоровья, которые могут возникнуть в результате чрезмерного употребления алкоголя или интоксикации, это осознание, по-видимому, не влияет на их решение играть в подобные игры [20]. Целесообразно отметить, что проблемы со здоровьем могут стать одним из возможных последствий домашней вечеринки, однако исследования в Голландии показывают, что в большинстве своём эти проблемы бывают лёгкими, а среднее время пребывания в пункте скорой помощи составляет около получаса [21].

Голландские исследователи также отмечают, что большая часть посетителей домашних вечеринок принимает психоактивные вещества, популярные среди молодёжи [22]. Неслучайно В. Николс указывает на то, что культура студенческих вечеринок, которые зачастую проходят в домашних условиях, противоречит почти всему, чего преподаватели стремятся достичь в стенах университета [23]. В период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19<sup>1</sup> в США многие студенты были вынуждены переехать из общежитий обратно домой к родителям, что увеличило число домашних вечеринок. Однако, несмотря на данное обстоятельство, совершеннолетние студенты продемонстрировали резкое снижение потребления алкоголя по сравнению со студентами в обычных условиях [24].

### Домашние квази-вечеринки: от прямых продаж до политической агитации

Домашняя вечеринка совсем не обязательно может иметь исключительно развлекательный характер. Точнее сказать, это уже будет не домашняя вечеринка в её историческом аспекте и молодёжном представлении, а некое социальное мероприятие со схожим названием, проводимое

---

<sup>1</sup> В период пандемии различные интернет-сервисы для группового общения закономерно набрали невероятную популярность. Среди них на 1-е место по количеству загрузок в App Store вышло приложение “Houseparty” для организации домашних вечеринок онлайн. К сожалению, студией “Eric Games”, которая приобрела сервис в 2019 г., было принято решение о его закрытии в 2021 г.



в домашних условиях с конкретно заданной целью и имеющее во многом институциональную природу.

В конце 30-х гг. XX в. в США «план домашней вечеринки» (англ. “home-party plan”) развивался в связи с популяризацией прямых продаж. Домашняя вечеринка в данном случае представляет собрание женщин в доме «хозяйки» с явной целью развлечься, но на самом деле с целью продажи товаров продавщицей, называемой «демонстрантом» или «дилером». Гостиная превращается в торговый зал, а хозяйка получает подарок от демонстранта за пользование своим домом; гости играют в игры и угощаются закусками. При этом дилер получает комиссию с её продаж и пытается убедить гостей разрешить использование их домов в будущем для той же цели [25]. Начинают развиваться компании, специализирующиеся на продажах во время домашних вечеринок (англ. “home-party companies”), которые манипулируют социальными связями в материальных целях. Наиболее известный среди них американский производитель потребительских товаров “Tupperware” в 1951 г. отказался от продаж через торговые сети и перешёл к технике прямых продаж посредством домашних вечеринок.

Метод, применяемый ранее “Tupperware”, был задействован для организации просветительской работы на домашних вечеринках в Дании среди родителей с низким социально-экономическим статусом, проживающих в неблагоприятных районах. Подобные социальные мероприятия зарекомендовали себя как достаточно эффективные с точки зрения профилактики различных зависимостей [26]. Исследовали в США также доказали позитивный эффект от домашних вечеринок просветительского характера, связанного с профилактикой преждевременных родов и детской смертности. Они определяют подобный подход, который задействует минимум ресурсов, как медицинское просвещение на основе сообщества (англ. “community based”). При этом домашняя вечеринка в данном случае рассматривается как городской ритуал для сбора членов сообщества и обмена информацией [27].

Другой немало известный и популярный за рубежом тип домашних вечеринок не развлекательного характера – это политические, которые проводятся в частном доме с целью поддержки определённого кандидата, политической партии или голосования, или для обмена информацией и мнениями о предстоящих выборах. В России наиболее близкое к этому домашнее мероприятие – это совместное чаепитие, например, людей пожилого возраста с приглашёнными представителями муниципалитета, территориально общественного самоуправления и т. п. Как и политическая домашняя вечеринка, подобное мероприятие направлено в большей степени на публичную агитацию в домашних условиях и политическую пропаганду.

## Заключение

Домашняя вечеринка, будучи социальным мероприятием, возникает с приходом на неё людей и существует во времени и пространстве до их ухода. Исторически домашние вечеринки характеризовались как мероприятия, выходящие за рамки обыденного и естественного. Пробразом современных молодёжных вечеринок являются загородные домашние вечеринки в Великобритании времён королевы Виктории, однако в отличие от современных, они предназначались преимущественно для привилегированного меньшинства. В то же время исторически заданный характер домашних вечеринок сохраняется и по сей день, что характеризует их как социальные мероприятия, направленные на установление и поддержание неформальных контактов, поиск альтернативных форм социальной солидарности за рамками бюрократических институтов, формирование социальных кругов (контактных сообществ) и развитие современных практик молодёжного досуга в условиях ослабления социальных конвенций.

В современном обществе обнаруживается множество схожих форматов домашних вечеринок: *Skins Party* в Великобритании, «вписки» в России, идеологическим предшественником которых были советские квартирники. Место проведения (квартира или частный дом как «третье место»), возраст участников, а также условная свобода действий объединяют домашние вечеринки по всему миру. Чаще всего подобные мероприятия характеризуются спонтанностью, хотя могут быть и запланированы посредством сети Интернет. Популярность домашних вечеринок в современной России связана в том числе с исчезновением дворовой культуры, которая активно развивалась в СССР.

Некая сакральность происходящего на домашних вечеринках роднит их с «краш-пэд» коммунами хиппи, которые также не имели конкретных целей кроме совместного времяпрепровождения в условиях свободы от многочисленных табу. Неслучайно серия домашних вечеринок может перерасти в спонтанную тусовку как сериальное сообщество, неподвластное институциональному принуждению и усиливающее синдром распада дисциплинарной культуры. Коллективное употребление алкоголя задано социальной логикой домашней вечеринки, что символизирует некий обряд перехода и приверженность её участников. При этом на домашних вечеринках степень употребления алкоголя ниже, чем в студенческих общежитиях, несмотря на популярность игр с выпивкой.

Эксплуатируя само название домашней вечеринки, отдельные социальные мероприятия также проводятся в домашних условиях, но имеют своей целью просвещение среди молодёжи, политическую агитацию среди избирателей или прямые продажи, что противоречит самой соци-

альной природе хоум-пати, превращаясь в домашние квази-вечеринки. В то же время демонизация домашних вечеринок в медиа-пространстве задаёт преимущественно негативный дискурс российских исследований, рассматривающих их преимущественно как девиантные и криминогенные формы современного молодёжного досуга, несмотря на возможно неочевидные на первый взгляд социально-культурные функции и социальную природу этого явления.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гоффман Э. Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ / Э. Гоффман ; пер. с англ. А. М. Корбута ; под ред. М. М. Соколова. М. : Элементарные формы, 2017. 382 с. ISBN 978-5-9500244-0-5.
2. *Goffman A. Go to more parties? Social occasions as home to unexpected turning points in life trajectories // Social Psychology Quarterly. 2019. Vol. 82, № 1. P. 51–74. DOI 10.1177/0190272518812010.*
3. *Knox C. The Houseparty // The American Scholar. 1981. Vol. 50, № 3. P. 368–370.*
4. *Orecklin M. You must be over 21 to drink in this living room. A crackdown on house parties stirs up a debate about privacy // Time. 2005. Vol. 165, № 16. P. 142–143.*
5. *Tinniswood A. The house party. A short history of leisure, pleasure and the country house weekend. London : Faber & Faber Ltd., 2020. 144 p. ISBN 978-0571350964.*
6. *Ashe M. Teen-party-machines: representing and consuming teenage rebellion in the “skins party” trailer // Reinvention: An International Journal of Undergraduate Research. 2015. Vol. 8, № 1. URL: [https://warwick.ac.uk/fac/cross\\_fac/iatl/reinvention/archive/volume8issue1/ashe/](https://warwick.ac.uk/fac/cross_fac/iatl/reinvention/archive/volume8issue1/ashe/) (дата обращения: 20.05.2022).*
7. Шульгина Е. В. «Вписки»: сексуальная агрессия подростков // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6, № 4 (24). С. 139–147. DOI 10.19181/snsp.2018.6.4.6091. EDN VOIOOO.
8. Гранин Р. С. «Вписка» как социокультурный феномен // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал. 2020. № 3. С. 93–96. EDN ENWRNJ.
9. *Smith D. E., Rose A. J. Health problems in urban and rural “crash pad” communes // Clinical Pediatrics. 1970. Vol. 9, № 9. P. 534–537. DOI 10.1177/000992287000900913.*
10. *Cherry E. C. Some experiments on the recognition of speech, with one and with two ears // The Journal of the Acoustical Society of America. 1953. Vol. 25, № 5. P. 975–979. DOI 10.1121/1.1907229.*
11. Светлова А. С. Феномен квартирному рок-концерта в СССР и в современной русской культуре // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2019. № 19. С. 89–99. EDN WVTYOK.
12. Цветкова О. Про квартирники // Журнал «Театр». 2018. № 35. URL: <https://oteatre.info/pro-kvartirniki/> (дата обращения: 22.05.2022).
13. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / Р. Ольденбург ; пер. с англ. А. Широкановой. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 456 с. ISBN 978-5-4448-0201-4.

14. Раскатова Е. М., Романова К. Р. «Третье место» как фактор развития культуры советского андеграунда // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 7, № 2. С. 94–99. EDN [WBPDU D](#).
15. *Leontovich O. A.* The semiotic landscape of Volgograd in the context of urban communication studies // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2019. Vol. 12, № 1. P. 97–105. DOI [10.17516/1997-1370-0382](#). EDN [YVNSEH](#).
16. Литвинцев Д. Б. Категория жилища в трудах классиков социологии XIX–XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23, № 1. С. 7–34. DOI [10.31119/jssa.2020.23.1.1](#). EDN [QDGHJC](#).
17. Мизиано В. А. «Тусовка» как социокультурный феномен // Художественная культура XX века: Сб. статей / Ред. В. В. Ванслов, В. П. Толстой, Д. О. Швидковский. М. : ТИД «Русское слово-РС», 2002. С. 352–363. ISBN 5-94853-018-3.
18. *Demant J., Østergaard J.* Partying as everyday life: investigations of teenagers’ leisure life // Journal of Youth Studies. 2007. Vol. 10, № 5. P. 517–537. DOI [10.1080/13676260701594828](#).
19. Where’s the house party? Hazardous drinking behaviors and related risk factors / Zamboanga B. L., Olthuis J. V. [et al.] // The Journal of psychology. 2009. Vol. 143, № 3. P. 228–244. DOI [10.3200/JRLP.143.3.228-244](#).
20. *Zamboanga B. L., Peake P. K.* Moving the house party to the lab: A call for experimental studies on drinking games // Addictive Behaviors. 2017. Vol. 67. P. 18–19. DOI [10.1016/j.addbeh.2016.12.001](#).
21. *Krul J., Girbes A.* Experience of Health-Related Problems during House Parties in the Netherlands: Nine Years of Experience and Three Million Visitors // Pre-hospital and Disaster Medicine. 2009. Vol. 24, № 2. P. 133–139. DOI [10.1017/S1049023X00006695](#).
22. *Ter Bogt T. F. M.* Party people: Personality and MDMA use of house party visitors / T. F. M. Ter Bogt, R. C. M. E. Engels, J. S. Dubas // Addictive Behaviors. 2006. Vol. 31, № 7. P. 1240–1244. DOI [10.1016/j.addbeh.2005.08.005](#).
23. *Nichols W.* Partying and the Mysteries of Student Culture // The Antioch Review. 1993. Vol. 51, № 4. P. 537–550.
24. What happens when the party moves home? The effect of the COVID-19 pandemic on U.S. college student alcohol consumption as a function of legal drinking status using longitudinal data / N. C. Ryerson, O. W. A. Wilson, A. Pena [et al.] // Translational Behavioral Medicine. 2021. Vol. 11, № 3. P. 772–774. DOI [10.1093/tbm/ibab006](#).
25. *Peven D. E.* The Use of Religious Revival Techniques to Indoctrinate Personnel: The Home-Party Sales Organizations // The Sociological Quarterly. 1968. Vol. 9, № 1. P. 97–106. DOI [10.1111/j.1533-8525.1968.tb02290.x](#).
26. *Riper H., Bolier L., Elling A.* The home party: “Development of a low threshold intervention for ‘not yet reached’ parents in adolescent substance use prevention” // Journal of Substance Use. 2005. Vol. 10, № 2-3. P. 141–150. DOI [10.1080/14659890500038756](#).
27. House parties: an innovative model for outreach and community-based health education / T. Anderson-Reeves, J. Goodman, B. Bragg [et al.] // Maternal and Child Health Journal. 2017. № 21. P. 75–80. DOI [10.1007/s10995-017-2378-9](#).



## Сведения об авторе

**Д. Б. Литвинцев**

кандидат социологических наук, доцент

AuthorID РИНЦ: **1043534**

Статья поступила в редакцию 15.11.2022; одобрена после рецензирования 26.01.2023; принята к публикации 10.02.2023.

*Original article*

DOI: [10.19181/snsp.2023.11.1.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.7)

## THE ROLE OF THE “THIRD PLACE” IN THE PRACTICES OF YOUTH LEISURE: HOUSE PARTY (HOME PARTY) AS A SOCIAL EVENT

**Denis Borisovich Litvintsev**

<sup>1</sup> Novosibirsk State Technical University,  
Novosibirsk, Russia,

<sup>2</sup> Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering,  
Novosibirsk, Russia

[denlitv@inbox.ru](mailto:denlitv@inbox.ru),

ORCID [0000-0002-0358-3681](https://orcid.org/0000-0002-0358-3681)

**For citation:** Litvintsev D. B. The role of the “third place” in the practices of youth leisure: house party (home party) as a social event. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023; 11(1): 124–137. (in Russ). DOI [10.19181/snsp.2023.11.1.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.7).

**Abstract.** The problem of youth leisure is a frequent object of study in modern sociology. However, Russian scientists are increasingly paying attention to club culture and various youth subcultures, often overlooking the social phenomenon of house parties. The article analyses the results of individual studies of house parties in the USA, Holland, Denmark, the UK (skins party), the former USSR (“kvartirnik”/home gig) and modern Russia (“vpiska” (inclusion)/shubz and its various formats). For the methodological basis of the study two approaches are used. The approach of E. Hoffmann, that allows us to study a house party as a social event of an entertaining nature, and the theory by R. Oldenburg of the “third place”, that a house becomes during a party. The article touches upon the historical aspect of house parties, their golden age dating back to the 19th century in the UK. In the context of the sacredness of the event and institutional freedom, a house party is compared to a “crash pad” commune of the hippie subculture. The researchers note the possibility of forming a hangout (“tusovka”) as a series of house parties opposing disciplinary culture and social hierarchy. Special attention is paid to the issue of alcohol consumption as a ritual of collective intoxication during house parties and drinking games. The concept of a home quasi-party is introduced, which main purpose is not entertainment, but education, political agitation or direct sales. The main idea of the article is to reflect not only the negative, but also the positive socio-cultural functions of a house party, that is considered by some researchers as an exclusively deviant and/or criminogenic form of leisure of the modern youth.

**Keywords:** housing sociology, “third place”, leisure, youth subcultural phenomenon, house party, “tusovka” (hangout), “kvartirnik” (home gig), “vpiska” (“inclusion”, shubz)



## REFERENCES

1. Goffman E. Behavior in public places: notes on the social organization of gatherings. Translated from the English by A. M. Korbut; ed. by M. M. Sokolov. Moscow: Elementarny`e formy`; 2017. 382 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9500244-0-5.
2. Goffman A. Go to more parties? Social occasions as home to unexpected turning points in life trajectories. *Social Psychology Quarterly*. 2019; 82(1): 51–74. DOI 10.1177/0190272518812010.
3. Knox C. The Houseparty. *The American Scholar*. 1981; 50(3): 368–370.
4. Orecklin M. You must be over 21 to drink in this living room. A crackdown on house parties stirs up a debate about privacy. *Time*. 2005; 165(16): 142–143.
5. Tinniswood A. The house party. A short history of leisure, pleasure and the country house weekend. London: Faber & Faber Ltd.; 2020. 144 p. ISBN 978-0571350964.
6. Ashe M. Teen-Party-Machines: Representing and Consuming Teenage Rebellion in the “Skins Party” Trailer. *Reinvention: An International Journal of Undergraduate Research*. 2015; 8(1). Available at: [https://warwick.ac.uk/fac/cross\\_fac/iatl/reinvention/archive/volume8issue1/ashe/](https://warwick.ac.uk/fac/cross_fac/iatl/reinvention/archive/volume8issue1/ashe/) (accessed: 22.05.2022).
7. Shulgina E. V. “Vpiski”: sexual aggression of teenagers. *Sociological Science and Social Practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2018; 6(4): 139–147. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2018.6.4.6091.
8. Granin R. S. “Vpiska” as a sociocultural phenomenon. *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 3. Philosophy =Social'ny`e i gumanitarny`e nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 3: Filosofiya. Referativny`j zhurnal*. 2020; 3: 93–96. (In Russ.).
9. Smith D. E., Rose A. J. Health Problems in Urban and Rural “Crash Pad” Communes. *Clinical Pediatrics*. 1970; 9(9): 534–537. DOI 10.1177/000992287000900913.
10. Cherry E. C. Some Experiments on the Recognition of Speech, with One and with Two Ears. *The Journal of the Acoustical Society of America*. 1953; 25(5): 975–979. DOI 10.1121/1.1907229.
11. Svetlova A. S. The phenomenon of home rock concert in USSR and in modern Russian culture. *Russkaja rok-poezija: tekst i kontekst=Russian rock poetry: text and context*. 2019; 19: 89–99. (In Russ.).
12. Tsvetkova O. About “kvartirniki”. *Zhurnal “Teatr”=Magazine “Theater”*. 2018; 35. Available at: <https://oteatre.info/pro-kvartirniki/> (accessed: 22.05.2022). (In Russ.).
13. Oldenburg R. Third place: cafes, coffee shops, bookstores, bars, beauty salons and other places of “hanging out” as the foundation of a community. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye; 2014. 456 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4448-0201-4.
14. Raskatova E. M., Romanova K. R. “Third place” as a factor in the development of the culture of the Soviet underground. *News of higher schools. Series “Humanities”=Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Seriya: Gumanitarny`e nauki*. 2016; 7(2): 94–99. (In Russ.).
15. Leontovich O. A. The semiotic landscape of Volgograd in the context of urban communication studies. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2019; 12(1): 97–105. DOI 10.17516/1997-1370-0382.
16. Litvintsev D. B. The category of housing in the classical sociology. *The Journal of sociology and social anthropology=Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2020; 23(1): 7–34. (In Russ.). DOI 10.31119/jssa.2020.23.1.1.

17. Misiano V. A. “Tusovka” as a sociocultural phenomenon. In: Art culture of the twentieth century. Collection of scientific articles / Ed. V. V. Vanslov, V. P. Tolstoy, D. O. Shvidkovsky. Moscow: TID “Russkoe slovo-RS”. 2020; P. 352–363. (In Russ.). ISBN 5-94853-018-3.
18. Demant J., Østergaard J. Partying as everyday life: investigations of teenagers’ leisure life. *Journal of Youth Studies*. 2007; 10(5): 517–537. DOI [10.1080/13676260701594828](https://doi.org/10.1080/13676260701594828).
19. Zamboanga B. L., Olthuis J. V., Horton N. J. [et al.]. Where’s the house party? Hazardous drinking behaviors and related risk factors. *The Journal of psychology*. 2009; 143(3): 228–244. DOI [10.3200/JRLP.143.3.228-244](https://doi.org/10.3200/JRLP.143.3.228-244).
20. Zamboanga B. L., Peake P. K. Moving the house party to the lab: A call for experimental studies on drinking games. *Addictive Behaviors*. 2017; 67: 18–19. DOI [10.1016/j.addbeh.2016.12.001](https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2016.12.001).
21. Krul J., Girbes A. Experience of health-related problems during house parties in the Netherlands: nine years of experience and three million visitors. *Prehospital and Disaster Medicine*. 2009; 24(2): 133–139. DOI [10.1017/S1049023X00006695](https://doi.org/10.1017/S1049023X00006695).
22. Ter Bogt T. F. M., Engels R. C. M. E., Dubas J. S. Party people: Personality and MDMA use of house party visitors. *Addictive Behaviors*. 2006; 31(7): 1240–1244. DOI [10.1016/j.addbeh.2005.08.005](https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2005.08.005).
23. Nichols W. Partying and the Mysteries of Student Culture. *The Antioch Review*. 1993; 51(4): 537–550.
24. Ryerson N. C., Wilson O. W. A., Pena A. [et al.]. What happens when the party moves home? The effect of the COVID-19 pandemic on U.S. college student alcohol consumption as a function of legal drinking status using longitudinal data. *Translational Behavioral Medicine*. 2021; 11(3): 772–774. DOI [10.1093/tbm/ibab006](https://doi.org/10.1093/tbm/ibab006).
25. Peven D. E. The use of religious revival techniques to indoctrinate personnel: the home-party sales organizations. *The Sociological Quarterly*. 1968; 9(1): 97–106. DOI [10.1111/j.1533-8525.1968.tb02290.x](https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.1968.tb02290.x).
26. Riper H., Bolier L., Elling A. The home party: “Development of a low threshold intervention for ‘not yet reached’ parents in adolescent substance use prevention”. *Journal of Substance Use*. 2005; 10(2-3): 141–150. DOI [10.1080/14659890500038756](https://doi.org/10.1080/14659890500038756).
27. Anderson-Reeves T., Goodman J., Bragg B. [et al.]. House Parties: An Innovative Model for Outreach and Community-Based Health Education. *Maternal and Child Health Journal*. 2017; 21: 75–80. DOI [10.1007/s10995-017-2378-9](https://doi.org/10.1007/s10995-017-2378-9).

## Information about the Author

### D. B. Litvintsev

Candidate of Sociology, Associate Professor

ResearcherID: [AAW-5820-2020](https://orcid.org/0009-0001-9000-0000)

Scopus AuthorID: [57220779595](https://orcid.org/0009-0001-9000-0000)

The article was submitted 15.11.2022; approved after reviewing 26.01.2023; accepted for publication 10.02.2023.



УДК 316.4  
DOI: 10.19181/snsp.2023.11.1.8  
EDN: QWSUWA

Научная статья

## ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

**Альберт Русланович Атласкиров**

Кабардино-Балкарский научный центр РАН,  
Нальчик, Россия,  
*ataskirov.albert@yandex.ru*,  
ORCID 0000-0002-4032-2106

**Для цитирования:** Атласкиров А. Р. Цифровая трансформация в традиционном обществе (на примере Кабардино-Балкарской Республики) // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 1. С. 138–156. DOI 10.19181/snsp.2023.11.1.8. EDN QWSUWA.

**Аннотация.** В статье исследуются региональные особенности цифровой трансформации в Кабардино-Балкарской Республике. Если в развитых странах мира и наиболее динамично развивающихся регионах России новейшие информационно-коммуникационные технологии принимаются населением с высокой долей оптимизма и проникают в повседневную жизнь беспрепятственно, то адаптация к вызванным их распространением переменам традиционного общества, в котором люди настороженно относятся к новшествам, имеет ряд существенных особенностей. Выявление этих особенностей было основной задачей представленного в статье исследования, в ходе которого автором было проведено 50 глубинных интервью. Кабардино-Балкария является многонациональным и многоконфессиональным регионом, расположенным на Северном Кавказе. Республика находится вдали от центров экономического роста и по показателям социально-экономического развития входит в число наименее развитых регионов России. Население региона всё ещё остаётся в большей степени приверженным традиционному жизненному укладу. Данные обстоятельства накладывают отпечаток на восприятие населением различных аспектов цифровой трансформации, происходящей во всех сферах общественной жизни. Респонденты отмечают как позитивные, так и негативные стороны данного процесса. Цифровизация даёт толчок к улучшению качества жизни человека, повышается благосостояние, упрощается решение многих бытовых проблем. Вместе с тем, исследование выявило и ряд негативных сторон цифровой трансформации. Вызывает озабоченность задача сохранения в новых условиях традиций и ценностных установок коренных народов региона. Значимой проблемой выступают трансформации, происходящие на рынке труда, что в социально-экономических условиях республики грозит умножением социальных рисков.

**Ключевые слова:** цифровая трансформация, традиционные общества, социальные сети, Кабардино-Балкарская Республика, возможности, угрозы

---

© Атласкиров А. Р., 2023

## Введение

Ускоряющиеся в результате информационно-технологического прогресса глобализационные процессы с каждым годом всё активнее включают окружающий нас материальный мир и сферу человеческих взаимоотношений в пространство цифровых технологий. В повседневной жизни люди стали чаще встречаться с такими явлениями цифровой эпохи, как онлайн-образование, электронный кошелёк, аватар, хакеры и многие другие. Казалось бы, забытое много столетий назад пиратское ремесло, процветавшее на плохо контролируемых просторах мирового океана, вновь расцвело, но уже на просторах другого океана – цифрового. Нельзя не отметить, что вместе с рисками процесс цифровизации различных сторон жизни человека несёт в себе и широкий набор возможностей. Например, высокая социальная значимость ресурсов интернета в полной мере проявилась в период пандемии коронавируса, которая охватила всё человечество в 2020 г. и буквально заставила людей глубже интегрироваться в мир цифровых технологий.

Правительства многих стран, в том числе и России, разрабатывают комплексные планы по «освоению» нового цифрового пространства, видя в нём как возможности, так и угрозы устойчивого развития. По мнению основателя и президента Всемирного экономического форума Клауса Шваба, мир стоит на пороге фундаментальных перемен в жизни общества, которые связаны с технологическими прорывами в различных областях, включая искусственный интеллект, биотехнологии, роботизацию, нанотехнологии и т. д. Он отмечает, что в новую эпоху цифровые технологии, проникнув во все сферы жизни общества, изменят способы общения между людьми [1]. Отвечая на вызовы времени, руководство России разрабатывает различные программы цифровой трансформации, за которые несёт ответственность «цифровой спецназ правительства»<sup>1</sup>. По мнению Михаила Мишустина, Председателя Правительства РФ, «именно благодаря цифровизации были разработаны действенные меры по отслеживанию инфекции, что помогло ответить на серьёзные вызовы, защитить наших граждан»<sup>2</sup>.

В настоящее время цифровизация, т. е. процесс внедрения современных цифровых технологий в различные сферы жизни, набирает обороты. Вклад экономики Рунета в экономику России в 2021 г., по эксперт-

<sup>1</sup> Мишустин объявил о создании в ближайшее время «цифрового спецназа правительства» // Коммерсантъ. 12.03.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4285131> (дата обращения: 12.08.2021).

<sup>2</sup> Мишустин заявил, что своевременная цифровизация в России помогла достойно бороться с пандемией // Комсомольская правда. 23.06.2021. URL: <https://www.kp.ru/online/news/4339210/> (дата обращения: 30.12.2022).



ным оценкам, составил 9,5 трлн руб., что на 42% больше, чем в 2020 г. Аудитория Рунета увеличилась до 97,5 млн человек и составила около 79,9% населения страны старше 12 лет. Каждый день заходят в интернет 92 млн человек <sup>1</sup>. В целом пользователями интернета являются 62,5% мирового населения (4,95 млрд человек) <sup>2</sup>.

Различным аспектам развития и функционирования цифровых технологий в обществе посвящено немало трудов современных исследователей. Выделим некоторые из них. По мнению Мануэля Кастельса, автора сетевой теории, принципиальное отличие современной информационно-технологической революции заключается в том, что новые информационные технологии почти мгновенно охватывают пространство всей планеты [2]. Макафи и Бриньолфсон происходящие в современном мире технологические трансформации называют второй эрой машин. Если первую эру машин они связывают с промышленной революцией XVIII–XIX вв., когда станки сменили ручной труд, то вторая эра машин наступила, по их мнению, с развитием и повсеместным внедрением цифровых технологий. Они отмечают, что человеку не стоит бояться возможностей, которые открывает цифровизация и развитие искусственного интеллекта, но стоит сосредоточиться на открывающихся новых горизонтах. Машина должна не заменить человека, а вместе с ним находить наилучшие пути решения стоящих перед обществом проблем [3].

Интернет перестаёт быть только лишь объектом изучения и превращается в источник данных [4]. Переход на цифровые платформы многих сторон социальных взаимоотношений, будь то работа, досуг, общение или иное, приводит к тому, что люди оставляют в большом количестве цифровые следы. Использование цифровых следов в социологических исследованиях активно развивается, однако интерпретация результатов основывается на теоретических моделях, которые не соответствуют изменившемуся характеру данных. Данные обстоятельства, отмечает И. В. Дудина, предполагают необходимость пересмотра некоторых базовых теоретических моделей обработки данных [5]. Изучение цифровых следов подводит к использованию неактивных методов.

Е. Уэбб с коллегами в 1966 г. предложил использовать термин «неактивные меры» для обозначения данных, которые были собраны методами, не предполагающими непосредственного контакта с исследуемыми и создания искусственных экспериментальных ситуаций [6]. Авторы настаивали, что исследователи в своей работе должны шире использо-

---

<sup>1</sup> Экономика Рунета 2021–2022. 18–20 мая 2022. URL: <https://raec.ru/upload/files/runet-economy-21-22.pdf> (дата обращения: 30.12.2022).

<sup>2</sup> Digital 2022: another year of bumper growth. 26 января 2022. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022-another-year-of-bumper-growth-2/> (дата обращения: 30.12.2022).



вать такие источники данных, как невключённое наблюдение, физические следы деятельности (*physical traces*) и документы. Концепция неактивных методов не обрела широкой популярности, т. к. во второй половине XX в. не было достаточного количества неактивных следов. С развитием цифровых технологий ситуация изменилась, люди начали оставлять больше письменных следов и других свидетельств своей жизни, чем во все предыдущие эпохи [5].

Ю. В. Асочаков, Е. С. Богомякова, Д. В. Иванов считают, что цифровизация в менее урбанизированных, периферийных регионах носит преимущественно принудительный характер и создаёт предпосылки для новой дискриминации – в зависимости от степени включённости людей в виртуальные сети. Исследователи отмечают, что следствием ускоряющихся темпов цифровой трансформации является появление новой формы социального неравенства, которая с середины 1990-х гг. обозначается термином «цифровой разрыв». Если вначале под цифровым разрывом подразумевали наличие или отсутствие доступа людей к компьютерам и к компьютерным сетям, то в настоящее время, в силу широкого распространения мобильных устройств с доступом к интернету, подразумевают разделение на тех, кто умеет, и на тех, кто не умеет пользоваться возможностями всемирной сети. Цифровой разрыв уже не является следствием имущественного положения граждан, а связан с их ценностными ориентациями, стилем жизни [7]. Д. Е. Добринская и Т. С. Мартыненко, исследуя специфику цифрового разрыва в России, выделили социальные и структурные проблемы цифровизации, связанные с устаревшей материальной базой, разнообразием российских регионов, накладывающим ограничения на внедрение современных технологий, и с отсутствием соответствующей образовательной системы [8].

Можно отметить ряд работ, посвящённых проблемам цифровизации в различных регионах России. И. П. Рязанцев, М. А. Подлесная, В. Г. Писаревский и В. И. Рязанцев в своей статье пробуют определить влияние религиозного фактора на отношение населения одного из периферийных регионов страны к цифровой трансформации. В результате исследования авторы приходят к выводу, что религиозность не оказывает влияния на процессы цифровизации в обществе [9]. В. С. Богданов, анализируя государственную политику в области цифровой трансформации, отмечает, что принятые на высшем уровне «стратегические решения по развитию российских регионов, в том числе как и нынешние решения по цифровизации, не подкреплены чёткими прогностическими экспликациями о возможных социотехнических последствиях, которые могут привести к необратимым социальным и технологическим изменениям и не улучшать, а, наоборот, ухудшать состояние и качество жизни главного

субъекта изменений – человека, граждан регионов и страны» [10, с. 79]. По его мнению, одной из ключевых проблем цифровой трансформации в России является отсутствие необходимой культуры внедрения инноваций и технологий обратной связи в обществе, на основе которой можно было бы провести оценку готовности жителей различных регионов страны к цифровизации [11]. Интерес вызывает опыт команды исследователей Московской школы управления «Сколково», представивших проект «Цифровая Россия», призванный оценить уровень цифрового развития российских регионов. В сформированном ими индексе цифровизации субъектов Российской Федерации Кабардино-Балкарская Республика заняла 67-е место<sup>1</sup>. Также выделяются работы, посвящённые проблемам социализации молодёжи в виртуальной среде [12], выявлению значения сетевой активности в современной научной деятельности [13], исследованию влияния цифровизации на состояние политической системы государства [14].

### Постановка исследовательской проблемы и эмпирическая база анализа

В развитых странах мира и наиболее динамично развивающихся регионах России новейшие информационно-коммуникационные технологии принимаются населением с высокой долей оптимизма и проникают в повседневную жизнь беспрепятственно. Процессы адаптации к вызванным их распространением переменам в традиционных обществах, настороженно принимающих новшества, отличаются спецификой, которая изучена еще недостаточно.

Общество Кабардино-Балкарской Республики, несмотря на пройденный этап советской индустриализации и активное проникновение современных цифровых технологий в повседневную жизнь жителей региона, всё ещё остаётся в значительной степени приверженным, привычному укладу жизни [15]. Основой экономики Кабардино-Балкарии является аграрный сектор, а в регулировании общественных отношений доминирующую роль играют традиции и обычаи, закреплённые в социальных нормах. Насущные жизненные проблемы население региона чаще всего решает неформальными способами (используя родственные связи, религиозные отношения, землячества и т. д.) и редко прибегает к помощи государственных и гражданских институтов (правоохранительные органы, общественные организации, профессиональные союзы и т. д.) [16]. В ос-

---

<sup>1</sup> Сводная таблица индекса цифровизации субъектов Российской Федерации : URL: [https://sk.skolkovo.ru/storage/file\\_storage/00436d13-c75c-46cf-9e78-89375a6b4918/SKOLKOVO\\_Digital\\_Russia\\_Application01\\_2019-04\\_ru.pdf](https://sk.skolkovo.ru/storage/file_storage/00436d13-c75c-46cf-9e78-89375a6b4918/SKOLKOVO_Digital_Russia_Application01_2019-04_ru.pdf) (дата обращения: 30.12.2022).

нове представленной работы лежит поиск ответа на вопрос: как общество Кабардино-Балкарии, в регулировании социальных отношений которого всё ещё доминируют традиционные устои народов региона, адаптируется к новой «реальности» повседневной жизни – миру цифровых технологий. Для создания у читателя более полной картины исследования представляется необходимым обозначить некоторые основные социально-экономические показатели, характеризующие Кабардино-Балкарскую Республику.

Кабардино-Балкария – многонациональный и многоконфессиональный регион, расположенный на Северном Кавказе. В республике можно выделить три основные этнические группы: кабардинцы – 57%, русские – 22,4%, балкарцы – 12,6%<sup>1</sup>. Республика находится вдали от центров экономического роста и по показателям социально-экономического развития входит в число наименее развитых регионов России. В рейтинге социально-экономического положения субъектов РФ она занимает 77-е место из 85<sup>2</sup>.

Эмпирической основой представленного в статье анализа являются результаты исследования, проведённого в Кабардино-Балкарии в мае – июне 2021 г., стратегию которого можно назвать разведывательной, выборку – целевой. Полуструктурированными глубинными интервью было охвачено 50 человек, представлявших основные национальности республики (кабардинцы, балкарцы и русские) и разные профессиональные группы: учителей, строителей, банковских работников, программистов, работников аграрной сферы и др. К интервью приглашались работники среднего звена и рядовые работники, имеющие большой стаж работы, профессиональные умения которых нашли признание со стороны коллег. По нашему мнению, именно рядовые работники и работники среднего управленческого звена непосредственно испытывают на себе в наибольшей степени как позитивное, так и негативное влияние цифровизации в повседневной жизни. Поиск и рекрут информантов осуществлялся двумя способами: через личные контакты и поиск информации в профессиональных сообществах. Возраст респондентов – от 28 до 45 лет – обусловлен тем, что исследовательский интерес автора связан преимущественно с особенностями адаптации к нововведениям работников трудоспособного возраста.

Большая часть интервью проходили онлайн (30 из 50) в связи с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой, остальные в формате

<sup>1</sup> Портал Правительства КБР. 2011–2023. URL: <https://pravitelstvo.kbr.ru/> (дата обращения: 22.06.2021).

<sup>2</sup> Рейтинг социально-экономического положения регионов // РИА Новости. 10.05.2022. URL: <https://ria.ru/20220516/ekonomika-1788413061.html> (дата обращения: 30.12.2022).

«face-to-face». Несмотря на то, что в опросе принимали участие представители различных национальностей региона, интервью проходили на общедоступном русском языке. Половина участников интервью проживала в сельской местности, другая половина – в городах. 50% информантов – женщины, 50% – мужчины. Структура гайда интервью включает следующие компоненты: 1) вводная часть – сбор информации об участниках интервью (пол, возраст, место жительства, образование, место работы и т. д.); 2) вторая часть – вопросы, раскрывающие наличие или же отсутствие у респондентов доступа к современным достижениям цифровой эпохи (высокоскоростной выход в интернет, наличие бытовых автономных приборов, уровень цифровизации рабочего места, распространённость цифровых технологий среди друзей и родственников); 3) завершающая часть – выявление мнений участников опроса относительно различных аспектов цифровой трансформации, выделение, позитивных и негативных сторон обозначенного процесса. В анализе интервью основное внимание было сосредоточено на следующих тематических направлениях: трудовые отношения, материальный достаток, коммуникация с окружающим миром, трансформация ценностных ориентиров.

### Цифровизация повседневности в Кабардино-Балкарии: угрозы и возможности

Цифровые технологии по-разному воспринимаются и осваиваются жителями динамично развивающихся мегаполисов и жителями периферийных, отсталых в социально-экономическом отношении регионов. Для одних это может быть в большей степени пространством возможностей (обучение, общение, работа), а для других – предвестником трагичных перемен (исчезновение культур и языков малых народов, трансформация традиционных институтов общества, потеря доходов и т. д.). Итак, на основе анализа полученных в ходе интервьюирования суждений и оценок были выявлены и наиболее значимые угрозы, и возможности развития, которые жители Кабардино-Балкарии видят в цифровой трансформации. Начнём с процессов, которые, по мнению опрошенных, носят негативный характер.

*Угрозы.* Эксперты в своих рассуждениях о социогуманитарных рисках глобальной цифровизации общества отмечают неизбежность негативных последствий для рынка труда [17]. Разделение труда между людьми и искусственным интеллектом, по мнению учёных, будет зависеть от сложности автоматизации задач, связанных с восприятием, творческим интеллектом и социальными навыками [18].



Происходящие в настоящее время и прогнозируемые в ближайшем будущем трансформации на рынке труда <sup>1</sup> таят в себе значимые угрозы социальной стабильности для Кабардино-Балкарии. Если для развитых мегаполисов, таких как Москва и Санкт-Петербург, острота проблемы вытеснения новыми цифровыми технологиями людей из трудовой сферы снижается в связи с наличием большого рынка труда и дефицитом трудовых ресурсов, то для слаборазвитых регионов, у которых и без этого высокие показатели безработицы, данная проблема грозит умножением социальных рисков. Это обстоятельство было отмечено всеми участниками опроса. Так, в ходе интервьюирования строитель, занимающийся стяжкой полов на одной из строек города Нальчик, отметил, что из-за прихода новых технологий в строительную сферу он может потерять работу:

*«Мой начальник купил робота, который автоматически делает стяжку пола. Они думают, что я не знаю об этом. Тестируют его, скрывая от меня. Но пока они не могут справиться с ним, правильно настроить его работу. Думаю, что, когда они его настроят, мне придётся искать новую работу. Наверное, придётся уезжать в Москву»* (муж., 38 лет, руководитель бригады, г. Нальчик).

Отвечая на вопрос интервью, рабочий выразил обеспокоенность возможностью потерять работу, но мы увидели в этой негативной перспективе новые возможности для респондента. Отметив, что его работодатель пока не может наладить работу новой техники, мы спросили рабочего: не задумывался ли он о том, чтобы пройти переобучение и стать оператором робота, ведь очевидно, что им, по крайней мере на данном этапе технического развития, должен кто-то управлять. Наше предложение не вызвало особого энтузиазма у рабочего, он ответил, что уже не молод, чтобы снова учиться. Этот частный случай показывает, что региональным органам власти, особенно в слаборазвитых, депрессивных регионах, следует больше внимания уделять просветительской и профориентационной работе. Для граждан, находящихся в зоне риска, необходимо создать условия для переобучения, что будет способствовать снижению напряжения на рынке труда.

Не менее значимой угрозой для Кабардино-Балкарской Республики, как в целом и для других регионов России, является распространение в интернете информационных потоков, несущих деструктивные мировоззренческие установки. К таковым можно отнести пропаганду радикальных религиозных учений. Несмотря на то, что в последние годы наблюдалось снижение активности религиозных радикалов в реальном мире, в мире цифровом ими развернута активная пропагандистская ра-

<sup>1</sup> The Global Risks Report 2020. World Economic Forum. 15th edition. URL: [http://www3.weforum.org/docs/WEF\\_Global\\_Risk\\_Report\\_2020.pdf](http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risk_Report_2020.pdf) (дата обращения: 13.08.2021).



бота. Например, работница библиотеки, отвечая на вопрос о том, какие угрозы она видит в развитии цифровых технологий, отметила:

*«Я боюсь за своего сына. Он учится в 11 классе и в последнее время много часов проводит в интернете, просматривая различные видеоролики религиозной тематики. На наши замечания он отвечает, что мы ничего не понимаем, что те традиции, по которым мы до сих пор жили, ложные»* (жен., 41 год, работник библиотеки, 20 лет опыта работы, г. Нальчик).

Примечательно, что другой участник опроса, водитель такси, отметил негативное влияние пропагандируемых через социальные сети ценностных установок противоположного характера:

*«Что сейчас молодёжь видит в телефоне: разврат, глупости всякие, кто во что горазд. Чему молодёжь учится? Блогеры, чтобы привлечь подписчиков, делают одну глупость за другой. Молодые на это смотрят и думают, что это норма, так и надо жить. Мы теряем свои ценности, свои традиции»* (муж., 40 лет, водитель такси со статусом «Премиум», 18 лет опыта работы, с. Шалушка).

Подобный набор опасений, высказанный участниками опроса и охватывающий широкое проблемное поле – от распространения ультраконсервативных религиозных учений до распространения пост-материальных ценностей глобального мира в обществе Кабардино-Балкарии, свидетельствует, на наш взгляд, о необходимости установления более «плотного» контроля над информационными потоками в глобальной сети. Это необходимо для фильтрации деструктивной, вредной для целей устойчивого развития российского социокультурного пространства информации. Сложно предсказать последствия неконтролируемого функционирования интернета для общества.

Одним из наиболее ярких примеров негативного влияния неконтролируемого развития цифровых технологий на социальные процессы может служить проблема распространения в социальных сетях так называемых «групп смерти» и «колумбайн-сообществ». Широкое распространение данные явления получили в молодёжной среде, негативно влияя на ещё не сформированную психику молодых людей. «Группы смерти» («Синий кит», «Тихий дом», «Разбуди меня в 4:20» и т. д.), умело манипулируя подростковым сознанием, подводили молодых людей к совершению самоубийств» [19, с. 37]. В ходе интервьюирования учительница среднеобразовательной школы города Нальчика отметила, что участником «группы смерти» был один из её учеников:

*«В один из учебных дней я заметила на руке моего ученика порезы. Затем, в ходе выяснения причин появления данных порезов, выяснилось, что ребёнок увлекается игрой “Синий кит”. Раны на руке были сви-*

детельством прохождения начальных этапов игры, которая должна была закончиться самоубийством. Я сразу сообщила об этом родителям и руководству школы. Однако родители утверждали, что дома он этой игрой увлечься не мог, так как не имеет доступа к интернету. Во всём обвинили школу» (жен., 30 лет, школьный учитель, лауреат премии «Учитель года» в городе Нальчик, с. Жемтала).

Из ответа учительницы следует, что, несмотря на то, что родители запрещают ребёнку пользоваться дома интернетом, широкое распространение «точек» доступа в глобальную сеть снижает значимость подобных ограничений. Необходимо отметить, что в республике данная проблема проявляется не столь часто, но довольно широко и активно обсуждается в социальных сетях. В целом по уровню самоубийств среди подростков Россия находится на одном из первых мест в мире. Однако статистика показывает, что в республиках Северного Кавказа, в том числе и в Кабардино-Балкарии, данный показатель заметно ниже, чем в среднем по стране<sup>1</sup>. Предположим, что отмеченный факт является следствием доминирования среди населения региона традиционных ценностных установок, более крепких семейных отношений с преобладанием многопоколенных типов семей и, следовательно, большего контроля старших членов семьи за жизнью её младших членов.

Ещё одним немаловажным фактором, который выделили практически все участники опроса, была проблема, связанная с сохранением культуры и языков коренных народов республики в эпоху глобализации. В небольших республиках Северного Кавказа, в которых проживают малочисленные народности, данная проблема носит острый характер. В ходе интервью преподаватель местного университета, также являющийся руководителем одной из национальных общественных организаций, отметил:

*«Молодёжь постепенно забывает свой родной язык и культуру. Если в сёлах дети в силу существующей социальной среды всё ещё хорошо знают свой язык и регулярно используют в повседневной жизни, то в Нальчике не то что дети, их родители уже не используют родную речь. Молодёжь пропадает в социальных сетях, а там весь контент на русском или же на английском языке. Функции социализации молодёжи постепенно берёт на себя интернет. Значимость семьи и школы в этом деле снижается»* (муж., 42 года, кандидат исторических наук, доцент кафедры, с. Заюково).

Снижение социализирующей функции семьи особенно чувствительно для малых народов, так как у них основной канал передачи народных традиций и ценностных установок – от родителей к детям. Подобный

<sup>1</sup> Статистика самоубийств среди подростков в России. Справка // РИА Новости. 20.02.2012 (обновлено: 29.02.2020). URL: <https://ria.ru/20120220/570313334.html> (дата обращения: 29.07.2021).

«обрыв» социализации ведёт к конфликту поколений, характеризующемуся тем, что старшие хотят передать свои знания, а молодые люди не готовы эти знания перенять, считают их устаревшими и ненужными. Молодёжь впитывает в себя образцы поведения, транслируемые через социальные сети. В связи с этим актуальной видится позиция О. Н. Яницкого, который, изучая происходящие в современном обществе трансформации, отмечал, что перед социологами возникает необходимость переноса «центра исследовательских методик с опросных методов на изучение траекторий успешных личностей информационной эпохи, их форм адаптации к «удвоенной» реальности» [20, с. 31]. Для многих молодых людей, пропадающих часами в социальных сетях, более значимым примером для подражания служат не родители, а популярные блогеры, транслирующие чаще всего чуждые для традиционных обществ Северного Кавказа ценностные установки.

Также, по мнению большей части опрошенных, значимой проблемой для Кабардино-Балкарии является распространение наркотиков через виртуальные коммуникационные сети, так называемые «закладки». Данный способ распространения наркотиков подразумевает отсутствие прямого контакта между поставщиком, распространителем и потребителем. Связь между ними поддерживается посредством ресурсов интернета. Проблема в республике стояла настолько остро, что граждане, видя неспособность правоохранительных органов справиться с ней, решили организовать и создали народные патрули. В одном из пригородов Нальчика, столицы Кабардино-Балкарии, автор стал свидетелем поимки членами народного патруля одного из закладчиков, которого от народного самосуда спасли приехавшие по вызову сотрудники охраны правопорядка.

*Возможности.* Помимо негативных сторон влияния цифровизации на рынок труда, были отмечены также и положительные стороны цифровой трансформации. Например, появилась возможность удалённой работы при помощи использования ресурсов интернета. Удалённая работа ведёт к изменениям не только режима и оплаты труда, но и в целом ценностных установок граждан. В развитых странах значимую когорту трудовых ресурсов стали представлять фрилансеры, променявшие жёстко регламентированную работу в офисных помещениях на более удобные для себя локации. В Кабардино-Балкарии фрилансеры также постепенно занимают свою нишу на рынке труда. Следует отметить, что зачастую в глазах своих родственников, привыкших к тяжёлому физическому труду, фрилансеры выглядят как бездельники, праздно проводящие свою жизнь. Например, программист, проживающий и работающий в Нальчике, отметил:

*«Родители и родственники не привыкли, что так можно зарабатывать деньги. Меня ругали, пробовали мне найти достойную работу на одном из предприятий аграрного сектора. Это давление закончилось только тогда, когда я купил себе квартиру на заработанные деньги. Семья поняла, что это хорошая работа, а младшие брат и сестра решили пойти учиться в университет по моей специальности» (муж., 34 года, работник одной из крупнейших IT-компаний России, г. Нальчик).*

Подробно разбирает образ жизни фрилансеров в России В. С. Харченко. Она выделяет несколько основных типов: мамалансеры, студенты-фрилансеры, хобби-фрилансеры, опытные фрилансеры, фрилансеры – востребованные работники [21]. В Кабардино-Балкарии довольно распространённым типом фрилансера, если опираться на данную классификацию, является мамалансер. Женщины, родившие детей, создают свои аккаунты в социальных сетях и пробуют продавать через них различные товары и услуги. В большинстве случаев это не приносит значимых доходов, но ряд различных факторов (высокий уровень безработицы, запрет со стороны мужа или других членов семьи на работу, низкий уровень доходов на основной работе и т. д.) подталкивает молодых мам к этому занятию. Так, молодая мама-домохозяйка, которая потеряла работу в банке из-за сокращения штатов в связи с цифровизацией, замечает:

*«Так получилось, что после потери работы, вышла замуж и теперь сижу с ребёнком. Муж сразу сказал, что даже после того, как дети пойдут в школу, не позволит мне работать, так как, по его мнению, женщина должна сидеть дома и воспитывать ребёнка. Поэтому в настоящий момент в своё свободное от домашних хлопот время пробую раскрутить свой инстаграм-магазин для получения дополнительного дохода» (жен., 29 лет, до увольнения работала зам. руководителя офиса в банке, г. Баксан).*

Ответ домохозяйки иллюстрирует довольно распространённую в традиционных обществах Северного Кавказа практику ограничений трудовой деятельности женщин вне семьи, вне дома. Подобный подход широко распространён в мусульманской общине Кабардино-Балкарии. Для многих девушек из таких семей социальные сети выступают наиболее удобными и доступными площадками реализации своих возможностей в образовании, трудовой деятельности и общении.

Ещё одним неоспоримым преимуществом цифровизации, отмеченным всеми респондентами, является снижение бюрократических взаимодействий. Населению, использующему государственные цифровые порталы (например, портал госуслуг), стало проще производить оплату услуг ЖКХ, узнавать о штрафах и оплачивать их, подавать заявки на получение всевозможных справок и т. д. Теперь нет необходимости стоять



в многочасовых очередях, что, соответственно, значимо повышает качество жизни населения. Например, сельский житель, работник тепличного комплекса, отметил:

*«С документами стало гораздо проще. Если раньше, чтобы получить какую-либо справку или оплатить услуги ЖКХ, мы вынуждены были ехать в столицу и часами, переходя от одного кабинета в другой, сидеть в очередях, то сейчас оплачиваем услуги через приложения в телефоне, что очень удобно, или берём талон электронной очереди и приезжаем именно к своему времени, без значительной траты времени решая свой вопрос»* (муж., 41 год, инженер тепличного комплекса, с. Чегем Второй).

Значимым положительным эффектом цифровой трансформации, по мнению большинства участников опроса, являются изменения, происходящие в коммуникативном пространстве общества. Современные технологии позволяют не только переговорить с членом своей семьи, находящимся на расстоянии, но и увидеть его в реальном времени через экран устройства связи (телефон, планшет, смарт-часы и т. д.). Это особенно актуально для Кабардино-Балкарии, где семейные ценности имеют высокую значимость среди населения, но из-за безработицы многие вынуждены уезжать, оставляя свои семьи, в другие регионы страны. Однако, по мнению некоторых участников опроса, каких-либо значимых изменений в практиках общения с другими людьми они не заметили:

*«Да, в социальных сетях появилось множество групп, которые создают одноклассники, однокурсники, соседи по подъезду и т. д. Создаётся иллюзия присутствия, близкого общения, но на самом деле мало кто в этих группах активно общается. Общаются те, кто итак общался бы и без социальных сетей. Другие просто ставят на беззвучный режим или отключают уведомления о сообщении»* (жен., 34 года, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры, г. Нальчик).

Отмеченное обстоятельство заставляет нас задуматься: социальные сети спасают нас от одиночества или же, наоборот, усугубляют данную проблему? Исследовательское внимание привлекает проблема «умножения одиночества» [22], характерная для современного цифрового общества, в традиционном обществе Кабардино-Балкарии.

## Заключение

Представленное исследование позволило выявить перечень основных угроз и возможностей, которые, по мнению респондентов, открывает цифровая трансформация в регионе. Цифровизация даёт толчок к улучшению качества жизни человека, благодаря ей повышается благосостоя-



ние, упрощается решение многих бытовых проблем. Изменился как сам интернет, так и его восприятие гражданами. Если в недавнем прошлом Всемирная сеть была пространством жизни, эскапизма узкого круга людей (программистов, математиков, технологов и т. д.), то в настоящее время выступает для населения и подрастающих поколений как необходимый инструмент социализации и социальной адаптации.

Вместе с тем люди отмечали и негативные стороны цифровой трансформации. Вызывает озабоченность задача сохранения традиций и ценностных установок коренных народов региона в новую эпоху цифровых технологий. Значимой проблемой выступают трансформации, происходящие на рынке труда, что в социально-экономических условиях республики грозит умножением социальных рисков. Участники опроса также выражали опасения, связанные с цифровизацией, охватывающие широкое проблемное поле от распространения ультраконсервативных религиозных учений до утверждения пост-материальных ценностей глобального мира среди населения Кабардино-Балкарии, что свидетельствует, на наш взгляд, о необходимости установления более «плотного» контроля над информационными потоками в глобальной сети. Это необходимо для фильтрации деструктивной, вредной для целей устойчивого развития российского социокультурного пространства информации.

Вопросы, связанные с цифровизацией различных сторон жизни народов Кабардино-Балкарии, необходимо рассматривать в более широком контексте трансформаций, происходящих в традиционных обществах. Современные глобализационные процессы и цифровая трансформация, подкреплённые научно-технологическими достижениями общества, выступают источниками фундаментальных сдвигов в структуре ценностных ориентаций народов Северного Кавказа. Консервативные, закрытые ещё в недавнем прошлом сообщества под воздействием цифровой трансформации постепенно приобщаются к пост-материальным ценностям глобального мира, оставляя традиционные ценности своих народов для учебников истории. Необходимо отметить, что значимость традиционных ценностей в Кабардино-Балкарском обществе снижается, но, несмотря на это, они всё ещё сохраняют доминирующую роль в регулировании общественных процессов [15; 16].

Глобализационные процессы и цифровизация протекают на Северном Кавказе в целом и в Кабардино-Балкарии в частности неравномерно в силу наличия социокультурных особенностей в различных сообществах и зачастую служат источником возникновения конфликтов. Важными представляются выявление степени готовности общества республики к новому миру цифровых технологий и осмысление способов и условий интеграции в новую «реальность». Есть ли в обществе запрос на сохра-

нение традиционной, самобытной культуры или же преобладает стремление приобщения к универсальным пост-материальным ценностям современного цифрового мира? Результаты исследования показывают, что в обществе отсутствует какая-либо однозначная положительная или отрицательная оценка происходящих изменений. Является ли данное обстоятельство признаком того, что традиционное общество республики постепенно адаптируется к происходящим изменениям, тем самым давая ответ на «вызов» новой цифровой эпохи, или же это предвестник будущих конфликтов? Ответ на поставленный вопрос является предметом будущих научных исследований.

### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М : Издательство «Э», 2018. 208 с. ISBN 978-5-699-90556-0.
2. Castells M. The Rise of the Network Society. Oxford : Blackwell, 1996. 656 p. ISBN 9781444319514.
3. Макафи Э., Бриньолфсон Э. Машина, платформа, толпа: наше цифровое будущее / Э. Макафи, Э. Бриньолфсон ; пер. с англ. А. Поникарова. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2019. 320 с. ISBN 978-5-00117-661-9.
4. Rogers R. The End of the Virtual: Digital Methods. Amsterdam : Amsterdam University Press, 2009. 36 p. ISBN 978-90-5629-593-6. DOI 10.5117/9789056295936.
5. Дудина В. И. Цифровые данные – потенциал развития социологического знания // Социологические исследования. 2016. № 9 (389). С. 21–30. EDN **WMAENT**.
6. Webb E., Campbell D. Unobtrusive measures: Nonreactive research in the social sciences // E. Webb, D. Campbell, R. Schwartz [et al.]. Chicago, IL : Rand McNally, 1966. 225 p. DOI 10.1177/000271626636800179.
7. Асочаков Ю. В., Богомягкова Е. С. Новое измерение социального развития: активность и креативность в интернет-коммуникациях / Ю. В. Асочаков, Е. С. Богомягкова, Д. В. Иванов // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 75–86. DOI 10.31857/S013216250012083-4. EDN **ОНАРНС**.
8. Добринская Д. Е., Мартыненко Т. С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19, № 1. С. 108–120. DOI 10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120. EDN **VUHAGN**.
9. Рязанцев И. П., Подлесная М. А. Цифровизация в малом городе: религиозность как фактор влияния? / И. П. Рязанцев, М. А. Подлесная, В. Г. Писаревский и др. // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 4. С. 73–92. DOI 10.17213/2075-2067-2021-4-73-92. EDN **TVJPGW**.
10. Богданов В. С. Организационно-методологические аспекты дистанционного исследования проблем цифровизации регионов с различным уровнем социокультурной модернизации. Часть 1 // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 4 (28). С. 77–84. DOI 10.19181/snsp.2019.7.4.6801. EDN **GNYJOJ**.

11. Богданов В. С. Организационно-методологические аспекты дистанционного исследования проблем цифровизации регионов с различным уровнем социокультурной модернизации. Часть 2 // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 1 (29). С. 131–149. DOI 10.19181/snsp.2020.8.1.7100. EDN **YXCVPI**.
12. Шаповалова И. С. Влияние интернет-коммуникаций на поведение и интеллектуальное развитие молодёжи // Социологические исследования. 2015. № 4 (372). С. 148–151. EDN **TRRQPZ**.
13. Душина С. А., Хватова Т. Ю. Академические интернет-сети: платформа научного обмена или инстаграм для ученых? (На примере ResearchGate) / С. А. Душина, Т. Ю. Хватова, Г. А. Николаенко // Социологические исследования. 2018. № 5 (409). С. 121–131. DOI 10.7868/S0132162518050112. EDN **URNLXS**.
14. Чижов Д. В. Векторы развития электронной электоральной демократии // Информационное общество. 2019. № 3. С. 11–22. EDN **YVPCFN**.
15. Атласкиров А. Р. Трансформации в системе ценностных ориентаций молодёжи Кабардино-Балкарской Республики // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, № 4. С. 3–13. DOI 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-1. EDN **KUZOPN**.
16. Атласкиров А. Р. Региональные особенности становления гражданского общества в Кабардино-Балкарской Республике // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11, № 4. С. 82–98. DOI 10.19181/vis.2020.11.4.679. EDN **ONZNMK**.
17. Degryse C. Digitalisation of the Economy and its Impact on Labor Markets. Brussels : European trade union institute, 2016. 80 p. DOI 10.2139/ssrn.2730550.
18. Либин А. В., Либина Е. В. Социогуманитарные риски глобальной цифровизации общества / А. В. Либин, Е. В. Либина, Н. И. Архипова и др. // Информационное общество. 2019. № 3. С. 23–32. EDN **OVJUPM**.
19. Баева Л. В. «Группы смерти» и «колумбайн-сообщества» в онлайн-культуре и реальном социуме // Информационное общество. 2019. № 3. С. 33–42. EDN **ZAFFHO**.
20. Яницкий О. Н. Вызовы и риски глобализации. Семь тезисов // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 29–39. DOI 10.31857/S013216250003745-2. EDN **ZAKIAN**.
21. Харченко В. С. Образ жизни российских фрилансеров: социологический анализ // Социологические исследования. 2014. № 4 (360). С. 54–63. EDN **SEIJMN**.
22. Turkle S. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. New York : Basic Books. 2011. 384 p. ISBN 978-0-465-01021-9.

## Сведения об авторе

**А. Р. Атласкиров**

кандидат социологических наук

AuthorID РИНЦ: **974428**

Статья поступила в редакцию 09.11.2022; одобрена после рецензирования 19.01.2023; принята к публикации 06.02.2023.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2023.11.1.8

## DIGITAL TRANSFORMATION IN TRADITIONAL SOCIETY (ON THE EXAMPLE OF THE KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC)

**Albert Ruslanovich Atlaskirov**

Kabardino-Balkarian Scientific Center of Russian Academy of Sciences,  
Nalchik, Russia,

*atlaskirov.albert@yandex.ru*,

ORCID 0000-0002-4032-2106

**For citation:** Atlaskirov A. R. Digital transformation in traditional society (on the example of the Kabardino-Balkarian Republic). *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023; 11(1): 138–156. (in Russ.). DOI 10.19181/snsp.2023.11.1.8.

**Abstract.** Expanding as a result of information and technological progress, the processes of globalization are immersing the material world and the sphere of human relationships in the space of digital technologies. Leading experts note that the world community is on the verge of fundamental changes associated with technological breakthroughs in various fields of knowledge. The article discusses the regional features of digital transformation in the Kabardino-Balkarian Republic. If in developed countries and the most dynamically developing regions of Russia, the transition of society to a new era of digital technologies is a logical, natural, from the point of view of evolutionary development, phenomenon, then what is this process like in traditional societies? This question was central to the present work. The results of the study showed that people rightly point out both the positive and negative aspects of digital transformation. The problem of mass layoffs is relevant. People are afraid that robots and computer programs will force them out of the labor market. This problem is especially acute in such an economically depressed region as the Kabardino-Balkarian Republic. Also, people are concerned about the erosion of the cultural foundations of the titular peoples of the region, as a result of the processes of globalization, which are taking place with particular intensity in the digital world. At the same time, the respondents noted the presence of significant positive aspects of digital transformation. Welfare increases, the solution of many everyday problems is simplified, the quality of human life improves.

**Keywords:** digital transformation, traditional societies, social networks, Kabardino-Balkarian Republic, opportunities, threats

### REFERENCES

1. Schwab K. The fourth industrial revolution. Moscow: Izdatel'stvo "E"; 2018. 208 p. (In Russ.). ISBN 978-5-699-90556-0.
2. Castells M. The rise of the network society. Oxford: Blackwell; 1996. 656 p. ISBN 9781444319514.
3. McAfee A., Brynjolfsson E. Machine, platform, crowd: harnessing our digital future. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber; 2019. 320 p. (In Russ.). ISBN 978-5-00117-661-9.



4. Rogers R. The end of the virtual: digital methods. Amsterdam: Amsterdam University Press; 2009. 36 p. ISBN 978 90 5629 593 6.
5. Dudina V. I. Digital data potentialities for development of sociological knowledge. *Sociologicheskie issledovanija=Sociological Studies*. 2016; 9: 21–30. (In Russ.).
6. Webb E., Campbell D., Schwartz R. [et. al.] Unobtrusive measures: nonreactive research in the social sciences. Chicago, IL: Rand McNally; 1966. 225 p. DOI 10.1177/000271626636800179.
7. Asochakov Yu. V., Bogomiagkova E. S., Ivanov D. V. New Dimension of Social Development: Activities and Creativity in the Internet Communications. *Sociologicheskie issledovanija=Sociological Studies*. 2021; 1: 75–86. (In Russ.). DOI 10.31857/S013216250012083-4.
8. Dobrinskaya D. E., Martynenko T. S. Perspectives of the Russian information society: Digital divide levels. *Vestnik RUDN. Serija: Sociologija=RUDN Journal of Sociology*. 2019; 19(1): 108–120. (In Russ.). DOI 10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120.
9. Ryazantsev I. P., Podlesnaya M. A., Pisarevsky V. G. [et al.] Digitalization in a small town: religiosity as a factor of influence? *Vestnik Uzno-rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (NPI). Serija: Social'no-ekonomicheskie nauki=Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI) Series Socio-Economic Sciences*. 2021; 14(4): 73–92. (In Russ.). DOI 10.17213/2075-2067-2021-4-73-92.
10. Bogdanov V. S. The organizational and methodological aspects of remotely researching the issues arising from the digital transformation of regions with different levels of social and cultural modernization. Part I. *Sociologičeskaja nauka i social'anja praktika*. 2019; 7(4): 77–84. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2019.7.4.6801.
11. Bogdanov V. S. The organizational and methodological aspects of remotely researching the issues arising from the digital transformation of regions with different levels of social and cultural modernization. Part II. *Sociologičeskaja nauka i social'naja praktika*. 2020; 8(1): 131–149. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2020.8.1.7100.
12. Shapovalova I. S. Internet-communications impact of behavior and intellectual development of young people. *Sociologicheskie issledovanija=Sociological Studies*. 2015; 4: 148–151. (In Russ.).
13. Dushina S. A., Khvatova T. Yu., Nikolaenko G. A. Academic Internet networks: a platform for scientific exchange or Instagramm for scientists? (The case of ResearchGate). *Sociologicheskie issledovanija=Sociological Studies*. 2018; 5: 121–131. (In Russ.). DOI 10.7868/S0132162518050112.
14. Chizhov D. V. Vectors of electoral e-democracy development. *Informacionnoe obshestvo=Information Society*. 2019; 3: 11–22. (In Russ.).
15. Atlaskirov A. R. Transformations in the system of value orientations of youth of the Kabardino-Balkarian Republic. *Nauchnyj rezul'tat. Sociologija i upravlenie=Research Result. Sociology and management*. 2019; 5(4): 3–13. (In Russ.). DOI 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-1.
16. Atlaskirov A. R. The regional specifics of the development of a civil society in the Kabardino-Balkarian Republic. *Vestnik instituta sotziologii=Bulletin of the Institute of Sociology*. 2020; 11(4): 82–98 (In Russ.). DOI 10.19181/vis.2020.11.4.679.
17. Degryse C. *Digitalisation of the economy and its impact on labor markets*. Brussels: European trade union institute; 2016. 80 p. DOI 10.2139/ssrn.2730550.
18. Libin A. V., Libina E. V., Arkhipova N. I. [et al.]. Societal risks of global digitalization. *Informacionnoe obshestvo=Information Society*. 2020; 3: 23–32. (In Russ.).



19. Baeva L. V. The “death group” and “the columbine community” in online culture and real society. *Informacionnoe obshestvo=Information Society*. 2020; 3: 33–42. (In Russ.).
20. Yanitzky O. N. Challenges and risks of globalization. Seven theses. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2019; 1: 29–39. (In Russ.). DOI 10.31857/S013216250003745-2.
21. Khartchenko S. V. Way of life of Russian free-lancers – a sociological analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2014; 4: 54–63. (In Russ.).
22. Turkle S. *Alone together: why we expect more from technology and less from each other*. New York: Basic Books; 2011. 384 p. ISBN 978-0-465-01021-9.

## Information about the Author

**A. R. Atlaskirov**

Candidate of Sociology

The article was submitted 09.11.2022; approved after reviewing 19.01.2023; accepted for publication 06.02.2023.



УДК 316.42

DOI: [10.19181/snsp.2023.11.1.9](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.9)

EDN: PKZQEZ

Научная статья

## СТРАТЕГИИ СОХРАНЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ : ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКИЙ КОНТЕКСТЫ

**Константин Александрович Галкин**

Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН,  
Санкт-Петербург, Россия

[kgalkin1989@mail.ru](mailto:kgalkin1989@mail.ru),

ORCID [0000-0002-6403-6083](https://orcid.org/0000-0002-6403-6083)

**Для цитирования:** Галкин К. А. Стратегии сохранения индивидуального здоровья пожилых людей: городской и сельский контексты // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 1. С. 157–172. DOI [10.19181/snsp.2023.11.1.9](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.9). EDN PKZQEZ.

**Аннотация.** В статье рассматриваются особенности, которые в региональном аспекте влияют на выбор пожилыми людьми различных стратегий сохранения индивидуального здоровья. Делается вывод, что индивидуальное здоровье пожилых зависит от конкретной социальной среды, а также от индивидуальных психологических и физиологических факторов, от активности и автономности в принятии решений. Исследование проводилось Социологическим институтом РАН – филиалом ФНИСЦ РАН в 2022 году с марта по сентябрь в двух регионах Российской Федерации: Санкт-Петербурге и сельской местности Республики Карелия. Основной исследовательский метод – полуструктурированные интервью, подход к анализу данных интервью – тематический. Одним из результатов анализа стало выявление специфических факторов двух стратегий сохранения здоровья, характерных для пожилых людей: самопомощь, отличительными особенностями которой являются автономность в социальной среде, плохое материальное положение представителей данной стратегии и поиск ими альтернативных способов лечения; и стратегия получения помощи, связанная с доверием пожилых людей к институциональной медицине, с наличием у них опыта лечения хронического заболевания и более высокого материального положения. Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что пожилые люди при выборе той или иной стратегии руководствуются такими факторами как: уровень доверия социальной среде в целом и профессиональной медицине в частности; индивидуальные психологические и эмоциональные аспекты представлений о сохранении своего здоровья; уровень личного материального благосостояния.

**Ключевые слова:** пожилые люди, здоровье пожилых людей, город, сельская местность, забота о здоровье пожилых людей

## Введение

В современной России, как и большинству европейских стран, происходит старение населения. При этом вопросы организации ухода за пожилыми людьми, равно как и вопросы организации заботы о пожилых людях, становятся всё более важными для современной российской социальной политики и обслуживания пожилых.

С одной стороны, существует наследие советского прошлого, а именно – государственная система заботы о пожилых людях. Она организуется в современной России через социальные службы, но, как правило, характеризуется некачественной социальной помощью. С другой стороны, в России всегда существовала неформальная помощь пожилым людям. Был соседский уход, который в некоторых случаях, например, в сельской местности, безальтернативно выступал единственным способом поддержки пожилых людей [1]. Вопрос заботы о пожилых людях наиболее остро стоит в российском обществе на территориях, находящихся на удалении от крупных урбанизированных центров. Центры социального обслуживания и предоставления социальных услуг, как правило, расположены в районных центрах и крупных городах регионального значения. При этом медицинские услуги в сельской местности и посёлках городского типа часто предоставляются фельдшерскими и акушерскими пунктами, которые проводят профилактическое лечение различных заболеваний, а также оказывают первичную скорую помощь в экстренных случаях, при резком ухудшении состояния здоровья и наличии угрозы жизни пациента.

Государственная политика и социальные программы для поддержки старших возрастных групп в России до недавнего времени были в основном ориентированы на решение задач медицинского обеспечения и проблем, связанных с естественным старением населения. Была создана государственная гериатрическая служба, одна из задач которой – создание и развитие сети гериатрических госпиталей и больниц, а также системы реабилитационных учреждений для пожилых людей [2].

Территориальное распределение учреждений гериатрической службы довольно неравномерно: оно охватывает преимущественно крупные города и города федерального значения, но не сельскую местность и малые города, где медико-социальные проблемы пожилых людей часто остаются без внимания. Гериатрическая служба России имеет не вполне удовлетворительную правовую базу, не располагает вертикальными управленческими связями. Также существуют сложности с подготовкой врачей-гериатров, такая должность есть лишь в крупных медицинских учреждениях и не включена в штатное расписание поликлиник [3].

В статье рассматривается специфика здоровья пожилых людей, исследуется самооценка состояния здоровья и такие субъективные параметры жизни пожилых людей – важные компоненты их индивидуального здоровья, как выбор стратегии сохранения здоровья и стратегии лечения. Понятие индивидуального здоровья отличается от обширного понятия «здоровье» тем, что соотносится с индивидуальными и эмоциональными аспектами понимания здоровья в целом, а не с количественными показателями уровня здоровья и его специфики.

### Постановка проблемы и теоретический контекст

Одной из доминирующих категорий, которая становится практически синонимичной старости и возрасту, выступает категория здоровья. И именно в терминах здоровья и физического состояния (или самочувствия) анализируются особенности восприятия возраста пожилыми людьми. Как отмечает А. Смолькин, «в старости значительная часть событий и действий начинает измеряться или оцениваться человеком в терминах здоровья, а не удовольствий или необходимости. Сама функциональность как основа нормы зависит от возможностей медицинского вмешательства» [4, с. 137].

Следовательно, при возникновении заболевания у пожилого человека, помимо самого факта его наличия, который фиксирует медицина, возникает также изменение отношений пожилого человека с окружающими, ощущение чувства собственной ненужности и незначимости, осознание утраты физических возможностей и прежних активностей [5; 6; 7; 8].

Изучение проблем помощи пожилым людям позволило более чётко дифференцировать их по возрастным группам. Современные исследователи возраста отмечают, что в понимании и осмыслении старения важная роль отводится ряду дифференцирующих факторов, таких как различные неравенства, существующие в рамках территорий, разный уровень развития здравоохранения и геронтологической помощи пожилым людям, особенности социальной структуры местных сообществ [9; 10]. Поэтому важным становится исследование социальных проблем людей старшего возраста, новое звучание приобретают дискурсы, касающиеся индивидуального восприятия пожилыми людьми своего места в обществе, своих ролей, потребностей, интересов и ценностных ориентаций, своего социального самочувствия.

Ранее здоровье пожилых людей рассматривалось как данность, то есть при развитии программ активного долголетия во внимание принимались объективные, медикализованные параметры понимания хорошего и плохого здоровья и его улучшения. А субъективные параметры, такие

как эмоциональные переживания и психологическое состояние, оценка соматического состояния индивида, оставались незатронутыми [11]. Немаловажным компонентом, требующим изучения, выступает рассмотрение специфики социального исключения и изолированности пожилых людей в региональном аспекте и, как следствие, особенностей индивидуального состояния здоровья пожилых.

Понятие индивидуального здоровья – новое в описании жизни пожилых людей. Если ранее важным параметром при анализе группы пожилых людей было исследование общего самочувствия и благосостояния, куда, как правило, включались различные экономические показатели, такие как уровень дохода и развитие конкретной страны, где проживали пожилые люди, то после того, как произошёл сдвиг в сторону изучения субъективного состояния жизни пожилых людей, специалисты обосновали понятие индивидуального здоровья как наиболее полно отражающего субъективное восприятие пожилыми своего состояния здоровья, своих активностей и психологических состояний и эмоциональных переживаний на уровне конкретных индивидов [12; 13].

Следует отметить сложности качественного анализа и измерения индивидуального здоровья пожилых людей из-за воздействия на эту категорию множества различных факторов. Последние исследования не оставляют попыток измерения индивидуального здоровья с целью выделения ключевых критериев для описания данной категории населения, например таких, как материальное положение, возраст, социальный статус, образование и условия жизни пожилых людей в рамках тех или иных локаций [14; 15]. Важным при этом выступают не только психологические характеристики жизни пожилых людей и специфика их индивидуального восприятия сложностей, возникающих в различных локациях, но и изучение социальных неравенств, взаимодействий с врачами и медицинским персоналом, а также позиционирования (социального конструирования) их возраста для понимания стратегий сохранения пожилыми людьми индивидуального здоровья [16]. В большинстве количественных исследований понятие «индивидуальное здоровье» связывается со множеством различных переменных. Преимущественно оно связано с оценками субъективного благополучия, в рамках которого рассматривается удовлетворённость жизнью, позитивные, негативные эффекты и реакции на сложности в жизни, а также особенности окружающей среды, – всё это вместе формирует субъективное благополучие исследуемой группы [17; 18; 19]. Здоровье в данном случае интегрировано в целый комплекс различных параметров, но не рассматривается как многомерная характеристика сама по себе и не имеет определяющих факторов с точки зрения индивидуальных психологических, эмоцио-



нальных критериев, которые оказывают влияние на понимание своего здоровья, и социальных характеристик [20].

В описываемом исследовании на примере рассмотрения стратегий сохранения пожилыми людьми индивидуального здоровья мы анализируем психологические и социальные факторы, влияющие на каждую стратегию, и их взаимосвязь. Операционализируя понятие «индивидуальное здоровье», мы определяем его как совокупность индивидуальных физических и психологических факторов, влияющих на здоровье конкретного индивида, а также социальных факторов, таких как коммуникация и взаимодействие с врачами, соседская помощь, разница в качестве оказания медицинской помощи в городе и на селе.

Под стратегиями сохранения индивидуального здоровья мы понимаем процесс сохранения и укрепления здоровья на основе осознания человеком личной ответственности за этот процесс, выраженный в ряде психологических и социальных характеристик жизни индивидов. Анализируя стратегии сохранения пожилыми людьми индивидуального здоровья, мы ориентируемся на рассмотрение стратегий сохранения здоровья как системы действий, направленных на улучшение собственного здоровья и являющихся индивидуальным проявлением отношения человека к своему здоровью в контексте выбора пути лечения и способов обращений за помощью.

## Методы и эмпирическая база

Методом сбора информации в исследовании выступают полуструктурированные интервью (количество респондентов составило 40 человек) проживающих в Санкт-Петербурге и сёлах Республики Карелия, – по 20 интервью из каждой локации. Исследование проводилось с марта по сентябрь 2022 года сотрудником Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН. Возраст информантов: от 65 до 90 лет. Все информанты были неработающими пожилыми людьми, которые до выхода на пенсию имели различные профессии и образование; у трети информантов было высшее образование, остальные в основном имели среднее образование и работали в сельскохозяйственном секторе. Совокупность опрошенных формировалась с учётом максимальной возрастной и гендерной гетерогенности. В ходе анализа обозначались ключевые темы, которые относились к практикам заботы об индивидуальном здоровье пожилых людей, на основании чего в исследовании были выделены стратегии сохранения индивидуального здоровья.

Интервью кодировались с применением метода тематического анализа, а именно – секвенционного кодирования [21; 22], в рамках которого мы последовательно проходили несколько ключевых этапов.

Первый этап (см. ниже) – выделение смысловых структур, которые стали основой для описания ситуаций сохранения пожилыми людьми индивидуального здоровья в их повседневности. На этом этапе мы идентифицировали секвенции, отражающие ключевые исследовательские темы, которые связаны с определением стратегии сохранения здоровья:

- психологические факторы сохранения индивидуального здоровья (и препятствия к этому);
- физические факторы сохранения индивидуального здоровья (и препятствия к этому);
- социальные факторы в рамках конкретной локации, где проживал пожилой человек.

Второй этап был связан с анализом речи информантов, его/её рассказа о своём индивидуальном здоровье, понимания собственного здоровья и возможностей его сохранения. Здесь мы уделяли большое внимание эмоциональному содержанию нарратива и анализировали, как сами пожилые люди рассказывали о своём здоровье, говорили о сложностях, с которыми им приходилось сталкиваться в жизни в селе и в городе.

В рамках третьего этапа анализа нарративов нами были выделены ключевые субтемы, через которые пожилые люди описывали своё индивидуальное здоровье. Эти субтемы затем стали основой выделения двух стратегий сохранения индивидуального здоровья.

Среди ключевых субтем выделялись следующие:

- автономность/неавтономность лечения пожилых, их обращения за медицинской помощью;
- широта распространения каждой стратегии в городе и сельской местности;
- ценность здоровья пожилых людей в различных локациях;
- отношение к своему здоровью;
- коммуникация, социальные взаимодействия в локациях, в которых проводилось исследование.

Ограничения настоящего исследования обусловлены небольшой выборкой и сравнением только двух регионов.

## Результаты исследования

Оценка индивидуального здоровья пожилыми людьми выступает важным компонентом в контексте понимания ими своей активности и возможности быть интегрированными в социум, в социальную жизнь. Немаловажным выступает тот факт, что объективное состояние здоровья нередко не соответствует календарному возрасту в контексте оценки индивидуального здоровья. Например, пожилые люди из группы 75+, которые имели различные соматические трудности и сложности с передви-

жением, оценивали состояние своего здоровья как достаточно «бодрое», а пожилые люди из группы 65+, не имевшие хронических заболеваний, наоборот, говорили о всевозможных трудностях и проблемах со здоровьем. В рамках исследования нами были выделены две стратегии сохранения индивидуального здоровья пожилыми людьми.

*Стратегия самопомощи.* Те пожилые люди, которые были ориентированы на субъектно-субъектные отношения, не считали, что из-за возраста они должны занимать нижнюю ступень иерархии или же выступать в качестве объекта помощи. Как правило, такая позиция была характерной для стратегии самопомощи и определялась тем, что пожилые люди в рамках сохранения своего индивидуального здоровья ориентировались на то, что они самостоятельно могут создать для себя необходимые условия, чтобы быть независимыми от тех рамок, которые создаёт и задаёт государственная медицина. Последняя обычно определялась представителями стратегии самопомощи как несостоятельная. В частности, описывались сложности, ограничивающие лечение:

*«Я считаю, что, как ни говори, на вооружение должна быть взята европейская система, и по-другому здесь быть не может. Судите сами: то, что сегодня предлагается пожилым людям в плане лечения, – это сплошные ограничения, которые вообще ни к чему нормальному привести не могут. И значит, надо стараться заботиться о том, чтобы искать альтернативы. Я такие альтернативы ищу, обращаясь к врачам по знакомству, нередко прибегая к платным услугам врачей, хотя и знаю, что качество платной медицины не очень. Но всё равно делать нечего: часто это единственный выход вообще» (ж., 78, Санкт-Петербург).*

В рамках интервью с пожилыми людьми нам удалось выяснить, что наиболее важным фактором при следовании стратегии самопомощи в рамках сохранения своего индивидуального здоровья выступает материальное положение. При этом фиксируется чёткое разделение между городом и сельской местностью. Так, в городе представители стратегии самопомощи имели более высокий доход и, следовательно, чаще обращались за помощью к услугам платной медицины или за консультациями к врачам, которых они находили по знакомству или рекомендациям, услуги которых также были платными. В то же время в сельской местности, ввиду низкой материальной обеспеченности пожилых и нехватки денег на еду и лекарства, а также на товары первой необходимости, стратегия самопомощи была выражена в поиске альтернативных вариантов лечения, например – траволечения, что было довольно распространённой практикой для села, или в замене необходимых лекарств на их аналоги – дженерики:

*«У меня пенсия 13 000 рублей, и не разгуляешься особо. Что есть, то и получаю. Поэтому – поскольку спина больная, а лечение в городе стоит около 80 000 рублей, – приходится изобретать, прибегать, что*

называется, к бабушкиным методам. Завариваешь там что-то, придумываешь... И это, знаете, помогает, спасает, действует отлично. Вот хотя бы такие возможности у меня есть» (ж., 69, село, Республика Карелия).

Соседская помощь с лекарствами была довольно распространённой для представителей стратегии самопомощи, подобную помощь можно определить как реципрокный и символический. Главной характеристикой стратегии самопомощи выступает понимание того, что такие институциональные провайдеры поддержки индивидуального здоровья, как сельская медицина (ФАПы и амбулатории), социальные работники и сельские аптеки, очень часто не справляются с потребностями пожилых людей и основными ресурсами формирования стратегии сохранения индивидуального здоровья тогда выступают соседская помощь и поиск альтернативных способов лечения.

Проблемы со здоровьем, которые ограничивают активность пожилых жителей из сельской местности, были значимыми, но латентными факторами, которые редко артикулировались в форме жалоб. Чаще они представляли собой отсылку к инструментальной сущности индивидуального здоровья, которая в первую очередь связана с мобильностью, а также с возможностью обслуживать себя. Для жителей крупного города ключевым критерием активности было не просто здоровье, которое позволяло обслуживать себя и выполнять рутинные необходимые задачи по дому, но такое индивидуальное здоровье, которое способствовало тому, что пожилые люди могли быть мобильными, интегрированными в различные практики активного долголетия и ЗОЖ. Важным здесь было поддержание такого уровня здоровья, который не всегда виделся пожилым людям возможным, поэтому возникали трудности, связанные с тем, что пожилые люди маркировали своё индивидуальное здоровье и своё состояние как факторы, ограничивающие их активности и возможности:

*«Раньше я, например, и в лыжных походах участвовал, да и вообще в походах. Где только ни был, чем только ни занимался, даже просто ездил! Можно сказать, полстраны исколесил. А теперь всё изменилось, здоровья хватает уже исключительно на себя – и всё, нет никаких других возможностей, в целом нет перспектив улучшить здоровье. Ты становишься максимально замкнутым, максимально ограниченным в определённом пространстве, что, безусловно, не улучшает твоё физическое и психологическое самочувствие. Однако теперь по-другому никак. В своём дневнике я это так и записал: вот она, старость, пришла, и ничего другого уже не предвидится. Да и ждать чего-либо, наверное, уже неправильно и довольно странно» (м., 69, Санкт-Петербург).*



Опросы свидетельствуют о том, что состояние индивидуального здоровья представителей стратегии самопомощи зависит от их индивидуального восприятия своего самочувствия, от индивидуального понимания всех возможных проблем, которые могут возникнуть перед пожилым человеком при обращении к некачественной сельской или городской медицине. При этом частота самолечения и поиска его возможных альтернатив напрямую зависит от таких факторов, как материальное положение и образование (чем они выше, тем медленнее информант переходит к выбору стратегии самолечения). В городе такая стратегия встречалась реже, и для городских пожилых людей стратегия самопомощи была обусловлена противостоянием низкому, по их оценкам, качеству государственной медицины.

Кроме того, значимым показателем выбора стратегии самопомощи выступала неуверенность в будущем. С ростом возраста информанта и вероятностью возникновения новых заболеваний возможности медицины, как сельской, так и городской, оценивались невысоко и, следовательно, единственным решением было обращение к альтернативным возможностям, а именно к поиску альтернативных решений через самолечение. Также следует отметить, что представители стратегии самопомощи по большей части не имели серьёзных проблем со здоровьем, поэтому могли, как отмечали в интервью сами информанты, «экспериментировать», искать наиболее подходящие способы лечения заболеваний, различные альтернативы. И важным было то, что представители этой стратегии считали, что здоровье не зависит от различных социальных факторов. При этом высокая автономность в принятии решений была не менее значимым фактором, и индивидуальное здоровье рассматривалось здесь как проблема самого пожилого человека, который мог выбрать наиболее оптимальный путь заботы о здоровье, обозначить правильную стратегию сохранения индивидуального здоровья. Помимо прочего, представители данной стратегии отмечали в интервью важность профилактики различных заболеваний, необходимость прохождения диспансеризации.

*Стратегия получения помощи.* Для представителей стратегии получения помощи важным в сохранении своего индивидуального здоровья было построение отношений по принципу «опекаемый – опекун». Общество обязано опекать и защищать таких индивидов, способствовать их лечению, создавать для них все возможности для лечения заболеваний. Система здравоохранения рассматривалась такими индивидами комплексно, исходя из важности для общества оказания необходимой поддержки пожилым людям и обеспечения своевременного лечения. Между тем представители данной стратегии из сельской местности были в основном не уверены в качестве оказываемой им медицинской помощи, но отмечали в интервью отсутствие каких-либо альтернатив ввиду ограниченности и неразвитости сельской медицины:



*«А если что прихватит, то куда? Сами подумайте: к кому вообще бежать и куда обратиться? Да, знаю, что у нас вообще нет нормальной, качественной медицины, это ни для кого не секрет. Но всё равно хорошо, что хоть какая-то помощь есть в принципе, что хоть куда-то можно обратиться, пусть на таком ужасном уровне» (ж., 68, село, Республика Карелия).*

Представители стратегии получения помощи были уверены в том, что медицинские услуги смогут улучшить индивидуальное здоровье пациентов. Кроме того, представители данной стратегии, которые проживали в городе, отмечали важность обращения за помощью, так как это, по их мнению, способствует более успешному лечению, в отличие от самолечения. Более того, в интервью городские представители стратегии получения помощи подчёркивали, что наибольший вред для своего здоровья они ожидали именно от самолечения, которое приводит к запущенности болезни:

*«Если вовремя не пойти и не обратиться за помощью, то вы прекрасно понимаете: тут и в ящик сыграть недалеко. Поэтому я иду. И что бы там ни говорили, но медицина у нас хорошая: так скажем, не хуже, отнюдь не хуже, чем в США. И вот это как раз важно понимать и осознавать» (м., 71, Санкт-Петербург).*

Представители стратегии получения помощи в целом были удовлетворены лечением и не отмечали каких-либо сложностей в этом процессе. Важным был именно момент обращения за помощью, который представители этой стратегии часто определяли, используя в нарративе такие слова и словосочетания, как «своевременное и необходимое обращение», «обратиться, пока не будет хуже», «главное – вовремя успеть», «любая помощь должна быть врачебной».

Следует отметить, что представители стратегии получения помощи как в городе, так и в сельской местности обычно имели различные хронические заболевания и опыт их лечения, который, как отмечают информанты, диктовал им необходимые условия для быстрого и оперативного обращения за помощью, способствовал скорейшему пониманию того, что только профессиональная медицина может помочь в лечении болезни:

*«Всё познаётся, я вам скажу, в сравнении, и никак иначе. Вот основное, что значимо, что важно. Уже при сильной боли, когда ты эту боль сама на себе испытала, ты понимаешь, что единственно возможный выход – это только лечение. Причём не затягивание, а своевременный поход к врачу – вот основное. Это всегда надо стараться понимать при любом лечении» (ж., 69, Санкт-Петербург).*

Отметим, что для представителей стратегии получения помощи важным выступало отсутствие автономности в рамках принятия решения

относительно своего здоровья. Как правило, в контексте принятия решений представители этой стратегии ориентировались на свой предыдущий опыт, который был связан с эффективностью медицинской помощи для лечения и минимизации вероятности возникновения новых заболеваний. Обыкновенно представители указанной стратегии имели низкое материальное положение: в сельской местности, например, денег хватало преимущественно на покупку продуктов и самых необходимых лекарств. В то же время представители данной стратегии в городе имели лучшее материальное положение, однако считали это незначимым фактором при лечении заболеваний, наиболее важным условием поддержания здоровья они считали своевременное обращение за медицинской помощью, как правило, в районные поликлиники.

Анализируя интервью, мы пришли к выводу, что представители стратегии получения помощи чаще встречались в городе, чем в сельской местности. Вероятнее всего, это было обусловлено тем, что среди городских пожилых людей автономия была выражена в большей степени в поисках возможных вариантов лечения заболеваний, а эти варианты обыкновенно сводились к выбору между государственной медициной или платной медициной. Также нами было отмечено, что представители стратегии получения помощи в меньшей степени прибегали к альтернативным способам лечения и предпочитали обращаться за помощью к доказательной медицине, при этом выбор часто делался в пользу государственной медицины и поликлинического лечения. Важным для представителей данной стратегии было обращение к социальным аспектам лечения заболеваний и минимизации боли. И именно социальные взаимодействия – общение с врачами и другим медицинским персоналом – выступали основными компонентами лечения для представителей стратегии получения помощи. При этом поведение, сохраняющее здоровье, виделось представителям данной стратегии в своевременной диспансеризации, в своевременном обращении к врачам.

## Заключение

Результаты исследования показывают, что индивидуальное здоровье пожилых людей проявляется как относительно сложное соотношение между индивидуальными и социальными ожиданиями и особенностями среды, возрастом, автономностью и материальным положением. Следует отметить, что сам концепт индивидуального здоровья, рассматриваемый в статье, проявляется как эмоционально-целостная форма сознания, зависящая и от социальных, и от индивидуальных факторов. Интерпретация полученных результатов позволила выделить две стратегии сохране-

ния индивидуального здоровья пожилых людей: стратегию самопомощи и стратегию обращения за помощью, которые отличались главным образом тем, что для стратегии самопомощи наиболее значимым выступает эмоциональное представление пожилых людей о необходимости автономии при лечении заболеваний, в то время как для стратегии получения помощи ключевыми факторами были важность оказания медицинской помощи профессионалами и понимание того, что единственно верным способом поддержания здоровья выступает обращение за медицинской помощью в государственные поликлиники.

Стратегия самопомощи связана с автономностью и относительной независимостью от институционализированных медицинских услуг и сервисов, отличающихся, по мнению пожилых, низким качеством, такая стратегия характерна преимущественно для жителей сельских районов. Стратегия получения помощи связана с обращением к институциональной медицине и с отсутствием у пожилых людей автономии в выборе медицинской помощи.

Результаты исследования подтверждают существование специфики выбора стратегий сохранения здоровья пожилыми людьми, который формируется под воздействием специфики различных локаций, влияния среды, собственных взглядов на лечение и качества медобслуживания в месте проживания. Основной проблемой для пожилых людей, проживающих в сельской местности, выступает отсутствие (или часто недоступность) медико-социального обслуживания, что актуализирует поиск альтернативных вариантов лечения заболеваний. Для пожилых сельчан важными провайдерами медицинской помощи выступают местное сообщество и различные неформальные практики, среди которых наиболее распространённой является практика покупки лекарств без назначения врача. Для пожилых людей в крупном городе немаловажным выступает обращение в медучреждения как к единственным и безальтернативным институциональным провайдерам медицинских услуг, и в данном случае доверие к таким провайдерам выше, чем в сельской местности.

Кроме того, нами установлено, что при выборе той или иной стратегии сохранения здоровья значимым выступает понимание важности индивидуальных и социальных аспектов в рамках сохранения здоровья. Так, для представителей стратегии самопомощи основными выступали именно индивидуальные аспекты здоровья, приоритет автономности в лечении. Для представителей стратегии получения помощи ключевыми были социальные аспекты лечения – коммуникация и взаимодействие с врачами, именно на эти факторы здесь в большей степени обращали внимание.

Наконец, нами было отмечено, что материальное положение пожилых людей влияет на их выбор стратегии сохранения своего здоровья. При

этом наиболее низкое материальное положение и нехватка необходимых ресурсов фиксировались у сельских жителей – представителей стратегии самопомощи. Для городских жителей, в основном представителей стратегии получения помощи, материальное положение не было критичным в контексте выбора пути лечения, но они обращались преимущественно к государственной медицине, к первичному поликлиническому звену. Наиболее распространённой в сельской местности была стратегия самопомощи, что обусловлено тем, что у пожилых людей на селе, в отличие от городских жителей, были довольно ограниченные ресурсы, скромные возможности для лечения заболеваний.

Следует отметить, что потенциал изучения стратегий сохранения индивидуального здоровья пожилых людей открывает в различных регионах страны и городах России значительные перспективы для дальнейших исследований индивидуального здоровья с применением качественной методологии, например, в контексте изучения влияния социального и социально-экономического развития тех или иных регионов на доступность медицинского обслуживания.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Григорьева И. А., Уханова Ю. В. Трансформация социальной политики в России в контексте старения населения / И. А. Григорьева, Ю. В. Уханова, Е. О. Смолева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 5. С. 124–140. DOI 10.15838/esc.2019.5.65.8. EDN **PYIKCN**.
2. Егоров В. В. Гериатрическая служба России. Основные тенденции развития // Клиническая геронтология. 2007. Т. 13, № 3. С. 67–72. EDN **JHCZGP**.
3. Ткачёва О. Н. Современная концепция развития гериатрической помощи в Российской Федерации // Вестник Росздравнадзора. 2016. № 4. С. 31–35. EDN **WJDAYV**.
4. Смолькин А. А. Медицинский дискурс в конструировании образа старости // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10, № 2. С. 134–141. EDN **LDGYFP**.
5. Григорьева И. А., Чернышова С. П. Новые подходы к профилактике социального исключения пожилых // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12, № 2. С. 186–196. EDN **LDGYVV**.
6. Anttonen A., Sipilä J. European social care services: is it possible to identify models? // Journal of European social policy. 1996. Vol. 6, № 2. P. 87–100. DOI 10.1177/095892879600600201. EDN **JRXAZP**.
7. Burchardt T., Le Grand J. Social exclusion in Britain 1991–1995 / T. Burchardt, J. Le Grand, D. Piachaud // Social policy & administration. 1999. Vol. 33, № 3. P. 227–244. DOI 10.1111/1467-9515.00148.
8. Frank A. W. From sick role to practices of health and illness // Medical Education. 2013. Vol. 47, № 1. P. 18–25. DOI 10.1111/j.1365-2923.2012.04298.x.
9. Social inequality among elderly individuals caused by climate change: Evidence from the migratory elderly of mainland China / Z. Wang [et al.] // Journal



- of Environmental Management. 2020. Vol. 272. P. 111079. DOI 10.1016/j.jenvman.2020.111079.
10. Галкин К. А. Социальная политика активного долголетия в России и государствах всеобщего благосостояния Европы: опыт сравнительного анализа // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 2. С. 239–252. DOI 10.15838/esc.2022.2.80.15. EDN **UQVRAL**.
  11. Kalache A., Gatti A. Active ageing: a policy framework // Advances in gerontology=Uspekhi gerontologii. 2003. Т. 11. С. 7–18.
  12. Колпина Л. В., Горелик С. Г. Социальное здоровье: сущность, дефиниция и механизмы детерминации индивидуального здоровья (литературный обзор) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Медицина. Фармация. 2016. № 26 (247). С. 5–13. EDN **XTDIFB**.
  13. Шабунова А. А. Общественное и индивидуальное здоровье в современной России: состояние и динамика : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / Шабунова Александра Анатольевна ; ИСЭПН РАН. Москва, 2011. 439 с.
  14. Валеев Э. Р., Камашева А. В. Показатели измеримости общественного и индивидуального здоровья // Вопросы экономики и права. 2016. № 102. С. 69–73. EDN **YJKJQV**.
  15. Kim S., Jazwinski S. M. Quantitative measures of healthy aging and biological age // Healthy aging research. 2015. Vol. 4. P. 26. DOI 10.12715/har.2015.4.26.
  16. Formosa M. Active ageing in the fourth age: The experiences and perspectives of older persons in long-term care // Geopolitical, Social Security and Freedom Journal. 2019. Vol. 2, № 1. P. 78–92. DOI 10.2478/gssfj-2019-0008.
  17. Зеликова Ю. А. Субъективное благополучие пожилых людей (кросснациональный анализ) // Социологические исследования. 2014. № 11 (367). С. 60–69. EDN **TCWERP**.
  18. The personal experience of aging, individual resources, and subjective well-being / N. Steverink [et al.] // The Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences. 2001. Vol. 56, № 6. P. 364–373. DOI 10.1093/geronb/56.6.P364.
  19. Becker C., Kirchmaier I. Marriage, parenthood and social network: Subjective well-being and mental health in old age / C. Becker, I. Kirchmaier, S. T. Trautmann // PloS one. 2019. № 14 (7). e0218704. DOI 10.1371/journal.pone.0218704.
  20. Черныш М. Ф. Социальное благополучие и здоровье // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН. 2020. № 1. С. 54–74. DOI 10.19181/INAB.2020.1.4. EDN **SDCHVN**.
  21. Alhojailan M. I. Thematic analysis: A critical review of its process and evaluation // West east journal of social sciences. 2012. Vol. 1, № 1. P. 39–47.
  22. Kvale S., Brimkmann S. Doing interviews. Second ed. London : SAGE Publications Ltd, 2018. 208 p. DOI 10.4135/9781529716665.

## Сведения об авторе

**К. А. Галкин**

кандидат социологических наук

AuthorID РИНЦ: **850737**

Статья поступила в редакцию 23.11.2022; одобрена после рецензирования 27.01.2023; принята к публикации 10.02.2023.



Original article

DOI: 10.19181/snsp.2023.11.1.9

## STRATEGIES FOR MAINTAINING THE INDIVIDUAL HEALTH OF THE ELDERLY: URBAN AND RURAL CONTEXTS

**Konstantin Aleksandrovich Galkin**

The Sociological Institute of FCTAS RAS,

Saint-Petersburg, Russia,

*kgalkin1989@mail.ru*,

ORCID 0000-0002-6403-6083

**For citation:** Galkin K. A. Strategies for maintaining the individual health of the elderly: urban and rural contexts. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023; 11(1): 157–172. (in Russ.). DOI 10.19181/snsp.2023.11.1.9.

**Abstract.** The article discusses the features that, in the regional aspect, influence the choice of various strategies for the preservation of individual health by older people. It is concluded that the individual health of the elderly depends on the specific social environment, as well as on individual psychological and physiological factors, on the level of activity and autonomy in decision-making. The study was conducted by the Sociological Institute of the RAS – branch of the FCTAS RAS from March to September 2022 in two regions of the Russian Federation: St. Petersburg and rural areas of the Republic of Karelia. The main research method used was semi-structured interviews, the approach to analysing interview data was thematic. One of the results of the analysis is the identification of specific factors of two health preservation strategies typical for older people: self-help, with distinctive features of autonomy in the social environment, the poor financial situation of representatives of this strategy and their search for alternative methods of treatment; and a care strategy related to older people's trust in institutional medicine, their experience in managing a chronic disease, and their higher financial status. The results of the study allow us to conclude that when choosing a particular strategy, older people are guided by such factors as the level of trust in the social environment in general and professional medicine in particular, individual psychological and emotional aspects of ideas about maintaining one's health and the level of personal material well-being.

**Keywords:** elderly people, elderly people's health, city, rural area, elderly people's health care

### REFERENCES

1. Grigor'eva I. A., Uhanova YU. V., Smoleva E. O. Transformation of social policy in Russia in the context of population aging. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*=*Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2019; 5: 124–140. (In Russ.). DOI 10.15838/esc.2019.5.65.8.
2. Egorov V. V. Geriatric Service of Russia. Main development trends. *Clinical gerontology*=*Klinicheskaya gerontologiya*. 2007; 13(3): 67–72. (In Russ.).
3. Tkachyova O. N. Modern concept of geriatric care development in the Russian Federation. *Bulletin of Roszdravnadzor*=*Vestnik Roszdravnadzora*. 2016; 4: 31–35. (In Russ.).
4. Smol'kin A. A. Medical discourse in the construction of the image of old age. *Journal of Sociology and Social Anthropology*=*ZHurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2007; 2: 134–141. (In Russ.).

5. Grigor'eva I. A., CHernyshova S. P. New approaches to the prevention of social exclusion of the elderly. *ZHurnal sociologii i social'noj antropologii=Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2009; 12(2): 186–196. (In Russ.).
6. Anttonen A., Sipilä J. European social care services: is it possible to identify models? *Journal of European social policy*. 1996; 2: 87–100. DOI [10.1177/095892879600600201](https://doi.org/10.1177/095892879600600201).
7. Burchardt T., Le Grand J. Piachaud D. Social exclusion in Britain 1991–1995. *Social policy & administration*. 1999; 33(3): 227–244. DOI [10.1111/1467-9515.00148](https://doi.org/10.1111/1467-9515.00148).
8. Frank A. W. From sick role to practices of health and illness. *Medical Education*. 2013; 47(1): 18–25. DOI [10.1111/j.1365-2923.2012.04298.x](https://doi.org/10.1111/j.1365-2923.2012.04298.x).
9. Wang Z. [et al.]. Social inequality among elderly individuals caused by climate change: Evidence from the migratory elderly of mainland China. *Journal of Environmental Management*. 2020; 272: 111079. DOI [10.1016/j.jenvman.2020.111079](https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2020.111079).
10. Galkin K. A. The social policy of active longevity in Russia and the Welfare States of Europe: the experience of comparative analysis. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz=Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2022; 15(2): 239–252. (In Russ.). DOI [10.15838/esc.2022.2.80.15](https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.15).
11. Kalache A., Gatti A. Active ageing: a policy framework. *Advances in gerontology=Uspekhi gerontologii*. 2003; 11: 7–18.
12. Kolpina L. V., Gorelik S. G. Social health: the essence, definition and mechanisms of determination of individual health (literary review). *Actual problems of medicine=Aktual'nye problemy mediciny*. 2016; 36(26): 5–13. (In Russ.).
13. SHabunova A. A. Public and individual health in modern Russia: status and dynamics. Doctoral dissertation. Moscow; 2011. 439 p. (In Russ.).
14. Valeev E. R., Kamasheva A. V. Indicators of measurability of public and individual health. *Voprosy ekonomiki i prava=Economic and legal issues*. 2016; 102: 69–73. (In Russ.).
15. Kim S., Jazwinski S. M. Quantitative measures of healthy aging and biological age. *Healthy aging research*. 2015; 4: 26. DOI [10.12715/har.2015.4.26](https://doi.org/10.12715/har.2015.4.26).
16. Formosa M. Active ageing in the fourth age: The experiences and perspectives of older persons in long-term care. *Geopolitical, Social Security and Freedom Journal*. 2019; 1: 78–92. DOI [10.2478/gssfj-2019-0008](https://doi.org/10.2478/gssfj-2019-0008).
17. Zelikova YU. A. Subjective well-being of the elderly (cross-national analysis). *Sociological research=Sociologicheskie issledovaniya*. 2014; 11: 60–69. (In Russ.).
18. Steverink N. [et al.] The personal experience of aging, individual resources, and subjective well-being. *The Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. 2001; 56(6): 364–373. DOI [10.1093/geronb/56.6.P364](https://doi.org/10.1093/geronb/56.6.P364).
19. Becker C., Kirchmaier I., Trautmann S. T. Marriage, parenthood and social network: Subjective well-being and mental health in old age. *PloS one*. 2019; 14(7): e0218704. DOI [10.1371/journal.pone.0218704](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0218704).
20. CHernysh M. F. Social well-being and health. *Informational and Analytical bulletin of the Institute of Sociology of the FCTAS RAS=Informacionno-analiticheskij byulleten` Instituta sociologii FNISC RAN*. 2020; 1: 54–74. (In Russ.). DOI [10.19181/INAB.2020.1.4](https://doi.org/10.19181/INAB.2020.1.4).
21. Alhojailan M. I. Thematic analysis: A critical review of its process and evaluation. *West east journal of social sciences*. 2012; 1(1): 39–47.
22. Kvale S., Brimkman S. Doing interviews. Second ed. London: SAGE Publications Ltd; 2018. 208 p. DOI [10.4135/9781529716665](https://doi.org/10.4135/9781529716665).

## Information about the Author

**K. A. Galkin**

Candidate of Sociology

The article was submitted 23.11.2022; approved after reviewing 27.01.2023; accepted for publication 10.02.2023.



УДК 316.344

DOI: 10.19181/snsp.2023.11.1.10

EDN: GFUHNS

Научная статья

## НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ КАРЬЕРОЙ СПЕЦИАЛИСТА В ПАРАДИГМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА «ДЕМОГРАФ»

**Тамара Керимовна Ростовская**<sup>1</sup>

**Наталья Сергеевна Рычихина**<sup>2</sup>

**Ольга Анатольевна Золотарёва**<sup>3</sup>

<sup>1</sup> Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН,  
Москва, Россия,  
*rostovskaya.tamara@mail.ru*,  
ORCID 0000-0002-1629-7780

<sup>2</sup> Ивановский государственный университет,  
Иваново, Россия,  
*richihina@mail.ru*,  
ORCID 0000-0001-9872-424X

<sup>3</sup> Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,  
Москва, Россия,  
*OAMahova@yandex.ru*,  
ORCID 0000-0001-7339-7510

**Для цитирования:** Ростовская Т. К., Рычихина Н. С., Золотарева О. А. Некоторые аспекты управления карьерой специалиста в парадигме профессионального стандарта «Демограф» // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 1. С. 173–195. DOI 10.19181/snsp.2023.11.1.10. EDN GFUHNS.

**Аннотация.** Актуализирована значимость появления новой профессии – демограф. Обоснована потребность в демографах органами государственной и муниципальной власти, аналитическими центрами, внебюджетными фондами, Росстатом, социологическими службами, крупными компаниями. Рассмотрены наиболее востребованные должности демографов на 2022–2030 гг. Выявлено, что для молодых специалистов важным элементом мотивации, помимо материальной, является карьерный рост. В этом контексте в статье авторами представлено видение ряда аспектов сложного многогранного процесса управления карьерой демографа, в частности: построена карта карьерных должностей демографов в зависимости от уровня их квалификации, с помощью которой выпускники университетов, молодые специалисты, а также опытные сотрудники смогут определить, насколько их уровень компетенций отвечает предъявляемым требованиям к знаниям и умениям.

© Ростовская Т. К., 2023

© Рычихина Н. С., 2023

© Золотарёва О. А., 2023

ям, а также понять возможности развития своей карьеры. В соответствии с картой должностей и профессиональным стандартом «Демограф» представлена матрица профессиональных компетенций по различным уровням для демографа. Разработанная авторская матрица не только представляет ценный научный результат, но и является, по сути, эффективным инструментом, позволяющим выявить уровень квалификации того или иного сотрудника, формирующего карьеру в сфере демографии. Для определения соответствия работника данной должности и возможности его продвижения по карьерной лестнице рекомендуется использовать балльный метод оценки. Помимо профессиональных компетенций, выделены важные в работе демографа soft-skills (мягкие компетенции), на которые стоит обращать внимание при подборе кандидатов на должность. Рекомендуется при продвижении сотрудника по карьерной лестнице демографа проводить аттестацию, целью которой будет определение соответствия его занимаемой должности и оценка его квалификационного уровня для карьерного роста.

**Ключевые слова:** демограф, профессиональный стандарт, карьера, управление персоналом, матрица компетенций, карьерограмма, карта карьерных должностей

## Введение

В современной России демографическая конъюнктура, сформировавшаяся в большинстве регионов, представляется довольно однотипной на соответствующих временных интервалах. Последние 6 лет отмечены общими демографическими проблемами, присущими в целом нашему государству: сокращение численности населения, суженное воспроизводство, снижение рождаемости, старение населения. Органы государственной власти принимают необходимые меры для решения этой проблемы: реализуется национальный проект «Демография», в рамках регионов оказываются определённые меры поддержки студенческим семьям, многодетным семьям и пр. Для комплексного решения демографических проблем и эффективной реализации поставленных задач в стратегических документах, включая Стратегию национальной безопасности Российской Федерации <sup>1</sup>, Концепцию демографической политики на период до 2025 года <sup>2</sup> и ряд других национальных проектов и региональных программ, требуются специалисты, которые умеют формировать цифровые демографические базы данных, определять демографическую конъюнктуру, моделировать и разрабатывать прогнозы и сценарии развития демографических процессов, проводить экспертизу программ и проектов развития общества. Именно специалисты, обладающие высоким уров-

---

<sup>1</sup> Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Гарант.РУ : [сайт]. 06.07.2021. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/> (дата обращения: 21.09.2022).

<sup>2</sup> Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Президент России : [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/26299> (дата обращения: 21.09.2022).



нем владения демографическими компетенциями, способны релевантно и полно представлять демографическую «картину мира». Острая необходимость научно-обоснованного информационно-аналитического обеспечения по демографическим вопросам актуализирует значимость появления самостоятельной профессии – демографа – и привлечения данных специалистов в команды по разработке и реализации общественно значимых проектов в качестве экспертов и консультантов по народосбережению и выравниванию демографического дисбаланса.

Отметим, что сегодня в Общероссийском классификаторе занятий (ОКЗ) <sup>1</sup> профессия «экономист-демограф» не имеет самостоятельности и отнесена к «начальной группе» «2122. Статистики». Однако, утверждённый профессиональный стандарт «Демограф» (*Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 08.06.2022 № 346н* <sup>2</sup>), в разработке которого активное участие принимали авторы данной статьи <sup>3</sup>, даёт основание полагать возможность выделения в «малой группе» «212. Математики (включая актуариев) и статистики» «начальную группу» «2123 – Демограф», что будет соответствовать Международной стандартной классификации занятий 2008 (ISCO–08) <sup>4</sup>. К примерам занятий начальной группы «2123. Демограф» можно отнести следующие: демограф, экономист-демограф, демограф в социальной сфере, специалист в области народосбережения, аналитик в демографической сфере, консультант (советник) в области демографического развития и др.

Демографические процессы оказывают значительное влияние на спрос и предложение на товары и услуги, на ситуацию на рынке труда, на ситуацию на рынке недвижимости и пр. Данные процессы требуют анализа и изучения. Справиться с поставленными задачами, установить закономерности изменения демографических структур и выявить их влияние на социально-экономические процессы в обществе могут демографы. Совокупность перечисленных факторов вызвала спрос на рынке труда на демографов.

Вышеуказанное определяет несомненный интерес к изучению особенностей / специфики профессии «демограф», требований к специалистам,

<sup>1</sup> ОКЗ – Общероссийский классификатор занятий. Классификатор ОК 010-2014 (МСКЗ-08) с изменением № 1 от 1 марта 2021 г. / Общероссийские классификаторы : [сайт]. URL: <https://classifikators.ru/okz?ysclid=ld2b8mlmf381461063> (дата обращения: 21.09.2022).

<sup>2</sup> Приказ Минтруда России № 346н от 8 июня 2022 г. «Об утверждении профессионального стандарта “Демограф”» // Минтруд России : [сайт]. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/2368> (дата обращения: 21.09.2022).

<sup>3</sup> Зам. председателя рабочей группы – Т. К. Ростовская, д-р социол. наук, профессор; ответственный секретарь – О. А. Золотарёва, канд. экон. наук, доцент.

<sup>4</sup> Международная стандартная классификация занятий 2008 – International Standard Classification of Occupations 2008 (ISCO-08) // Международная организация труда : [сайт]. URL: [https://www.ilo.org/moscow/information-resources/publications/WCMS\\_306603/lang--ru/index.htm](https://www.ilo.org/moscow/information-resources/publications/WCMS_306603/lang--ru/index.htm) (дата обращения: 21.09.2022).



желающим себя реализовать в данной профессии, для чего, в частности необходимо построение карьерограммы демографа, на базе профессионального стандарта, регламентирующего профессиональные компетенции демографа.

### Анализ предметной области

В цифровую эпоху «демограф» – это специалист, способный осуществлять релевантный анализ закономерностей и тенденций развития народонаселения, применять технологии при разработке демографических прогнозов на средне- и долгосрочную перспективу, определять сценарии как перспективной численности населения региона или страны в целом, так и будущего развития демографических процессов и структур.

В настоящее время к демографу предъявляются очень высокие требования. Он должен не только проводить анализ демографической ситуации, её моделировать и прогнозировать, но и в зависимости от своего уровня квалификации формировать демографические базы данных на основе цифровых технологий, обосновывать векторы демографического развития регионов, оценивать влияние демографических трансформаций на научный потенциал и экономику, проводить экспертизы государственных программ и проектов.

В соответствии с утверждённым профессиональным стандартом «Демограф» и с учётом современной реальности, в которой беспрецедентно возрастают объёмы и увеличивается разнообразие потоковых данных (больших данных), тотальный характер носит повсеместное применение цифровых технологий, высококвалифицированный специалист в области демографии должен владеть междисциплинарными знаниями и высоким уровнем цифровой компетенции. Указанное является не только драйвером развития кадрового потенциала цифровой экономики путём подготовки информационно-аналитических работников (демографов, аналитиков, управленцев и др.) нового поколения, но и позволяет говорить о перспективах повышения качества стратегического управления с учётом необходимости поддержки процесса конвергенции демографии в такие области, как социальное обеспечение, медицина, социология, экономика и т. д. Свободное владение специалистами нового типа демографическими методами, приёмами и инструментами, отвечающими вызовам цифровой эпохи и шестому технологическому укладу, обеспечивает возможности проведения комплексной, релевантной, своевременной диагностики / оценки состояния, развития и происходящих трансформаций в контексте национальной безопасности (социально-демографической и экономической).

Перечень знаний и умений, которыми должен владеть демограф в соответствии с профессиональным стандартом «Демограф» [1], формирует цифровые компетенции, определяющие использование в практической деятельности навыков работы с большими данными – Big Data, методов интеллектуального анализа данных – Data mining, аддитивных технологий, робототехники – элементов нового технологического уклада [2]. Этим определяется востребованность демографов на рынке труда.

В профессионалах-демографах испытывают потребность:

- Федеральные, региональные и местные органы власти. Для органов власти важно, чтобы демограф, работающий у них в штате, выполнял следующие значимые функции: определял специфику демографического развития в общем по стране, а также по регионам России, оценивал эффективность влияния реализуемых мер государственной политики на социально-демографические процессы в обществе, диагностировал демографическую конъюнктуру и моделировал демографические процессы в обществе в зависимости от реализации определённой социально-экономической политики.
- Аналитические центры. Демографы в аналитических центрах ориентированы на осуществление сбора и обобщения информации о социально-демографических группах (пенсионерах, студентах, трудоспособном населении, безработных и пр.), трудовых коллективах (предприятий и организаций разных сфер деятельности), домохозяйствах; создание на основе собранной информации баз демографических данных; формирование аналитических отчётов по демографическому развитию и предоставление их заинтересованным пользователям (в частности Министерством и ведомствам) и общественности.
- Отделы крупных компаний и организаций. В компаниях и организациях основные функции демографов могут быть сведены к следующим: сбор данных по выделенным группам населения, отслеживание разного рода трансформаций в различных социально-демографических группах (что позволит строить экономические модели спроса на товары и услуги, своевременно определять изменения потребностей потенциальных покупателей (потребителей услуг) и оперативно на них реагировать, соответственно корректируя планы работы организаций, моделировать прибыльность компаний и организаций на текущий период и на перспективу).
- Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Востребованность демографов определяется деятельностью Росстата, связанной, прежде всего, с проведением переписей и выборочных обследований населения, обработкой и анализом получаемых данных.

- Пенсионный фонд РФ, Медицинский фонд, Фонд социального страхования и ряд других внебюджетных фондов и организаций. Специалисты, владеющие демографическими компетенциями, способны предоставлять аналитическое обоснование для построения программ и планов развития системы здравоохранения, социального и пенсионного обеспечения.
- Страховые компании. Демографические знания необходимы также в страховании, поскольку с помощью демографических методов выполняются многие расчёты, а специалисты-страховщики должны разбираться в таких понятиях, как продолжительность жизни населения, знать тенденции относительно смертности и здоровья населения.
- Социологические службы. Демографы востребованы в социологических службах и центрах по изучению общественного мнения, так как они владеют инструментарием сбора и обработки информации о населении.

Востребованность квалифицированного демографа высока. Экспертная оценка потребности в демографах по состоянию на 2022 г. в России составляет примерно 5300 человек. Диапазон их заработных плат – от 20 000 до 135 000 рублей в зависимости от уровня квалификации демографа, региона и прочих факторов<sup>1,2</sup>. Однако для молодых специалистов важным элементом мотивации, помимо материальной, является карьерный рост [3].

Вопросами построения карьеры занимались А. М. Карякин [4], А. О. Минкина [5], Е. В. Пахомова [6], В. К. Потемкин [7], Ю. А. Филясова [8], В. А. Чикер [9] и другие учёные. В настоящее время при построении карьеры специалиста важную роль играет применение компетентностного подхода, который позволяет оценивать знания, умения и навыки сотрудника, определять соответствие его занимаемой должности и выявлять необходимые направления его профессионального развития для будущего карьерного роста. Исследованию компетентностного подхода посвящены работы учёных и практиков в различных профессиональных областях. Например, С. Г. Радько рассматривает значение компетентностного подхода в формировании трудового потенциала предприятия [10]. Е. Н. Бавыкина, Л. Г. Миляева и Ж. Б. Бейсбекова отмечают, что компетенции будущего специалиста формируются уже в образовательном процессе, и акцентируют внимание на важности использования

---

<sup>1</sup> О профессии Демографа // Vuzopedia Россия : [сайт]. URL: <https://vuzopedia.ru/professii/421> (дата обращения: 30.10.2022).

<sup>2</sup> Демограф. Государственное и муниципальное управление // РИА Карьера : [сайт]. URL: <https://ria-karera.ru/demograf/?ysclid=19wmin8vqx801748893> (дата обращения: 30.10.2022).

компетентностного подхода в образовательном процессе в учебных заведениях [11; 12]. Э. Э. Сыманюк, Л. Ю. Шемятихина, М. Г. Синякова описывают особенности применения компетентностного подхода при подготовке отраслевых специалистов [13]. О. Л. Чуланова и Н. С. Борисенко рассматривают методiku внедрения данного подхода при подборе и отборе сотрудников на работу в организации, а также использование его при оценке персонала [14]. Кроме того, учёными исследуются особенности применения компетентностного подхода в разных профессиональных областях. Так, Д. А. Казимова, С. А. Кипшаков, А. М. Шарзадин рассматривают применение компетентностного подхода при подготовке IT-специалистов [15]. Г. Абилкасимова, К. Д. Абдиракиш исследуют особенности внедрения данного подхода при подготовке педагогов профессионального образования [16]. С. Н. Игнатова, О. Б. Божков изучают профессиональные компетенции руководителей муниципальных образований [17]. Как мы видим, проблема управления карьерным ростом сотрудников с использованием компетентностного подхода в настоящее время очень актуальна, однако вопросы построения карьеры демографа и оценки уровня его карьерных компетенций не изучены и требуют глубокой проработки.

При построении карьерного плана демографа в организации рекомендуется опираться на такие личностные факторы сотрудника, как образование, повышение квалификации в области демографии, опыт работы, уровень профессиональной зрелости специалиста. Демограф должен иметь высшее образование (социологическое, экономическое, статистическое, менеджмент, государственное и муниципальное управление) и пройти программу повышения квалификации по демографическому профилю. При планировании карьерного роста следует руководствоваться действующим профессиональным стандартом «Демограф»<sup>1</sup>.

Для того, чтобы сотрудник, планирующий построение карьеры демографа, развивался в своей профессии, он должен быть готовым к обучению и повышению квалификации. Чтобы удержать данного сотрудника, работодатель на начальном этапе должен представить ему карту должностей, а также матрицу карьерных компетенций – инструменты, формирующие у работника понимание его возможностей для успешной реализации планов в профессии / карьерного роста. Цель составления карты карьерных должностей, матрицы карьерных компетенций, карьерограммы – дать возможность демографу реализовать потребность в саморазвитии и карьерном росте [18]. Кадровым службам рекоменду-

---

<sup>1</sup> Приказ Минтруда России № 346н от 8 июня 2022 г. «Об утверждении профессионального стандарта “Демограф”» // Минтруд России : [сайт]. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/2368> (дата обращения: 21.09.2022).

ется составлять на 3–5 лет схему (карьерограмму) возможных перемещений с учётом ожидаемых вакансий. Профессиональный стандарт «Демограф» предполагает практическую работу не менее одного года в области анализа данных для занятия вакансий специалиста-демографа, демографа в социальной сфере и экономиста-демографа.

Анализ передовых должностей демографа способствовал разработке авторской, уникальной карты карьерных должностей для демографа, с помощью которой выпускники вузов, молодые специалисты, а также опытные сотрудники способны самостоятельно оценить свой уровень компетенций, а также понять, куда и как они могут двигаться дальше, какой путь построения карьеры будет для них более интересным и эффективным, и т. д. Карта карьерного роста демографа визуализирует как реальное состояние, в котором находится сотрудник на данный момент, так и его карьерные перспективы: вертикального (вертикальный карьерный рост) и горизонтального (горизонтальный карьерный рост) характера (см. рис. 1). Отправной точкой сотрудника будет являться та или иная из указанных на карте, смотря на какую должность был принят специалист

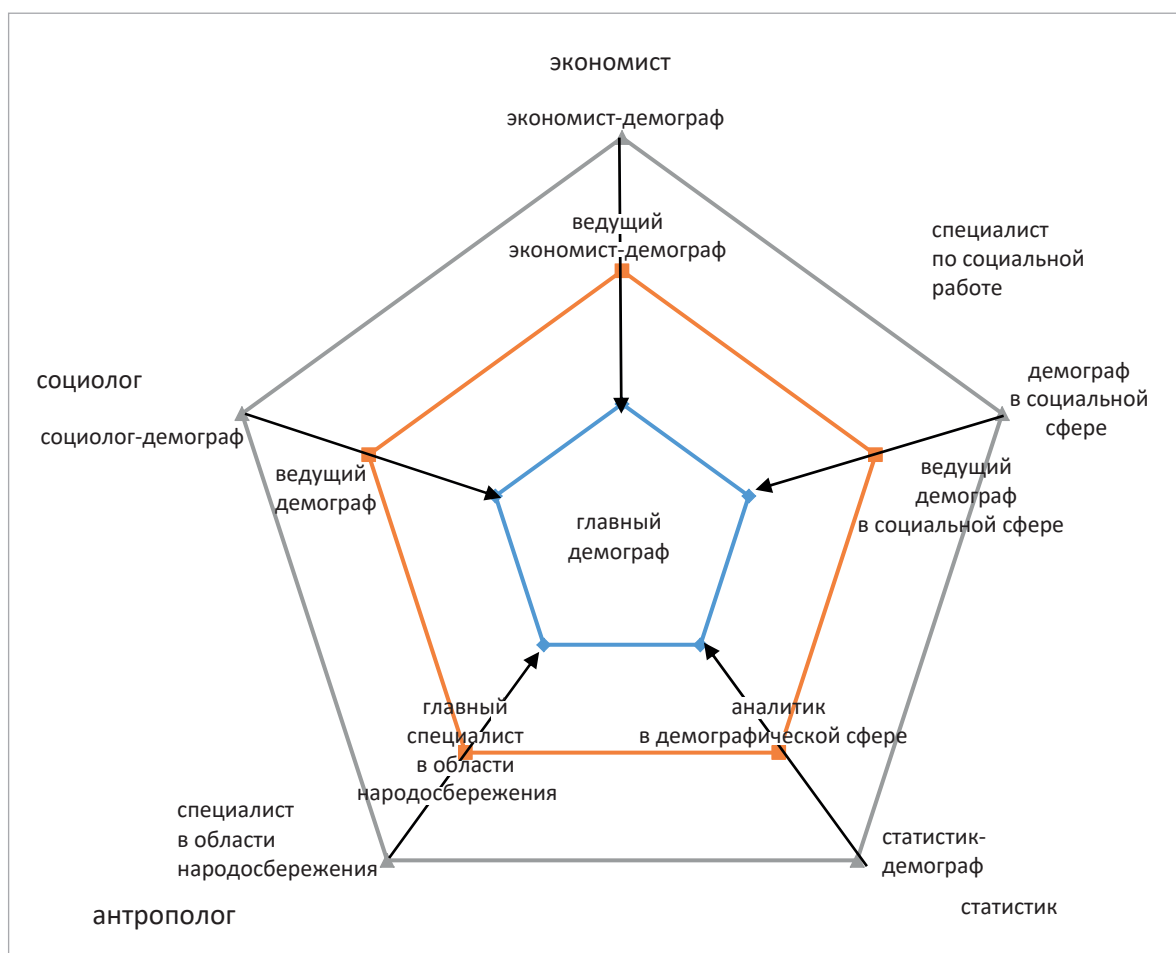


Рис. 1. Карта должностей демографа



и где он находится сейчас, в частности как далеко он продвинулся от начальных ступеней карьерного пути в организации (социолог-демограф, экономист-демограф, статистик-демограф, демограф в социальной сфере, специалист в области народосбережения). В соответствии с картой вертикальный путь карьерного роста сотрудника соответствует его повышению от уровня специалиста до ведущего специалиста и главного специалиста. Начиная с демографа в социальной сфере, работник может продвигаться в должности до главного демографа в социальной сфере, затем после повышения квалификации, дойти до должности ведущего демографа и стать консультантом по вопросам демографического развития. На данной карте представлено пять основных направлений для вертикального карьерного роста сотрудников. Кроме того, горизонтальное перемещение по карьерной лестнице тоже, несомненно, обеспечивает высокий профессионализм сотрудников, что в дальнейшем будет способствовать карьерному росту.

Если потенциальный работник с высшим образованием по направлению подготовки «статистика» желает строить карьеру демографа, он может закончить программу повышения квалификации демографа (например, «Подготовка экспертов центров оценки квалификаций и экзаменационных центров в сфере безопасности труда, социальной защиты и занятости населения») и претендовать на вакансию статистика-демографа. Для того чтобы в дальнейшем продвигаться по карьерной лестнице данному сотруднику надо закончить магистратуру и проработать не менее одного года статистиком-демографом, чтобы повысить свои компетенции и навыки в области демографического анализа. Если при планировании своей карьеры он нацелен занять должность главного аналитика в демографической сфере (главного демографа), ему надо проработать не менее одного года в области аналитического обеспечения разработки стратегий и программ государственных и коммерческих организаций.

Планировать карьерный рост в области демографического развития может также работник с высшим образованием по направлению подготовки «социолог»: завершив обучение по программе повышения квалификации в области демографии, он может устроиться на работу социологом-демографом. А затем, проработав в этой должности более года, получив соответствующие компетенции и навыки, стать ведущим демографом в организации. В дальнейшем такой сотрудник может претендовать на должность главного демографа.

Хорошие перспективы по карьерограмме для сотрудника с экономическим образованием. На первоначальном этапе он может, повысив квалификацию в области демографии, претендовать на должность экономиста-демографа. В дальнейшем, получив практический опыт в области

анализа данных, – на должность ведущего экономиста-демографа. А проработав более года в области аналитического обеспечения разработки стратегий и программ государственных и коммерческих организаций, – на должность главного демографа в данной организации.

Выпускник, получивший диплом специалиста по социальной работе, может реализовать себя как демограф в социальной сфере. В этом случае при построении карьеры, он может претендовать на должность ведущего демографа в социальной сфере, а затем на главного демографа.

В настоящий момент очень востребованы специалисты в области народосбережения. Поэтому для кандидата с антропологическим образованием рекомендуем закончить программу повышения квалификации демографа и строить свою карьеру в направлении специалиста в области народосбережения. Вертикальный карьерный рост возможен для такого сотрудника до должности главного специалиста по народосбережению.

Построение профессиональной карьеры в профессии демографа в направлении его вертикального продвижения по карьерной лестнице определяется наличием не только профильного образования, значимой детерминантой являются его когнитивные способности и конкурентоспособность.

## Результаты исследования

В соответствии с картой должностей и профессиональным стандартом «Демограф» представлена матрица профессиональных компетенций по различным уровням для экономиста-демографа, отражающая, в соответствии с картой карьерных должностей на каждом уровне, и ключевые компетенции, позволяющие судить об уровне квалификации конкретного сотрудника, и базовые требования с рекомендуемым сроком нахождения работника на той или иной должности, и инструменты, способствующие дальнейшему продвижению сотрудника на вышестоящую должность (рис. 2, 5 и 6).

Схема матрицы раскрывает универсальный перечень знаний, умений и навыков для работы на определённой должности. С целью выявления соответствия работника той должности, на которую он претендует, и анализа возможностей его продвижения по карьерной лестнице рекомендуется применять балльный метод оценки. Основой метода может являться следующая система баллов:

- ✓ 0 баллов – сотрудник не обладает данной компетенцией,
- ✓ 1 балл – сотрудник недостаточно (слабо) владеет данной компетенцией,
- ✓ 2 балла – сотрудник полностью обладает данной компетенцией.



Рис. 2. Схема матрицы карьерных компетенций экономиста-демографа

Подобный подход позволяет определить, соответствует ли работник занимаемой должности, готов ли сотрудник к переходу на новую должность, кроме того, оценка позволит выявить пробелы в его знаниях и умениях, требующие доработки для перехода кандидата на новую ступень карьерного роста. Для оценки компетенций сотрудника рекомендуется использовать количественные и качественные методы оценки (тестирование, собеседование, матричный метод, метод 360 градусов и др.).

В таблице 1 представлен пример результатов оценки знаний, умений и навыков трёх кандидатов на должность экономиста-демографа. В качестве оценочного теста использовался метод тестирования. Всего

оценивалось 15 компетенций. По каждой компетенции претендентам предлагалось 5 тестовых вопросов. При правильном ответе на все из них (100% правильных ответов) сотруднику ставится 2 балла в оценочную таблицу. Это говорит о том, что сотрудник полностью обладает компетенцией. Если претендент сделал 1 ошибку в тестовом задании по данной компетенции, ему ставится 1 балл. Такой сотрудник в недостаточной мере обладает данной компетенцией. Если сотрудник совершил 2 и более ошибки в тестовом задании из пяти вопросов, ставим ему 0 баллов. Данный сотрудник не обладает оцениваемой компетенцией. Предложенный оценочный тест включал 75 вопросов по знаниям, навыкам и умениям. По результатам тестирования набранные претендентами баллы суммировались. Результаты оценки знаний, умений и навыков трёх кандидатов на должность экономиста-демографа, представленные в таблице 1, показали, что сотрудник под номером 2 набрал наибольшее количество баллов – 30. И его мы смело можем брать на свободную вакансию экономиста-демографа. Сотрудникам 1 и 3 мы рекомендуем устранить выявленные пробелы в их знаниях, навыках и умениях и развивать свои компетенции.

Таблица 1

Пример результатов оценки знаний, умений и навыков кандидатов на должность экономиста-демографа

Знает	Набранные баллы кандидата на должность			Умеет	Набранные баллы кандидата на должность			Владеет навыками	Набранные баллы кандидата на должность		
	1-й кандидат	2-й кандидат	3-й кандидат		1-й кандидат	2-й кандидат	3-й кандидат		1-й кандидат	2-й кандидат	3-й кандидат
Национальные нормативные акты в области демографического развития	2	2	2	Проводить оценку актуальности, достоверности, полноты и доступности официальной статистической информации	2	2	2	Разработки инструментария мониторинговых исследований	2	2	2

Продолжение таблицы 1

Знает	Набранные баллы кандидата на должность			Умеет	Набранные баллы кандидата на должность			Владеет навыками	Набранные баллы кандидата на должность		
	1-й кандидат	2-й кандидат	3-й кандидат		1-й кандидат	2-й кандидат	3-й кандидат		1-й кандидат	2-й кандидат	3-й кандидат
Цифровые технологии для разработки баз данных в области демографии	2	2	1	Разрабатывать анкеты для проведения мониторинговых исследований	2	2	2	Разработки системы показателей для формирования баз данных в области демографии на основе современных цифровых технологий	2	2	2
Индикаторы и факторы демографического развития, показатели измерения и диагностики демографических исследований	1	2	2	Определять критерии формирования выборки для проведения социально-демографических исследований населения	2	2	1	Проведения мониторинговых исследований социально-демографических групп, домохозяйств, трудовых коллективов	2	2	2
Методы и технологии оценки	2	2	2	Классифицировать и обобщать результаты мониторинговых исследований, выявлять состояние демографической ситуации	2	2	2	Создания баз данных в области демографии на основе современных цифровых технологий	1	2	1



Окончание таблицы 1

Знает	Набранные баллы кандидата на должность			Умеет	Набранные баллы кандидата на должность			Владеет навыками	Набранные баллы кандидата на должность		
	1-й кандидат	2-й кандидат	3-й кандидат		1-й кандидат	2-й кандидат	3-й кандидат		1-й кандидат	2-й кандидат	3-й кандидат
Стратегические документы, являющиеся основой формирования информационной базы	2	2	2	Использовать цифровые технологии работы с информацией, базами данных в области демографии	2	2	2	Расчёта социально-демографических параметров населения по материалам проведённых мониторинговых исследований	2	2	2
Набранные кандидатами баллы	9	10	9	–	10	10	9	–	9	10	9
<b>Итого 1-й кандидат</b>	<b>286</b>										
<b>Итого 2-й кандидат</b>	<b>306</b>										
<b>Итого 3-й кандидат</b>	<b>276</b>										

На рисунках 3 и 4 представлены примеры результатов оценки сотрудника 1, претендующего на должность экономиста-демографа. При продвижении сотрудника по карьерной лестнице необходимо проводить аттестацию сотрудника, целью которой будет определение соответствия его занимаемой должности и оценка его квалификационного уровня для карьерного роста.

В дополнение к профессиональным компетенциям (hard-skills) демографа, которые регламентированы профессиональным стандартом, для карьерного роста сотруднику стоит уделить внимание своим личностным компетенциям, или по-другому мягким компетенциям (soft-skills) [19].

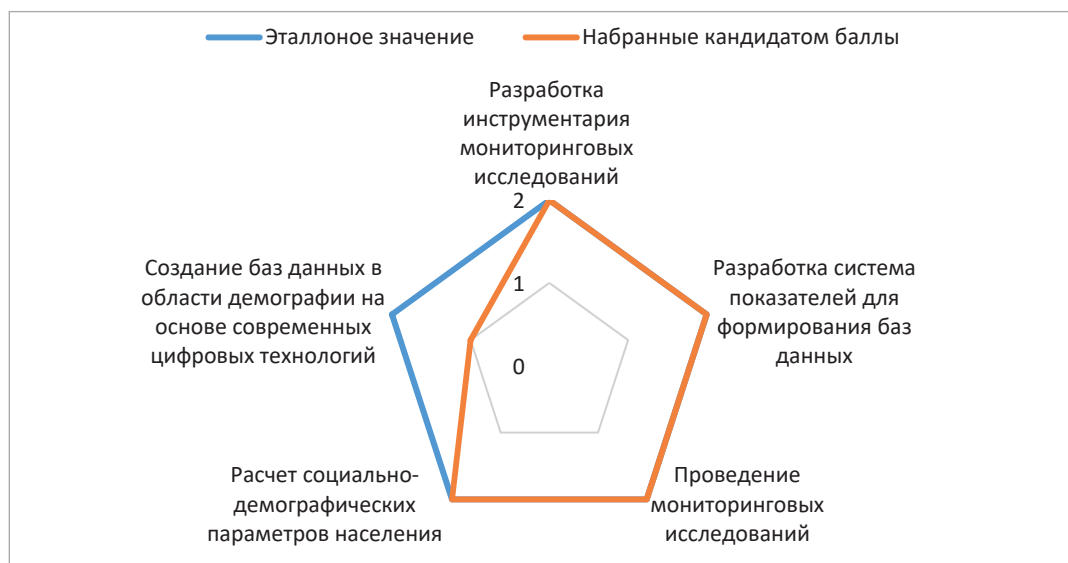


Рис. 3. Оценка трудовых действий экономиста, планирующего занять должность экономиста-демографа

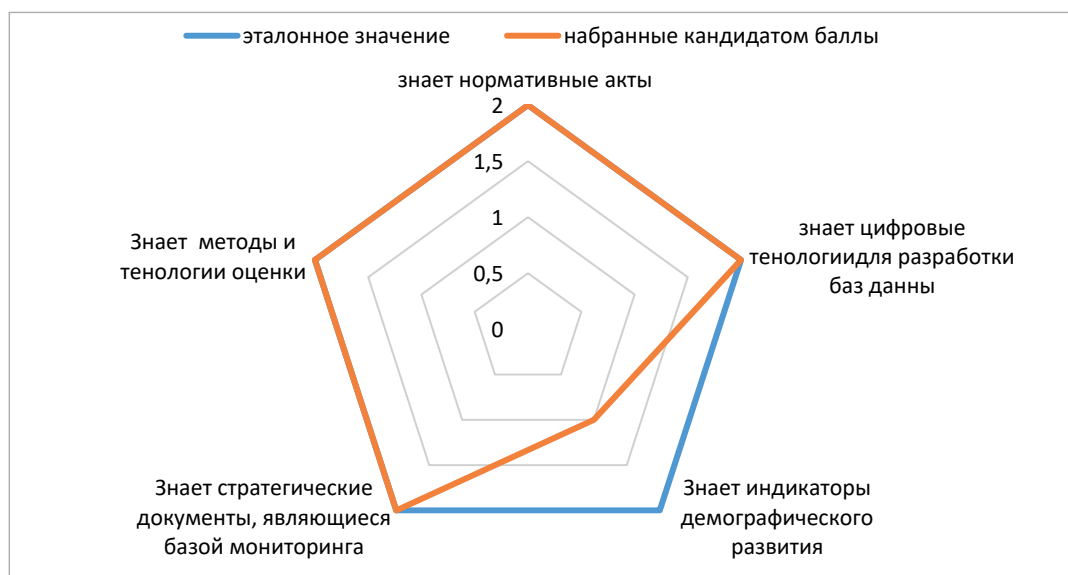


Рис. 4. Оценка необходимых знаний экономиста, планирующего занять должность экономиста-демографа

К важным личностным компетенциям, которыми должен обладать демограф, относятся:

1. **Осознанность:** позволяет демографу понимать свою цель и делать осмысленные шаги.
2. **Репутация.** Если демограф хочет достичь результата и построить карьеру, ему необходимо формировать свою репутацию.
3. **Эмоциональная компетентность:** без умения управлять своими эмоциями, быть терпеливым, а также «сканировать» эмоции других людей, специалист не сможет быть результативным в этих коммуникациях.



Рис. 5. Схема-матрица карьерных компетенций ведущего экономиста-демографа

4. Социальная компетентность. Она является важным компонентом в построении отношений (с коллегами, руководством, подчинёнными, партнёрами, клиентами и т. д.). Без социальной компетентности вертикальная карьера невозможна.
5. Аналитический склад ума. Цифровая эпоха требует высокой компетенции в работе с данными многомерного характера. Умение обрабатывать и анализировать потоки данных, грамотно их интерпретировать сегодня становится качественным параметром, характеризующим уровень квалификации работника / сотрудника.



Рис. 6. Схема матрица карьерных компетенций главного демографа (консультанта и специалиста демографической экспертизы)

## Заключение

Утверждённый Приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 8 июня 2022 г. № 346н<sup>1</sup> профессиональный стандарт «Демограф» представляет собой моделирование профессии [20] демографа, органично вписанное в контекст преобразования демографи-

<sup>1</sup> Приказ Минтруда России № 346н от 8 июня 2022 г. «Об утверждении профессионального стандарта "Демограф"» // Минтруд : [сайт]. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/2368> (дата обращения: 15.09.2022).

ческой практики, учитывающее применение современных доминирующих технологий, что, в свою очередь, предопределяет соответствующие компетенции специалиста. Среди подобных компетенций в модели профессии демографа – трудовые действия, навыки и знания, необходимые для профессиональной деятельности, связанной с обработкой и анализом данных. В условиях нового этапа развития нашего государства, характеризующегося, в частности, формированием цифровой экономики, основным активом которой являются большие данные и знания, высококвалифицированный специалист-демограф, обладающий междисциплинарными знаниями и высоким уровнем цифровой компетенции, имеет возможность формировать релевантную / объективную картину демографического развития, разрабатывать прогнозы и сценарии демографических явлений и процессов с учётом влияния на них социально-экономических факторов.

Сформированная модель профессии демографа качественно определена, так как в основе профессионального стандарта «Демограф» лежит научно обоснованная система, базирующаяся на результатах комплексного анализа развития деятельности в демографической сфере и отвечающая требованиям научно-методологического и информационно-аналитического обеспечения для принятия грамотных управленческих решений, касающихся стратегии развития и будущего Российской Федерации.

Бесспорным преимуществом моделирования профессии демографа в соответствии с действующим профессиональным стандартом «Демограф» является возможность планирования карьерного роста специалиста-демографа. Указанный профессиональный стандарт послужил руководством для разработки карты карьерных должностей демографа, которая представляет собой довольно эффективный инструмент, способствующий построению карьеры в профессии и продвижению по карьерной лестнице. С помощью карты карьерных должностей демографов, которая учитывает уровень квалификации специалистов, выпускники университетов, молодые специалисты, а также опытные сотрудники смогут оценить свой уровень и понять, куда они могут двигаться дальше, какой путь построения карьеры будет для них более интересным. В соответствии с картой должностей и действующим профессиональным стандартом «Демограф» построена матрица профессиональных компетенций по различным уровням для экономиста-демографа, в которой, для каждого уровня прописаны ключевые компетенции, позволяющие судить об уровне квалификации того или иного сотрудника. Представленный пример матрицы может быть распространён на ту или иную сферу общественной деятельности (социальную, управленческую и т. д.), в которой специалист-демограф планирует свою карьеру. Следует обратить внима-



ние на то, что в целях определения соответствия работника данной должности и его продвижения по карьерной лестнице рекомендуется использовать балльный метод оценки.

В целом можно заключить, что предложенная методика управления карьерой демографа в социолого-управленческом аспекте довольно полно отражает возможные направления развития демографов как высококвалифицированных специалистов.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ростовская Т. К., Золотарева О. А. Профессиональный стандарт «демограф» как ключевой механизм управления развитием кадрового потенциала в области народосбережения // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 1 (37). С. 128–142. DOI 10.19181/snsp.2022.10.1.8865. EDN **URGDW**.
2. Переслегин С. Б. VI технологический уклад: пространство возможностей / С. Б. Переслегин // Экономические стратегии. 2019. Т. 21, № 3 (161). С. 24–34. DOI 10.33917/es-3.161.2019.24-33. EDN **MALWFM**.
3. Рычихина Н. С. Комплексная методика анализа карьерного роста и социальной мобильности сотрудников организации / Н. С. Рычихина, Ю. С. Зорик // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2019. № 1 (57). С. 68–75. EDN **SYNKH**.
4. Карякин А. М., Юникова А. В. Развитие методов оценки профессиональной деятельности персонала // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. 2016. № 4 (30). С. 36–40. EDN **XECQLN**.
5. Минкина А. О. Карьера и факторы ее успешности // Colloquium-Journal. 2020. № 19-3 (71). С. 6–7. DOI 10.24411/2520-6990-2020-12062. EDN **EYHXF**.
6. Пахомова Е. В. Понятие «карьера»: анализ определений // Вестник ЮУрГУ. Серия Психология. 2013. Т. 6, № 2. С. 111–115. EDN **QINVQF**.
7. Потёмкин В. К. Человекоориентированное управление предприятиями и организациями // Экономика и управление. 2020. Т. 26, № 2 (172). С. 165–176. DOI 10.35854/1998-1627-2020-2-165-176. EDN **IWUGYU**.
8. Филясова Ю. А. Развитие карьеры персонала организации // Управление. 2021. Т. 9, № 1. С. 80–91. DOI 10.26425/2309-3633-2021-9-1-80-91. EDN **MOJJUZ**.
9. Чикер В. А. Психологические аспекты индивидуальной карьеры // Вестник СПбГУ. Серия 16. Психология. Педагогика. 2011. № 3. С. 80–90. EDN **OROICJ**.
10. Радько С. Г. Компетентностный подход в процедурах управления трудовым потенциалом // Human Progress. 2021. Т. 7, № 1. DOI 10.34709/IM.171.13. EDN **LFODWE**.
11. Бавыкина Е. Н., Миляева Л. Г. Профессиональная карьера: компетентностный подход // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 15. С. 2551–2555. URL: <https://e-koncept.ru/2016/96431.htm> (дата обращения: 19.01.2023).
12. Бейсбекова Ж. Б. Компетентностный подход – новая модель образования / Ж. Б. Бейсбекова // Успехи современного естествознания. 2015. № 1. С. 115–120. EDN **TIQCCR**.

13. *Сыманюк Э. Э.* Компетентностный подход в подготовке отраслевых специалистов / Э. Э. Сыманюк, Л. Ю. Шемятихина, М. Г. Синякова // *Фундаментальные исследования*. 2009. № 5-S. С. 141–146. EDN **KXQHOT**.
14. *Чуланова О. Л.* Методика реализации компетентностного подхода при отборе и оценке персонала организации / О. Л. Чуланова, Н. С. Борисенко // *Мир науки*. 2015. № 1. С. 16. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/04EMN115.pdf>. (дата обращения: 19.01.2023). EDN **UGAFIP**.
15. *Казимова Д. А., Кипшаков С. А.* Компетентностный подход к подготовке ИТ-специалистов в информационно-образовательной среде / Д. А. Казимова, С. А. Кипшаков, А. М. Шарзадин // *Международный журнал экспериментального образования*. 2013. № 7. С. 27–31. EDN **RALMZT**.
16. *Абилкасимова Г., Абдиракиш К. Д.* Особенности компетентностного подхода в профессиональном образовании // *Международный журнал экспериментального образования*. 2016. № 8. С. 11–13. URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=10343> (дата обращения: 19.01.2023). EDN **WKSQOT**.
17. *Божков О. Б., Игнатова С. Н.* Профессиональные компетенции руководителей муниципальных образований / О. Б. Божков, С. Н. Игнатова // *Петербургская социология сегодня*. 2017. № 8. С. 36–53. EDN **ZWHNZH**.
18. *Рычихина Н. С., Евдокимова О. В.* Управление карьерой HR-менеджера // *Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение*. 2021. № 4 (68). С. 26–31. DOI 10.6060/snt.20216804.0004. EDN **FUPMWS**.
19. *Рычихина Н. С.* Компетентностный подход к построению карьеры HR-специалиста в компании / Н. С. Рычихина, О. О. Коробова, О. В. Евдокимова // *Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством*. 2022. № 1 (51). С. 62–72. DOI 10.6060/ivcofin.2022511.586. EDN **VXDOAL**.
20. *Сизикова В. В., Аникеева О. А.* Моделирование профессиональных стандартов специалистов социальной сферы как основа преобразования социальной практики / В. В. Сизикова, О. А. Аникеева // *Сервис в России и за рубежом*. 2016. Т. 10, № 8 (69). С. 105–119. DOI 10.22412/1995-042X-10-8-12. EDN **VIVVIC**.

## **Сведения об авторах**

### **Т. К. Ростовская**

доктор социологических наук, профессор

AuthorID РИНЦ: **767943**

### **Н. С. Рычихина**

кандидат экономических наук, доцент

AuthorID РИНЦ: **612314**

### **О. А. Золотарёва**

кандидат экономических наук, доцент

AuthorID РИНЦ: **327777**

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 07.11.2022; одобрена после рецензирования 31.01.2023; принята к публикации 11.02.2023.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2023.11.1.10

## SOME ASPECTS OF MANAGING THE CAREER OF A SPECIALIST IN THE PARADIGM OF THE PROFESSIONAL STANDARD “DEMOGRAPHER”

**Tamara Kerimovna Rostovskaya**<sup>1</sup>

**Natalia Sergeevna Rychikhina**<sup>2</sup>

**Olga Anatol'evna Zolotareva**<sup>3</sup>

<sup>1</sup> Institute for Demographic Research FCTAS RAS,  
Moscow, Russia,  
[rostovskaya.tamara@mail.ru](mailto:rostovskaya.tamara@mail.ru),  
ORCID 0000-0002-1629-7780

<sup>2</sup> Ivanovo State University,  
Ivanovo, Russia,  
[richihina@mail.ru](mailto:richihina@mail.ru),  
ORCID 0000-0001-9872-424X

<sup>3</sup> Lomonosov Moscow State University,  
Moscow, Russia,  
[OAMahova@yandex.ru](mailto:OAMahova@yandex.ru),  
ORCID 0000-0001-7339-7510

**For citation:** Rostovskaya T. K., Rychikhina N. S., Zolotareva O. A. Some aspects of managing the career of a specialist in the paradigm of the professional standard “Demographer”. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023; 11(1): 173–195. (in Russ.). DOI 10.19181/snsp.2023.11.1.10.

**Abstract.** The article emphasise the significance of the emergence of a new profession of a demographer. The authors substantiate the need for demographers by state and municipal authorities, analytical centres, non-budgetary funds, Federal State Statistics Service (Rosstat), sociological services and large companies. There are considered the most demanded demographer positions for 2022–2030. It is revealed that an important element of motivation for young professionals, in addition to material motivation, is career growth. In this context, the authors present a vision of a number of aspects of the complex multifaceted process of managing a demographer’s career. In particular a career map for demographers was built depending on their level of qualification, that can help university graduates, young professionals, as well as experienced employees to determine how much their competencies meet the requirements for knowledge and skills, as well as to understand the possibilities of developing their career. In accordance with the career map and the professional standard “Demographer”, a matrix of professional competencies at various levels is presented for a demographer. The matrix developed by the authors not only represents a valuable scientific result, but in fact, is an effective tool that allows to identify the skill level of an employee who is developing a career in the field of demography. To determine the employee’s compliance with the position and the possibility of his career advancement, it is recommended to use the point method of assessment. In addition to professional competencies, the study identifies the soft skills that are important in the work of a demographer, and that should be assessed

when selecting candidates for a position. Prior to promoting an employee it is recommended to carry out certification with the objective to determine the correspondence of his skills with the position and assess his qualification level for career growth.

**Keywords:** demographer, professional standard, career, personnel management, competency matrix, career chart, career map

## REFERENCES

1. Rostovskaya T. K., Zolotareva O. A. Professional standard “demographer” as a key mechanism for managing the development of human resources in the field of people saving. *Sociological Science and Social Practice=Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika*. 2022; 10(1): 128–142. (in Russ.). DOI 10.19181/snsp.2022.10.1.8865.
2. Pereslegin S. B. VI technological structure: the space of possibilities. *Economic strategies=E`konomicheskaya strategiya*. 2019; (3): 24–33. (in Russ.). DOI 10.33917/es-3.161.2019.24-33.
3. Rychikhina N. S., Zorik Yu. S. Complex methodology for analyzing career growth and social mobility of employees of the organization. *Modern high-tech technologies. Regional application=Sovremennyye naukoemkie texnologii. Regional'noe prilozhenie*. 2019; 1 (57): 68–75 (in Russ.).
4. Karyakin A. M., Yunikova A. V. Development of methods for evaluating professional activity of personnel. *News of Higher educational institutions. The series “Economics, Finance and Production Management”=Izvestiya vysshix uchebnyx zavedenij. Seriya: E`konomika, finansy i upravlenie proizvodstvom*. 2016; 4(30): 36–40. (in Russ.).
5. Minkina A. O. Career and success factor. *Colloquium-journal*. 2020; 19-3(71): 6–7. (in Russ.). DOI 10.24411/2520-6990-2020-12062.
6. Pakhomova E. V. The concept of “career”: analysis of definitions. *Bulletin of SUSU. Series “Psychology”=Vestnik YuUrGU. Seriya Psixologiya*. 2013; 6(2): 111–115. (in Russ.).
7. Potemkin V. K. Human-oriented management of enterprises and organizations. *Economics and Management=E`konomika i upravlenie*. 2020; (2): 165–176. (in Russ.). DOI 10.35854/1998-1627-2020-2-165-176.
8. Filyasova Yu. A. Career development of the organization’s personnel. *Management=Upravlenie*. 2021; 9(1): 80–91. (in Russ.). DOI 10.26425/2309-3633-2021-9-1-80-91.
9. Chiker V. A. Psychological aspects of individual career. *Bulletin of St. Petersburg State University. Episode 16: Psychology. Pedagogy=Vestnik SPbGU. Seriya 16. Psixologiya. Pedagogika*. 2011; (3): 80–90. (in Russ.).
10. Radko S. G. Competence approach in labor potential management procedures. *Human Progress*. 2021; 7(1): 13. (in Russ.). DOI 10.34709/IM.171.13.
11. Bavykina E. N., Milyaeva L. G. Professional career: competence approach. *Scientific and methodological electronic journal “Concept”=Nauchno-metodicheskij e`lektronnyj zhurnal “Koncept”*. 2016; (15): 2551–2555. (in Russ.). Available at: <http://e-koncept.ru/2016/96431.htm> (accessed: 19.01.2023).
12. Beisbekova Zh. B. Competence approach – a new model of education. *Successes of modern natural science=Uspehi sovremennogo estestvoznaniya*. 2015; (1): 115–120. (in Russ.).
13. Simanyuk E. E., Shemyatikhina L. Yu., Sinyakova M. G. Competence approach in the training of industry specialists. *Fundamental research=Fundamental'nyye issledovaniya*. 2009; (5)(appendix): 141–146. (in Russ.).



14. Chulanova O. L., Borisenko N. S. Methodology for implementing the competence approach in the selection and evaluation of the organization's personnel. *Online magazine "World of Science" = Mir nauki*. 2015; (1): 16. (in Russ.). Available at: <http://mir-nauki.com/PDF/04EMN115.pdf>. (accessed: 19.01.2023).
15. Kazimova D. A., Kipshakov S. A., Sharzadin A. M. Competence-based approach to training IT specialists in the information and educational environment. *International Journal of Experimental Education = Mezhdunarodnyj zhurnal e`ksperimental`nogo obrazovaniya*. 2013; (7): 27–31. (in Russ.). Available at: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=3805> (accessed: 19.01.2023).
16. Abilkasimova G., Abdirakish K. D. Features of the competence approach in vocational education. *International Journal of Experimental Education = Mezhdunarodnyj zhurnal e`ksperimental`nogo obrazovaniya..* 2016; (8): 11–13. (in Russ.). Available at: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=10343> (accessed: 19.01.2023).
17. Ignatova S. N., Bozhkov O. B. Professional competencies of heads of municipalities. *St. Petersburg Sociology today = Peterburgskaya sociologiya segodnya*. 2017; (8): 36–53. (in Russ.).
18. Rychikhina N. S., Evdokimova O. V. HR manager career management. *Modern high-tech technologies. Regional application = Sovremennye naukoemkie texnologii. Regional`noe prilozhenie*. 2021; 4(68): 26–31. (in Russ.). DOI 10.6060/snt.20216804.0004.
19. Rychikhina N. S., Korobova O. O., Evdokimova O. V. Competence-based approach to building a career of an HR specialist in a company. *Izvestia of higher educational institutions. The series "Economics, Finance and Production Management" = Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Seriya: E`konomika, finansy i upravlenie proizvodstvom*. 2022; 01(51): 62–72. (in Russ.). DOI 10.6060/ivecofin.2022511.586.
20. Sizikova V. V., Anikeeva O. A. Modeling of professional standards of social sphere specialists as a basis for the transformation of social practice. *Service in Russia and abroad = Servis v Rossii i za rubezhom*. 2016; 10(8): 105–119. (in Russ.). DOI 10.22412/1995-042X-10-8-12.

## Information about the Authors

### T. K. Rostovskaya

Doctor of Sociology, Professor

ResearcherID: [F-5579-2018](#),

Scopus AuthorID: [57192987864](#)

### N. S. Rychikhina

Candidate of Economics, Associate Professor

Scopus AuthorID: [57218823088](#)

### O. A. Zolotareva

Doctor of Economics, Associate Professor

Scopus AuthorID: [57220901427](#)

The authors declare no conflict of interest.

The article was submitted 07.11.2022; approved after reviewing 31.01.2023; accepted for publication 11.02.2023.



СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА  
Научный журнал

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,  
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)  
ПИ № ФС77-73458 от 17.08.2018

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки  
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской  
академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение  
высшего профессионального образования

«Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»

Адрес: 115409, Москва, Каширское ш., 31

Сайт: <https://mephi.ru/>. Телефоны: 8 495 788-56-99, 8-499-324-77-77

**Главный редактор**

Михаил Константинович Горшков

Заместитель главного редактора-ответственный секретарь – Мозговая А. В.

Заведующая редакцией – Зорина А. Е.

Научные редакторы: Камышан В. В. Кофанова Е. Н., Савоськина А. П.

Технический редактор: Ломантерова С. И.

Оригинал-макет; верстка: Чичилов Е. В.

Журнал «Социологическая наука и социальная практика» включен в базу РИНЦ,  
перечень ВАК – категория К1, индексируется в WoS RSCI

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается

**Издатель:**

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки  
Федеральный научно-исследовательский социологический центр  
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес издателя и редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт издателя: <https://www.fnisc.ru>. Телефон издателя: 8 499 125-00-79

Электронная почта редакции: [mozgovai@yandex.ru](mailto:mozgovai@yandex.ru)

Телефон редакции: 8 499 120-82-57. Факс редакции: 8 495 719-07-40

Официальный сайт журнала: <https://www.socnp.ru/index.php/snsp>

2023. Том 11. № 1. Дата выхода в свет 23.03.2023.

Формат бумаги 60×90 1/8. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 24,5. Тираж 100 экз. Цена: Бесплатно.

Заказ: № 21584 от 28 марта 2023 г.

Отпечатано в ООО «Копирофф».

115191, г. Москва, ул. Тульская Б., д. 48, стр.,1. ИНН 7726588970.